

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Юй Цзе

**Общество ревнителей русского исторического просвещения в память
императора Александра III: коммеморативные практики и политическая
конъюнктура, 1895–1914 годы**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.и.н., доцент Д.А. Андреев

Москва – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Мемориализация Александра III в конце 1894 – 1895 годах и консолидация противников возвращения к курсу Великих реформ	30
1.1. Позитивная, негативная и нейтральная коммеморации Александра III	30
1.2. Создание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III	46
Глава 2. Основные направления коммеморативных практик ОРРИП	50
2.1. Мемориализация образов Александра III и эпохи его царствования	50
2.2. Мемориализация членов ОРРИП и ее идеологическое значение	62
2.3. Журнал «Старина и новизна» в коммеморативных проектах ОРРИП	76
2.4 Создание биографии Александра III и стихотворного сборника его памяти	89
Глава 3 Структурные подразделения ОРРИП в коммеморативных практиках общества	103
3.1 Библиотеки ОРРИП: история создания и основные направления деятельности	103
3.2 Местные отделы ОРРИП: между коммеморативными задачами и реальной действительностью	119
Заключение	186
Список использованных источников и литературы	192

Введение

Научная значимость и актуальность. В России эпоха конца XIX в. – начала XX в. и особенно непосредственно самого рубежа веков, с перемены царствования в 1894 г. и до фундаментальных политических реформ 1905–1906 гг., представляло собой время, когда модернизационные процессы. Запущенные Великими реформами, уже не могли ограничиваться сугубо экономической и научно-технической сферами. Они стремились распространиться на социально-политическое и культурное пространства.

В то же время определенные сегменты элиты, прежде всего аристократической, а также некоторые круги интеллектуалов и представителей творческих профессий придерживались стойкого убеждения о возможности при поступательном развитии материальной стороны российской жизни, прежде всего промышленности, – ради поддержания статуса империи как мировой державы – оградить от трансформаций политическую систему, мировоззренческие основания самодержавия и проекции таких оснований в общественное мнение и социокультурные практики. То есть в целом продолжить тот курс, который реализовывался при Александре III и сводился к коррекции ряда Великих реформ и который в современной российской историографии называется «консервативной стабилизацией»¹, а также «народным самодержавием»². Поэтому для таких фигур время Александра III виделось эталонным, идеальным для оптимального с их точки зрения соединения естественной и необходимой реакции государства на вызовы хозяйственного совершенствования и незыблемого культурно-смыслового, ценностного и, естественно, политического каркаса самодержавия.

¹ *Васильев А.А.* Концепция консервативной стабилизации в российском обществе в XIX–XX вв. // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 151–159; *Гриценко Н.Ф.* Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М., 2000. С. 25–27.

² *Ананьич Б.В.* Власть и реформы. От самодержавной к советской России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 2. С. 40.

Отсюда стремление этих людей – влиятельных либо в политическом отношении, либо в силу занимаемых ими заметных позиций в общественной и культурной жизни – не только сохранять и укреплять память об эпохе Александра III и о самом монархе, но и пытаться подобными коммеморативными практиками влиять на Николая II, его династическое окружение, а также на представителей высшей бюрократии: до реформ 1905–1906 гг. – с целью недопущения каких либо продолжений либеральных преобразований, хотя бы даже в духе намерений последних месяцев царствования Александра II, а после этих реформ – ради того, чтобы появившиеся в политической системе России конституционалистские черты, зафиксированные новой редакцией Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г., не получили дальнейшего развития. Помимо воздействия на власть и на ее династическое и бюрократическое окружение приверженцы таких взглядов пытались пропагандировать свой политический идеал в самых широких кругах русского общества, в том числе даже среди крестьянства.

Для придания подобной работе большей эффективности такой адресации к власти, правящим кругам и народу указанные лица создавали разные организации. Одной из наиболее известных таких структур стало Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (далее – ОРРИП), созданное в Санкт-Петербурге в 1895 г. преимущественно усилиями гр. С.Д. Шереметева (впоследствии – его бессменного председателя), близкого к покойному императору и его семье, сохранившего и при новом царе тесные взаимоотношения с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Это общество просуществовало формально до революционных потрясений 1917 г., хотя уже даже после реформ 1905–1906 гг. его деятельность заметно ослабла, а во время Первой мировой войны вообще сошла на нет. Изучение коммеморативных практик ОРРИП в контексте российской политической конъюнктуры конца XIX – начала XX в. позволит углубить имеющиеся на сегодняшний день представления о тех силах, которые являлись противниками либеральной модернизации империи.

Объект и предмет исследования. Объектом рассмотрения является само ОРРИП в его связях и коммуникациях с представителями императорской семьи, династии, высшей бюрократии, государственными и общественными деятелями, фигурами из мира прессы и культуры и иными статусными персонами. Предмет исследования состоит из трех частей. Это, во-первых, процесс выработки членами ОРРИП практик, нацеленных на мемориализацию образа Александра III и времени его царствования как непререкаемой политической ценности, являющейся оптимальной гарантией сохранения и дальнейшего укрепления самодержавной монархии в России и органичных ей представлений и мировоззренческих установок правящих верхов, общества и народа в целом. Во-вторых, это опыт реализации таких практик на фоне реальной жизни и стремительно менявшейся, даже до политического кризиса 1905–1906 гг. и спровоцированных им реформ, общественно-политической обстановки. В-третьих, конкретные итоги усилий ОРРИП по пропаганде своего политического идеала в целях противодействия усиливавшимся и в пространстве власти, и в обществе запросам на преобразования – пусть в разной степени фундаментальные, но вместе с тем имеющие четко выраженные либеральные ориентиры.

Хронологические рамки исследования. Последние месяцы 1894 г. – время самого начала царствования Николая II – является нижней хронологической границей периода, рассматриваемого в работе. В этот период противники возвращения к прерванному в 1881 г. курсу Великих реформ предпринимают первые попытки по организации и систематизации памяти о недавно скончавшемся императоре, делаются выводы о значении этого монарха для России, высказывают свои опасения относительно того, что в верхах и в обществе в целом имеется слишком много заинтересованных в либеральных переменах, а значит – велик риск того, что тако поворот со временем действительно произойдет. На этом фоне начинаются шаги по оформлению общества, которое могло бы стать главным хранителем памяти об эпохе Александра III и одновременно – практическим инструментом по трансляции во

власть, правительственные круги и широкие общественные слои нелиберальных политических ценностей. Тогда же реализуются первые коммеморационные проекты, связанные с именем Александра III, причем не только его приверженцами, но и противниками. Этой коммеморационной волной оказываются захваченными и западные публицисты. Верхняя хронологическая граница работы – канун Первой мировой войны, то есть время фактическое прекращение деятельности ОРРИП.

Территориальные границы исследования связаны с его объектом и предметом, они обусловлены местами функционирования ОРРИП, причем как его центральных структур, так и местных отделов. Таким образом, речь идет о Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Твери, Вильно, Тифлисе.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – комплексно проанализировать деятельность ОРРИП по мемориализации Александра III и эпохи его пребывания на престоле на фоне нараставших во время царствования Николая II модернизационных вызовов, требовавших в том числе основательной ревизии политических идеалов периода 1881–1894 гг.

Для достижения указанной цели необходимо решение ряда задач, в соответствии с которыми структурирована основная часть диссертации:

- систематизировать сведения о первых опытах мемориализации (позитивной, негативной и нейтральной) Александра III, а также проводившегося им политического курса и действиях С.Д. Шереметева совместно с фигурами из его окружения по созданию ОРРИП;
- проанализировать коммеморативные практики ОРРИП, в том числе ситуационную конъюнктуру, в которой они реализовывались, их концептуальную проработку и способы воплощения в жизнь, производимые ими пропагандистские эффекты;
- выяснить, как функционировала организационная структура ОРРИП (отделения по направлениям деятельности и местные отделы) для осуществления коммеморативных практик, насколько действенными оказывались шаги, предпринимаемые подразделениями общества.

Методологическая основа исследования. Работа написана с опорой на основополагающие принципы исторического исследования – историзма и объективности.

Что касается принципа историзма, то он заключается в анализе фактов прошлого именно как последовательных событий, из которых предыдущие определяют последующие. Реализация модернизационных Великих реформ, объективно обусловленных всем предыдущим периодом развития вестернизированной петровской модели самодержавия, была во многом искусственно скорректирована при Александре III. Данное обстоятельство после его кончины привело к тому, что запрос на продолжения прерванного в 1881 г. курса оказался довольно сильным и исходил из разных сегментов правящих кругов и общества. Именно поэтому ответная реакция тех представителей элиты, интеллектуальных и творческих профессий, которые отстаивали иной сценарий модернизации (производственное обновление без социокультурных и политических перемен), также оказалась заметно проявленной. Конфликт пространства памяти, выстраивавшегося усилиями ОРРИП, и окружавшей действительности, показывал необратимость происходивших в стране перемен.

Принцип объективности воплощается в анализе фактов прошлого именно и только лишь в контексте того самого времени, в которое они происходили. Существование политической ниши, в которой оформилось и существовало ОРРИП, – ниши тех, кого можно условно считать селективными модернизаторами, отказывавшимися воспринимать процесс развития комплексно, как распространяющихся на все сферы жизни, а не только на производство и технологии, – было обусловлено причиной как объективной, так и субъективной. Объективная причина заключалась в том, что российская модернизация проводилась сверху, самой властью, что особенно ярко проявилось как раз в годы Великих реформ. Она не опиралась на традиции гражданского общества, которого в сословной России просто не было (можно говорить разве что о каких-то частных его образованиях внутри дворянства). Поэтому весьма значительным оказалось сообщество именно селективных

модернизаторов, допускавших возможность достижения материальных благ от индустриализации и урбанизации при сохранении политической системы и ее идеологии в абсолютной незыблемости. Поэтому, когда в 1894 г. возник риск возврата к 1881 г. и перевода модернизации в режим именно уже политических преобразований, такие люди консолидировались и попытались противодействовать этой тенденции с помощью конструирования памяти о правильном с точки зрения именно селективной модернизации времени. Субъективная же причина была продиктована личностными особенностями Николая II, которые не позволили ему в полной мере продолжить курс своего отца. И ОРРИП возникло именно как подпорка верховной власти, как своего рода организационно оформленный блюститель чистоты самодержавной идеи, который должен был постоянно напоминать престолу о необходимости строгого следования идеалам предыдущего царствования.

Следование принципу объективности неукоснительно предполагает критическое отношение к источниковой базе проводимого исследования. Такое критическое отношение позволяет оценивать уровень достоверности сведений, содержащихся в анализируемых документах. Для этого необходимо выяснить условия их создания и личностные особенности авторов или лиц, причастных к составлению таких текстов. Этим правилам необходимо следовать при работе как с источниками личного происхождения, так и с делопроизводственной документацией. Оба этих вида источников составляют основной корпус материалов, на которых написана работа.

Обозначенные цель и задачи работы позволят использовать также следующие методы: историко-описательный, историко-типологический, сравнительно-исторический, системный.

Историко-описательный метод заключается в последовательном обозначении перемен, происходящих в исторической реальности. Этот метод определяет и периодизацию истории ОРРИП внутри указанных хронологических рамок работы. Представляемая периодизация имеет три этапа. Первый этап – 1894–1895 гг.: преддверие образования ИРРИП. Второй этап –

1894–1904 гг.: время наиболее активного функционирования общества. Третий этап – 1905–1914 гг.: постепенное затухание работы организации.

Историко-типологический метод сводится к группированию фактов прошлого путем определения их общих и особенных характеристик. Стиль работы центральных органов управления ОРРИП заметно отличался от того, как функционировали его местные отделы. Близость власти и правительственных сфер приносили в принятие и реализацию решений центральными органами определенную официозность, в то время как местные отделы, погруженные в реалии окружающей их жизни, действовали более непосредственно.

Сравнительно-исторический метод заключается в сравнении друг с другом фактов, которые имеют внутреннее сходство, а также наблюдение за сохранением или изменением подобного сходства в течение какого-то определенного времени. Манеры коммеморативной деятельности ОРРИП до начала политического кризиса 1905–1906 гг. и в последующий период, с 1905 до 1914 гг., существенно различались. Такие различия были вызваны как изменением политического контекста, так и естественным «остыванием» инициативности в новых условиях после 1905 г.

Системный метод позволяет контекстуализировать частные вопросы в пространстве более общих проблем. Применительно к деятельности ОРРИП значение данного метода заключается в том, что с его помощью можно проследить зависимость содержания и характера коммеморационных практик от специфики текущего момента. На первых порах деятельность ОРРИП в этом направлении не отличалась особой системностью. Но постепенно она структурировалась сообразно организационному строению общества и внешним политическим вызовам.

При написании диссертации использовались также еще два подхода – ценностный и институциональный. Ценностный подход необходим для понимания мотивации, во всяком случае, создателей и ключевых фигур ОРРИП. Для них мемориализация Александра III и тех установок, которыми он руководствовался, особенно на фоне нараставших вызовов его политическому

наследию, была делом принципа, практическим выражением идеи служения престолу. Институциональный подход всегда задействуется при изучении каких-либо организованных структур, обладающих формализацией. В условиях бюрократизации не только государственной, но и общественной деятельности рассчитывать на успех, тем более в таком сложном вопросе, как пропаганда, можно было только с опорой на структуру.

Степень изученности проблемы. В историографии темы настоящей работы можно выделить три отдельных направления. Эти направления совершенно самостоятельны и не связаны друг с другом. Но для рассмотрения историографии данной диссертации их следует обзирать именно вместе.

Первое направление – методологическое, относящееся к новому направлению изучения прошлого – анализу исторической памяти (*memory studies*), что имеет самое непосредственное отношение к изучению коммеморативных практик. В рамках этого направления изучаются различные формы сохранения и функционирования памяти – такие, как культурная память, социальная память, коллективная память, индивидуальная память и т.д. Историографический обзор теоретических и практических наработок рассмотрения исторической памяти представлен в работах О.Б. Леонтьевой³, М.Ф. Румянцевой⁴, В.А. Ростовцева и Д.А. Сосницкого⁵, А.В. Святославского⁶, И.И. Куриллы⁷, Н.Б. Селунской⁸ и др.

³ *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011.

⁴ *Румянцева М.Ф.* Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // *Диалог со временем.* 2019. № 67. С. 41–54.

⁵ *Ростовцев В.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История.* 2014. № 2. С. 106–126.

⁶ *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2013.

⁷ *Курилла И.И.* История и память в 2004, 2008 и 2014 годах // *Отечественные записки.* 2014. № 3 (60). С. 36–43.

⁸ *Селунская Н.Б.* «Спасение от забвения...»: репрезентация прошлого в источниках исторической памяти // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* 2020. № 4. С. 114–131.

Проблематика исторической памяти в западной науке развивалась на основе теоретических представлений П. Нора, Э. Хобсбаума и Б. Андерсена. Данной темой много занимается А. Ассман, которая является создателем понятия коммуникативная память. Такая память возникает в среде «пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни и совместных воспоминаний»⁹. Такая память как раз работает с проектами использования памяти в социально-политических конъюнктурных целях текущего момента. По мнению Н.Б. Селунской, существенное влияние на развитие этой области исторического знания оказало появление новых электронных средств хранения и транслирования информации, а также форм репрезентации прошлого, цифровизации источников разной типовой и видовой принадлежности. Исследовательница утверждает, что критерием выбора тех или иных источников изучения исторической памяти является «информативный потенциал», он дает возможность «“увидеть” прошлое, обогатить историческое знание эмоционально-психологическим восприятием образа прошлого»¹⁰.

В России изучение исторической памяти началось с начала 2000-х гг. преимущественно благодаря трудам Л.П. Репиной и Г.И. Зверевой¹¹. Л.П. Репина разрабатывает концепт коллективной памяти – близкий концепту коммуникативной памяти А. Ассман. Коллективная память нацелена на «актуализацию прошлого как необходимого условия для оформления и стабилизации политического действия, с одной стороны, и инструментализации истории для политических целей сегодняшнего дня, с другой стороны»¹². То есть данный концепт также очень точно соответствует цели и задачам настоящей работы. Рассмотрев подходы к изучению памяти в западных исследованиях, Л.П.

⁹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 22.

¹⁰ Селунская Н.Б. Указ. соч. С. 120.

¹¹ Захаров О.И. Засеивая новое дисциплинарное поле: обзор содержания межвузовского сборника научных трудов «История и историческая память» // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 386.

¹² Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб., 2018. С. 84.

Репина отмечает, что в российских работах, несмотря на активное обращение к анализу «образов прошлого», а также «комплексов обыденных (массовых) представлений о прошлом», «проблема соотношения мировоззренческого, ценностного, психологического и прагматического аспектов формирования, реорганизации и трансформации образов прошлого» либо игнорируется, либо остается «маргинальной»¹³. Исследовательница указывает и на политические проекции таких практик, подчеркивая, что понятие политики памяти чаще всего используется применительно к области символической политики, иначе говоря – «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве»¹⁴. В фокусе внимания оказывается «использование прошлого» для нужд настоящего, изучается «роль политического заказа в формировании и закреплении конкретных знаний о прошлом для обеспечения определенных социально-политических задач»¹⁵.

Представления о прошлом зависят от исторического времени, от происходящих в обществе перемен, от появления новых потребностей, практик и смыслов¹⁶. Интерпретации исторической действительности в значительной степени определяются восприятием интерпретатором синхронной ему реальности. Поэтому каждый индивид неизбежно субъективен в своих воспоминаниях и селективен в выборе целевой аудитории для их трансляции. Однако индивидуальная память не может быть самодостаточной. А. Ассман говорит о коммуникативной памяти, которая существует в «специфическом временном горизонте», который обусловлен в основном сменой поколений. «Через восемьдесят–сто лет возникает отчетливая цезура», иначе говоря –

¹³ Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 1. С. 90.

¹⁴ Она же. Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти») // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 33.

¹⁵ Она же. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти. С. 89. См. также: Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2017.

¹⁶ Репина Л.П. Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти»).

естественным образом рассеивается данная живая коммуникативная память, чтобы уступить место воспоминаниям следующих поколений. Помимо понятия «коммуникативная память» А. Ассман также предлагает понятие «оперативная память общества». Этот вид памяти выполняет посредническую функцию – он претворяется в книгах, фотоальбомах, дневниках, но при этом не может существенно расширить границы живой памяти.

Но благодаря повествованию, актуализации прошлого и коммуникативному обмену реален переход от индивидуальной памяти к коллективной памяти, которая формируется средствами коммуникации и социальными институтами. Это понятие впервые сформулировано французским ученым М. Хальбваксом. В современных исследованиях существуют разнообразные его трактовки. Для настоящей работы важно подчеркнуть следующие его смысловые составляющие. Во-первых, коллективная память составляется из индивидуальных репрезентаций прошлого, поддерживается или переформатируется за счет живой, коммуникативной или оперативной памяти посредством существующих коммеморативных традиций. Во-вторых, как носитель смысла исторических событий, помещенного в определенный социально-культурный контекст, коллективная память по природе своей всегда является опосредованной, она представляет собой некий фонд, который включает в себя разнообразные памятники истории и культуры: монументы, тексты, изображения, акты коммемораций и др. В-третьих, коллективная память не может быть абсолютно объективной, холодной, безразличной, она всегда принадлежит определенному сообществу или группе людей, связанных между собой общими практическими потребностями в настоящем¹⁷.

Понятие «коммеморация» сегодня активно используется в гуманитарных исследованиях, что объясняется его смысловой и функциональной связями с такими важными терминами, как «историческая память», «культурная память», «социальная память», «коллективная память», «индивидуальная память» и др.,

¹⁷ Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. С. 84.

применяющимися в исследованиях феномена памяти, или *memory studies*. Основными функциями коммеморации являются сохранение памяти, значимой для коллективной идентичности, деятельность по обеспечению коммуникации, в результате которой общество принимает, обрабатывает и хранит социокультурные смыслы и традиции, передаваемые из прошлого в настоящее. То есть коммеморация представляет собой совокупность конкретных мемориальных событий и реакций на них.

О.О. Дмитриева, Т.Н. Иванова и Е.К. Минеева выделяют несколько форм коммеморативных практик: нарративная (отражение событий прошлого в текстах), визуальная (через произведения изобразительного искусства и фотодокументы), монументальная (создание памятников архитектуры и скульптуры, а также музейных объектов), церемониальная (выработка ритуалов памятования событий прошлого)¹⁸. Соответственно коммеморативными практиками можно считать, например, составление или пересмотр исторического повествования (нарратива), возведение или демонтаж памятников, наименование или переименование улиц и населенных пунктов, установку мемориальных досок, отмечание исторических юбилеев и учреждение новых праздников и памятных дней, создание музейных комплексов и организацию выставок, произнесение памятных речей и т.п. О.Ю. Малинова считает, что коммеморация обычно оперирует с прошлым в основном посредством упрощенных и эмоционально окрашенных нарративов, что «сводит сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия простым схемам», которые «воспринимаются членами группы как нечто бесспорное»¹⁹.

¹⁸ *Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К.* Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 281.

¹⁹ *Малинова О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 8.

В отличие от исследовательской реконструкции прошлого, основанной на отборе исторических фактов и их всестороннем анализе, коммеморативные практики направлены на поддержание, сохранение и политическое функционирование общественно значимого культурного знания о прошлом, отличающегося принципиальной неполнотой и избирательностью информации.

Два научных периодических издания непосредственно занимаются данной темой. Это альманах «Диалог со временем», основанный в 1999 г. Российским обществом интеллектуальной истории под руководством Л.П. Репиной, и выпускаемый с 2010 г. Саратовским университетом сборник «Историк и историческая память». Оба издания являются важными площадками по исследованию феномена памяти в российской историографии²⁰.

Приведенные историографические наблюдения делают актуальными исследования коммеморативных практик как инструментов политической и пропагандистской деятельности.

Второе направление – это изучение конкретных коммеморативных практик в России в рассматриваемый период. Сюда относятся общие работы по памятованию исторических событий в их привязке ко времени, когда осуществляется такое памятование. Например, исследования К.Н. Цимбаева на тему юбилейной культуры в императорской России²¹. Или публикации, посвященные мемориализации конкретных исторических событий прошлого во второй половине XIX – начале XX в., в том числе тысячелетий России и крещения Руси²² или Великих реформ²³. Появляются работы и непосредственно

²⁰ Захаров О.И. Указ. соч. С. 386; Святославский А.В. Указ. соч. С. 7.

²¹ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108; Он же. Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 70–79.

²² Буслаев А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

²³ Леонтьева О.Б. Как реформа стала великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 229–245.

по теме диссертации – о мемориализации Александра III²⁴. В указанных публикациях разбираются коммеморативные модели, принципы их конструирования и функционирования.

Наконец, третье направление – это работы, посвященные непосредственно самому ОРРИП. Впервые к истории этого общества обратились в своих кандидатских диссертациях А.А. Мещенина²⁵ и О.В. Белоусова²⁶. В обеих работах разбирается роль С.Д. Шереметева в создании и деятельности ОРРИП. Д.А. Андреев изучал противостояние по вопросам просвещения между учредителями ОРРИП во главе с С.Д. Шереметевым и их оппонентами в лице высокопоставленных фигур в начале правления Николая II²⁷. Во всех трех работах исследователи уделили значительное внимание неопубликованным документам личного происхождения, связанным с С.Д. Шереметевым. Благодаря этим работам многие неизвестные ранее материалы, имеющие отношения к ОРРИП, введены в научный оборот. Из представителей зарубежной историографии вопрос о роли ОРРИП в коммеморации эпохи Александра III изучала израильская исследовательница В. Каплан²⁸.

²⁴ «Велик державный труд!» Поэтическое приношение императору Александру III: сборник поэтических произведений / Сост. П.В. Левченко, под общ. ред. Д.А. Андреева. М., 2018; Мелентьев Ф.И. «России царь самодержавный угас во цвете лет и сил»: образ Александра III в стихотворениях на его кончину (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Русско-византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 286–306; Дронов И.Е. В.Н. Лясковский и его книга об императоре Александре III // Русско-Византийский вестник. 2021 № 1 (4). С. 102–124.

²⁵ Мещенина А.А. С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. См. также: Она же. О бесплатных народных библиотеках Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III // Точка зрения: межвузовский сборник научных трудов / Науч. ред. А. А. Сальникова. Казань: [б. и.], 1999. С. 46–52; Она же. К вопросу об историческом просвещении русского народа в конце XIX – начале XX века // Петербургские исследования. 2011. № 3. С. 83–91.

²⁶ Белоусова О.В. Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

²⁷ Андреев Д.А. Борьба ревнителей: просветительские альтернативы в начале царствования Николая II // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 1 (44). С. 58–74.

²⁸ Каплан В. Исторические общества и идея исторического просвещения (конец XIX – XX века) // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 355–382.

В перечисленных работах преодолевается упрощенный взгляд на ОРРИП, представленный, в частности, А.Д. Степанским, который считал, что в конце XIX – начале XX в. в России возникали консервативные по своим ориентациям общества, в том числе и ОРРИП, которое было создано «по инициативе реакционных кругов»²⁹. А.А. Мещенина видит причину создания ОРРИП прежде всего в стремлении определенных кругов к мемориализации скончавшегося императора как прежде всего миротворца³⁰. Однако исследовательница не вполне точно оценивает тот идеологический запрос, ответом на который стало создание ОРРИП. А.А. Мещенина подчеркивает, что Николай II пытался следовать установкам «народного самодержавия» – курса, заданного его отцом и разделяемого в том числе обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым, который существенным образом влиял и на Александра III, и на Николая II³¹. Однако, отождествляя взгляды Николая II и обер-прокурора Синода, А.А. Мещенина несколько упрощает картину. Сам по себе консерватизм был неоднородным, в нем присутствовали разные оттенки, в большей или меньшей степени допускавшие возможность модернизационных преобразований, а значит – допустимость или недопустимость корректировки курса Александра III³². Поэтому ОРРИП отражало точку зрения далеко не всех представителей разнообразного сообщества консерваторов. Также неверно характеризовать деятельность ОРРИП, даже со ссылкой на высказывание С.Д. Шереметева, как «строго научную», «основанную на глубоких исторических исследованиях»³³. Академическая историческая наука к рубежу XIX–XX вв. не представляла собой какого-то единого направления не только в методологическом, но и в ценностном отношении, а значит – не могла быть средой для успешной

²⁹ *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. М.: Наука, 1975. С. 38–55.

³⁰ *Мещенина А.А.* С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. С. 16.

³¹ Там же. С. 51.

³² Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М., 2000. С. 361, 363.

³³ *Мещенина А.А.* С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. С. 62.

коммеморации. Более верным представляется взгляд Д.А. Андреева на ОРРИП как прежде всего альтернативу Комитетам грамотности, создававшимся теми представителями верхов, которых можно условно назвать либерально ориентированными, или – точнее – приверженными курсу на модернизацию не только научно-техническую, но и общественную. Исследователь считает, что ОРРИП было создано спонтанным образом в силу стечения обстоятельств и межведомственных противоречий по вопросу реорганизации Комитетов грамотности, деятельность которых была свернута в результате острой борьбы в середине – начале второй половины 1890-х гг. между представителями двух противоположных начинаний в деле совершенствования народного образования³⁴. Отталкиваясь от такой интерпретации смысла создания ОРРИП, эту организацию следует рассматривать как сообщество лиц консервативной ориентации, стремившихся к всемерной поддержке самодержавного строя в духе именно «народного самодержавия» Александра III и, главное, противостоявших попыткам значительных кругов не только общественности, но и чиновничества, в том числе и высокого уровня, вернуться к реформаторскому курсу Александра II.

Этот император также был объектом коммеморационных практик. Как показывает А.В. Святославский, царь-освободитель в рассматриваемое время оказался «самой мемориализуемой фигурой»³⁵ среди российских императоров и императриц, причем инициаторами его коммемораций выступали и сама власть, и широкие круги общественности³⁶. О.Б. Леонтьева приводит впечатляющую статистику: до 1917 г. этому государю был поставлен 101 памятник, не считая еще 2,5–3 тыс. появившихся накануне и во время Первой мировой войны «типовых памятников», представлявших собой «цинковые бюсты императора, относительно дешевые и простые в установке, заказчиками которых обычно

³⁴ Андреев Д.А. Указ. соч. С. 58–74.

³⁵ Святославский А.В. Указ. соч. С. 247.

³⁶ Леонтьева О.Б. Как реформа стала великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России. С. 245.

становились волостные собрания и крестьянские сходы»³⁷. Царь-миротворец уступал царю-освободителю и в нарративной коммеморации. Как показывает О.Б. Леонтьева, уже современники называли преобразования 1860–1870-х гг. «Великими реформами», эта тенденция еще больше усилилась в начале XX в., когда под редакцией И.В. Гессена и А.И. Каминки вышли несколько книг в серии «Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем». В этой серии были изданы работы А.А. Корнилова («Крестьянская реформа»), И.В. Гессена («Судебная реформа»), К.К. Арсеньева («Законодательство о печати»). В 1908 г. в серии «Научно-популярная библиотека» издательства «Польза» вышла книга О.А. Волькенштейн «Великие реформы 60-х годов». Наконец, самые разнообразные издания, опубликованные в 1911 г. к 50-летию юбилею отмены крепостного права, имели однотипные названия «Великая реформа» или «Великая крестьянская реформа»³⁸.

Помимо общих вопросов, касающихся ОРРИП, исследователи стали обращать внимание и на местные отделы организации. Такой взгляд вносит существенные уточнения во многие вопросы функционирования этой структуры, в том числе и в вопросах ее коммеморативных практик³⁹. Изучаются и отдельные издания ОРРИП⁴⁰.

Таким образом, тема настоящей диссертации освещена в имеющейся историографии частично. Поэтому ее формулировка представляется

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 246.

³⁹ *Исхакова О.Д.* К созданию в Приамурском крае отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. Вып. 5 (25). С. 26–29; *Крот М.Н.* «Мирное завоевание умов и сердец силою просвещения...»: деятельность Виленского отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 2 (112); *Он же.* «Северо-Западный край... особенно нуждается в русском историческом просвещении»: отчет Виленского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1903 год // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 174–188.

⁴⁰ *Федорова Н.М.* «Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» как историко-педагогический источник // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2015. № 3 (44). С. 135–137.

правомерной. Изучение под таким углом зрения деятельности ОРРИП в достаточной степени не предпринималось.

Источниковая база исследования. Диссертация написана на обширной источниковой базе, включающей в себя несколько групп: нормативные акты, делопроизводственную документацию, издания Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, посвященные памяти Александра III сочинения разных авторов, материалы личного происхождения и периодическую печать.

К **нормативным актам** относятся устав общества и правила, где были прописаны цели и задачи, структура, основные направления деятельности, избрание должностных лиц, действительных членов, членов-сотрудников, материальная сторона ОРРИП, в дополнение к уставу были подготовлены Правила о бесплатных народных библиотеках⁴¹. Эти документы получали силу и вступали в действие после утверждения министром народного просвещения.

Вторая группа представлена материалами **делопроизводственной документации**. Основной массив документов отложился в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 747 – Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Архив общества формировался в процессе его функционирования. Секретари осуществляли большую и системную делопроизводственную работу. В составе фонда представлены протоколы и журналы заседаний общих собраний, исторического, издательского отделений, переводной комиссии, отчеты о деятельности ОРРИП, материалы местных отделов, обширная деловая переписка, журналы входящих и исходящих документов, документация, касающаяся издания сборника «Старина и новизна», открытия народных библиотек, присуждения премий общества, подготовка учебника по истории, копии рукописей для публикации в сборники и материалы,

⁴¹ Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения. СПб., 1895; Правила о бесплатных народных библиотеках Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1897.

связанные с царствованием Александра III. Отдельный массив документов внутри фонда связан с личностным составом ОРРИП и финансовой деятельностью. Стоит отметить, что делопроизводственная документация представлена и в личных фондах Шереметевых.

В РГИА в фонде 1088 имеются материалы к изданию сборника «Старина и новизна», отзыв С.Д. Шереметева на труд С.С. Татищева.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) обладает самым большим личным документальным собранием Шереметевых – фонд 1287. В первой описи отдельным блоком выделены документы, относящиеся к деятельности ОРРИП. Сергею Дмитриевичу Шереметеву как председателю общества присылали копии отчетных документов, журналов заседаний, списочный состав, материалы о текущей деятельности общества, то есть подготовительные документы к отчетам. Здесь же отложились переписка о пересмотре устава, аналитические и докладные записки, черновые записи речей председателя.

В начале деятельности ОРРИП опубликовались отчеты, которые выходили отдельными изданиями⁴². В отчетах представлены решения общих собраний, списки действительных членов и членов-сотрудников, личный состав совета, отделений, комиссий ОРРИП. В конце каждого отчета печаталась финансовая документация.

Самая объемная группа использованных в диссертации источников – это **издания** Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. По своей видовой принадлежности эта группа отличается разнообразием. ОРРИП издавало исторический сборник «Старина и

⁴² Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1896/1897 год. СПб., 1897; Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1897/1898 год. СПб., 1898; Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1898/1899 год. СПб., 1899.

новизна» с 1897 по 1917 г., всего вышло 22 книги⁴³. В первом разделе каждой книги печатались воспоминания о Александре III или письма к императору.

Общество печатало номерные выпуски, которые так и назывались – «Издания Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III». Выпуски были самого разного объема и содержания. Например, отдельно печатались речи председателя С.Д. Шереметева на общих торжественных собраниях ОРРРИП или речи, посвященные уходу членов общества⁴⁴. Общество пыталось издавать свое периодическое издание, однако этот проект оказался нереализованным. Тем не менее удалось подготовить пять выпусков «Известий»⁴⁵. В известиях печатались отчеты, журналы общих собраний, решения, списки членов общества, речи председателя, статьи и стихотворения, посвященные императору Александру III, некрологи, значительный раздел был посвящен библиографии. Вообще стоит заметить о дублировании делопроизводственной документации в разных изданиях, то есть мог быть издан отдельно протокол заседания⁴⁶, решения общих собраний размещались на страницах «Известий» и в отчетах, предназначенных

⁴³ Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897; Старина и новизна. Кн. 2. СПб., 1898; Старина и новизна. Кн. 3. СПб., 1900; Старина и новизна. Кн. 4. СПб., 1901; Старина и новизна. Кн. 5. СПб., 1902; Старина и новизна. Кн. 6. СПб. 1903; Старина и новизна. Кн. 10. М., 1905; Старина и новизна. Кн. 11. СПб., 1906; Старина и новизна. Кн. 12. М., 1907; Старина и новизна. Кн. 13. СПб., 1909; Старина и новизна. Кн. 14. М., 1911; Старина и новизна. Кн. 15. СПб., 1911; Старина и новизна. Кн. 16. СПб., 1913; Старина и новизна. Кн. 17. М., 1914; Старина и новизна. Кн. 18. СПб., 1914; Старина и новизна. Кн. 19. Пг., 1915; Старина и новизна. Кн. 20. Пг., 1916; Старина и новизна. Кн. 21. Пг., 1916; Старина и новизна. Кн. 22. Пг., 1917.

⁴⁴ Издания Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Вып. 1. Завет царя миротворца: речь прот. П.А. Смирнова, произнесенная 26 февраля 1897 г. в торжественном собрании. СПб., 1897; Вып. 6. Речь председателя Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, произнесенная в заседании Совета 21 апреля 1902 г., в двадцатый день по кончине Дмитрия Сергеевича Сипягина. СПб., 1902; Вып. 7. Речь председателя Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, произнесенная в заседании Совета 12 мая 1902 г. по поводу кончины Сергея Александровича Рачинского / [С.Д. Шереметев]. СПб., 1902; Вып. 9. *Лясковский В.Н.* Памяти С.А. Рачинского: [Ум.] 2 мая 1902 г. СПб., 1903.

⁴⁵ Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. № 1. 26 февраля 1900; Известия. № 2. 20 октября 1901; Известия. № 3. 10 июня 1901; Известия № 4. 26 февраля 1902; Известия. № 5. 26 февраля 1904.

⁴⁶ Протокол общего собрания... / Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. 7 апреля 1896 года. СПб., 1896.

на публикации. То же самое можно сказать о речах председателя, которые издавались отдельным выпуском в изданиях ОРРИП, а могли быть опубликованы в «Известиях».

К этой большой группе можно отнести издания общества, где рассматривались вопросы, связанные с функционированием местных отделов и бесплатных народных библиотек. Эти брошюры содержали выдержки из устава и комментарии статей⁴⁷.

Стоит отдельно выделить издание общества **«Император Александр III в русской поэзии, 26 февраля 1845 – 20 октября 1894 г.: сборник стихотворений»**, составленное В.М. Бузни в 1912 г. В сборнике были собраны опубликованные стихотворения, посвященные императору Александру III, написанные как при его жизни, так и после смерти. В первые годы функционирования общества на торжественных собраниях зачитывались стихотворения А.А. Голенищева-Кутузова и В.Л. Величко.

Отдельная группа источников – это **сочинения разных авторов** об Александре III, опубликованные не ОРРИП. Среди них в первую очередь следует назвать мемориальные публикации разной идеологической направленности. Панегирический сборник, подготовленный редактором «Московских ведомостей» С.А. Петровским, «Памяти императора Александра III. Сборник “Московских ведомостей” (известия, статьи, перепечатки)»⁴⁸, эмигрантская брошюра, в которой, напротив, образ покойного царя и его эпохи подавались в едком саркастическом освещении⁴⁹, и первая посмертная биография царя, вышедшая за рубежом и написанная английским журналистом Чарльзом Лоу «Александр III – [император] России»⁵⁰.

⁴⁷ Очерк главных оснований деятельности местных отделов Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1900; Народные библиотеки Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1899.

⁴⁸ Памяти императора Александра III. Сборник «Московских ведомостей» (известия, статьи, перепечатки). СПб., 1894.

⁴⁹ Алисов П.Ф. Царь-нигилист. Женева, 1894.

⁵⁰ Lowe C. Alexander III of Russia. New York, 1895; *Ibidem*. London, 1895.

Следующая источников – **материалы личного происхождения**. Наиболее важный и трудоемкий для использования источник, привлеченный к написанию диссертации, – это дневник С.Д. Шереметева, который хранится в фамильном фонде Шереметевых в Российском государственном архиве древних актов, фонд 1287⁵¹. Граф начал вести дневник в последние месяцы царствования Александра III. В архиве отложились объемные 24 тома, это фолианты в кожаном переплете, снабженные металлическими застежками. В дневниках вклеены телеграммы, полученные от императора или членов императорской семьи, письма от членов императорской фамилии, реже встречаются визитки, фотографии, программы спектаклей. Эти документы играли для Шереметева важное мемориальное значение – для сохранения в памяти знака, столь значимого для него. Шереметев вел дневник регулярно и записи вносил ежедневно, чаще всего вечером перед сном, а не на следующий день. Без изменений и правки Сергей Дмитриевич оставлял свои первоначальные записи и никогда к ним не возвращался. На каждый год приходилось по одному тому, записи обязательно начинались с 1 января. Благодаря дневнику воссоздается хроника жизни Шереметева: его встречи, темы разговоров, чаще на злободневные политические темы. Особенно подробно в деталях Шереметев излагал встречи с императором (например, как был одет император, где проходил прием), с которым у него были сложные отношения, со стенографической точностью передавая разговор. Описания аудиенций в дневнике С.Д. Шереметева воспроизведены с максимальной точностью. В диссертации задействованы записи аудиенций, где обсуждались вопросы о создании ОРРИП, подготовки биографического труда о императоре Александре III, разбиралась своеобразная дуэль двух авторов – С.С. Татищева и В.Н. Ляковского. Дневник до сих пор слабо представлен в исследовательской литературе из-за плохого почерка графа. Некоторые фрагменты из дневниковых записей С.Д. Шереметева были опубликованы Л.И. Шохиним⁵². В работе

⁵¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041–5049.

⁵² *Шохин Л.И.* С.Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1995. С. 191–222.

использованы несколько томов дневника Шереметева, которые охватывают первое десятилетие царствования Николая II (конец 1894 – 1904 гг.). Разумеется, дневник не предназначался для печати, что повышает его достоверность и информационную ценность.

С.Д. Шереметев вел обширную переписку с членами ОРРИП, многие корреспонденты писали напрямую председателю и неформально излагали обстоятельства деятельности, связанные с функционированием общества, его местных отделов. Подчас личная переписка гораздо информативнее, нежели деловая. В диссертации впервые привлекается переписка с В.Т. Георгиевским⁵³, А.А. Голенищевым-Кутузовым⁵⁴, П.М. Казначеевым⁵⁵, И.М. Леонтьевым⁵⁶, В.Н. Лясковским⁵⁷, С.С. Татищевым⁵⁸, И.Ф. Тютчевым⁵⁹, что позволяет реконструировать картину деятельности ОРРИП.

Из воспоминаний привлечены мемуары С.Ю. Витте⁶⁰ и С.Д. Шереметева⁶¹ (материалы графа, изданные в постсоветское время, не писались именно как воспоминания: это синтетически собранные рукописные черновики, хранящиеся в личном фонде Шереметевых в РГАДА).

Автором привлечены материалы **периодической печати**, в которых размещались новости о проведении торжественных общих собраниях ОРРИП, это газеты обеих столиц «Московские ведомости», «Новое время», местные издания, в которых печатались материалы о деятельности отделов общества, – «Киевлянин», «Кавказ», – а также американская периодика The New York Times и The Spectator.

⁵³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 381.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 412.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 752.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 969.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1009.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1681.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1754.

⁶⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960.

⁶¹ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 3 / Сост. К.А. Вах, Л.И. Шохин; подгот. текста Л.И. Шохин. М., 2005.

Научная новизна. В работе впервые в имеющейся на сегодняшний день историографии деятельность ОРРИП рассматривается с точки зрения проводимой этой организацией политики памяти. Коммеморативные практики ОРРИП оцениваются как главный способ пропаганды организацией своего мировоззрения как противоположного нарастающей в правительственных верхах и в обществе популярности запроса на распространение модернизационных преобразований в том числе и на политическую сферу. Мемориализация прошлого, связанного с Александром III и его эпохой, являлась для оппонентов такого курса, собравшихся в ОРРИП, фактически единственным способом отстаивания и трансляции и политической элите, и широким кругам образованного населения, и даже малограмотным или совсем неграмотным крестьянам собственных ценностей и идеологии.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней представлена и проанализирована позиция влиятельной группы, среди которой находились лица близкие к верховной власти, представители высшей бюрократии, известные фигуры из мира культуры и искусства, считавшие возможным промышленное и хозяйственное развитие страны без политических реформ. Эту группу можно воспринимать как агентов курса прежнего царствования в новых исторических условиях конца XIX – начала XX в., что, в свою очередь, уточняет имеющиеся представления о направлениях и содержании корректировки курса Великих реформ при Александре III и в целом о его жизнеспособности и перспективности.

Практическая значимость работы состоит в том, что собранный и систематизированный в ней материал, а также сделанные на его основе выводы могут использоваться для разработки практических занятий и лекционных курсов, а также написания учебных пособий для высшей школы, в рамках возможных научных исследований по истории России конца XIX – начала XX в. и просветительской деятельности.

Достоверность осуществленного исследования подтверждается широтой базы задействованных источников, включающих в себя как опубликованные, так

и неопубликованные (мало или совсем не использованные в историографии) материалы, а также следованием принципам историзма, научности и объективности.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения и выводы диссертации изложены в 5 научных работах автора общим объемом 4,4 п.л., в том числе в 5 работах общим объемом 4,4 п.л. в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Задержка на время царствования Александра III реализации политического аспекта модернизации при сохранении в этот период высоких темпов индустриализации и развития рынка привела к тому, что после восшествия на престол Николая II и в правительственных верхах, и в широких слоях общественности обозначился устойчивый запрос на объективно назревшие политические перемены. В свою очередь, такой запрос, несмотря на свой неформализованный характер, проявившийся преимущественно в более или менее открыто высказывавшихся надеждах на продолжение прерванного в 1881 г. курса Великих реформ, вызвал ответную консолидацию тех представителей аристократических кругов, чиновничества, в том числе высшего, деятелей культуры и сотрудников прессы, которые сторонниками незыблемости самодержавия.

2. Лица, входившие в этот круг, ратовали за неизменность политической системы страны в силу своих ценностных установок и идейных ориентиров. Они считали курс, которого придерживался Александр III и который предполагал поддержку экономического развития и индустриализации, но без учета происходивших в стране социальных перемен и возникавших вследствие них у элиты и широких слоев населения запросов на именно политическую либерализацию. Осознав реальную угрозу своему политическому идеалу и увидев неготовность Николая II решительно продолжать курс отца, данное сообщество самоорганизовалось в общественную структуру – ОРРИП – целью которой было объявлено сохранение памяти о покойном императоре и его эпохе, а фактически – пропагандистское воздействие на власть и общество в антилиберальном духе.

3. Несмотря на то, что ОРРИП было негосударственной общественной структурой, оно, в силу влиятельности его организаторов и ключевых фигур имело возможность транслировать свою идеологию император и его ближайшему династическому окружению, а также правительственным верхам. На фоне публично заявленной императором в речи 17 января 1895 г. преемственности его курса с курсом его отца у руководства общества поначалу складывалось впечатление того, что власть слышит голос ОРРИП и готова следовать его рекомендациям. Однако соображения практической политики вынуждали как самого Николая II, так и практически всех ключевых фигур в правительственных верхах проявлять гибкость, оставаясь на словах приверженными установкам царствования Александра III, в реальности опираться на людей, далеких от ОРРИП.

4. ОРРИП имело разветвленную структуру с подразделениями по направлениям деятельности и с местными отделами. Такая структура до политического кризиса 1905–1906 гг. оставалась в целом рабочей, справлявшейся с возложенными на нее задачами. Вместе с тем организация не являлась монолитной и свободной от проблем, вызванных межличностными нестыковками. Более того, со временем в ОРРИП наметился явное напряжение

между центральным руководством в столице и местными отделами. Тако напряжение было вызвано как давлением центра на места в плане сбора членских взносов, так и тем, что местные отделы ОРРИП, будучи в гораздо большей степени приближенными к реальному положению дел в стране, оказывались вынужденными все чаще расходиться с руководством ОРРИП по вопросам своей практической деятельности.

5. С момента своего создания в 1895 г. и до 1905 г. ОРРИП в основном, несмотря на имевшиеся организационные и межличностные сложности, справлялось со своими задачами и напоминало о своем существовании разным сегментам в пространстве власти, в обществе и даже в народе. Можно сказать, что оно в целом нашло свои адресные аудитории. Вместе с тем неправомерно считать такую работу эффективной, в том числе вследствие того, что идеология общества неуклонно утрачивала популярность. В 1905–1914 гг. ОРРИП вообще стало быстро скатываться к кризисному состоянию. Оно оказалось неконкурентоспособным в новых реалиях публичной политики, а пропагандируемые им идеи оказывались все более невостребованными. Тем не менее ОРРИП продолжало функционировать вплоть до начала Первой мировой войны.

Глава 1. Мемориализация Александра III в конце 1894 – 1895 годах и консолидация противников возвращения к курсу Великих реформ

1.1. Позитивная, негативная и нейтральная коммеморации Александра III

Мемориализация Александра III началась буквально сразу после его кончины. За считанные недели были опубликованы разные материалы, которые, несмотря на их разную идеологическую направленность, фиксировали общее ощущение: ушел не просто человек, пусть и олицетворявший собой всю страну, – ушла вместе с ним его эпоха, наступил какой-то новый период, содержание которого пока еще неясно, но он точно будет отличаться от времени 1881–1894 гг.

Имеет смысл рассмотреть три типичных примера мемориализации – панегирический, негативный и нейтральный. Каждый из них представляет собой определенную коммеморативную модель, которая могла несущественно варьироваться в изданиях аналогичной идеологической направленности.

Одним из первых панегирических изданий стал сборник, выпущенный редактором «Московских ведомостей» С.А. Петровским «Памяти императора Александра III. Сборник “Московских ведомостей” (известия, статьи, перепечатки) в конце 1894 г. Это был именно сборник, а не авторское произведение, поэтому он не мог не быть эклектичным. Но в данном случае эклектичность выглядела именно как определенная тематическая полнота, а не дискретность мнений, вписывающихся в общую идеологическую установку.

Структура сборника охватывала самые разные по своему происхождению материалы. Издание открывалось материалами о последних днях жизни императора и документами о его кончине. Далее шли записки о жизни в Ливадии в октябре 1894 г., информация о прохождении по России траурного поезда и народном прощании с царем в Москве и Петербурге. Отдельно помещались «отклики печати» с наиболее яркими траурными текстами. Материалы ведущей зарубежной прессы также представляли собой репрезентативную подборку. Информация об основных вехах царствования преподносила эпоху 1881–1894 гг.

как буквально судьбоносную в истории России. Наиболее интересный раздел представлял собой подборку воспоминаний и публицистических размышлений об Александре III и его времени. Завершали издание две рубрики – информация об уже оформившихся инициативах по установке памятников покойному царю и приложения (по каким-то причинам эти материалы не вошли в раздел воспоминаний, хотя по своему типу полностью им соответствовали).

Идеологическим камертоном сборника стала статья сотрудника «Московских ведомостей» Л.А. Тихомирова, опубликованная в газете 30 октября, через 10 дней после смерти Александра III. Главная мысль статьи заключалась в том, что ушедший царь остановил губительный для России процесс либерализации, и задача общества сейчас – во что бы то ни стало сохранить этот курс. Тихомиров тонко чувствовал движения в сторону ревизии политики Александра III, и его материал был скорее не о прошлом, а о будущем, – которого не должно быть⁶². В данном случае мемориализация имела совершенно конкретный проектный характер моделирования будущего через прошлое.

Примером негативной мемориализации стала изданная в Женеве тоже в 1894 г. брошюра П.Ф. Алисова «Царь-нигилист». Непосредственно она была посвящена уже новому монарху, но значительная ее часть отводилась эпохе Александра III. В брошюре приводился гиперкритичный взгляд на самодержавие вообще и на всех его представителей. «Полуреформами Александра II до дна исчерпалось самодержавие, реакция явилась сама собою. Черная шайка, окружавшая Александра III, и сам он отлично понимали, что малейший шаг вперед – вступление в конституцию. Безобразничая над Россией, они знали превосходно, что самодержавие может жить только кнутами, тюрьмами, эшафотами, ссылками, безгласностью, ханжеством и произволом»⁶³. Данная мемориализационная модель была прямолинейной и четко выдержанной в

⁶²Тихомиров Л.А. Носитель идеала //Памяти императора Александра III. Сборник «Московских ведомостей» (известия, статьи, перепечатки). СПб., 1894. С. 281–285.

⁶³Алисов П.Ф. Царь-нигилист. Женева, 1894. С. 4.

определенном идеологическом ключе. Ее прямолинейность отличалась от все же художественного слова первой панегирической модели.

Наконец, третья модель – нейтральная – представляет собой интересный опыт профессиональной журналистской мемориализации, и о ней следует рассказать подробнее.

20 октября 1894 г. в Ливадии скончался российский император Александр III. В европейской прессе на протяжении нескольких недель до этого печального события регулярно появлялись заметки о состоянии здоровья государя от собственных корреспондентов в Санкт-Петербурге, которые, в свою очередь, либо имели своих информаторов в «сферах», либо попросту передавали слухи, которыми переполнялось столичное общество⁶⁴. Однако подобные публикации представляли собой простые информационные сводки, в которых сообщались лишь самые общие сведения о состоянии здоровья царя. Но уже спустя несколько месяцев после смерти Александра III в нью-йоркском издательстве Macmillan and Co. и в лондонском издательстве William Heinemann вышла первая посмертная биография этого монарха, написанная британским журналистом Чарльзом Лоу (Charles Lowe). Книга называлась «Александр III – [император] России»⁶⁵.

Нью-йоркское издание книги появилось раньше лондонского, в самом начале 1895 г.: 6 января в газете *The New York Times* была напечатана анонимная и довольно длинная рецензия на эту книгу. В рецензии подробно пересказывалось ее содержание и говорилось, что хотя эта работа и вышла совсем скоро после ухода из жизни императора, нет оснований считать книгу «подготовленной впопыхах». Напротив, она выглядит «солидным и ценным трудом», одновременно «ясным и весьма живописным»⁶⁶. Рецензия на

⁶⁴ Андреев Д.А. «Несомненно – беда быстро надвигается»: официальная информация и слухи о состоянии здоровья императора Александра III осенью 1894 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 2. С. 35–55.

⁶⁵ Lowe C. *Alexander III of Russia*. New York: Macmillan and Co., 1895. XII, 370 p.; *Ibidem*. London: William Heinemann, 1895. XII, 370 p.

⁶⁶ *The New York Times*. January 6, 1895. P. 23.

лондонское издание вышла в лондонском еженедельнике *The Spectator*, и ее авторство принадлежало самому издателю У. Хайнеманну. Рецензент констатировал, что книга «читается с немалым интересом»⁶⁷.

Биография оказалась подлинным бестселлером. За сто с лишним лет, с 1895 г. по 2010 г., она выдержала 16 изданий⁶⁸. Между тем, в отличие от широкого распространения самой книги, имя ее автора остается не столь известным. В книге об Александре III он лишь дважды весьма лаконично упоминал о себе как корреспонденте лондонской газеты *The Times*, причем оба раза в связи со своим присутствием в 1883 г. на коронации императора⁶⁹. И только спустя 44 года после этого события, в своих воспоминаниях, вышедших в 1927 г., Лоу более подробно пишет о том, что ему удалось попасть в Успенский собор на коронацию благодаря протекции герцога Эдинбургского, приходившегося русскому царю зятем. Лоу написал письмо герцогу, который приехал в Москву на коронацию, и тот посодействовал допуску корреспондента *The Times* на главное торжество⁷⁰.

В одной из биографий сэра Морелла Маккензи, известного английского врача, содержится краткая информация о Лоу: «Лоу был упрямым шотландцем, учился у профессора Блэки в Эдинбургском университете и писал стихи для университетского журнала, который некоторое время редактировал Роберт Льюис Стивенсон»⁷¹. Эти сведения о месте учебы Лоу подтверждаются и в его собственных воспоминаниях об известном британском писателе⁷².

Лоу упоминается и в британском биографическом словаре *Who Was Who*. Кроме приведенных выше сведений, там содержится и другая информация. В частности, указывается, что он после окончания Эдинбургского университета

⁶⁷ *The Spectator*. August 24, 1895. P. 23.

⁶⁸ Most widely held works by Charles Lowe // [Electronic resource]: <http://worldcat.org/identities/lccn-n90648908/> (date of retrieval: 30.09.2021).

⁶⁹ *Lowe C. Op. cit.* P. 65, 70.

⁷⁰ *Ibid.* The Tale of a “Times” Correspondent (Berlin 1878–1891). London, 1927. P. 182.

⁷¹ *Stevenson R.S.* Morell Mackenzie. London, 1946. P. 20.

⁷² *Lowe C.* Robert Louis Stevenson: A Reminiscence // *Robert Louis Stevenson: A Bookman Extra Number* 1913. London, 1913. P. 16–20; *Ibid.* Edinburgh Ale and Cold Meat Pies // *Robert Louis Stevenson. Interviews and Recollections* / Ed. by R.C. Terry. London, 1996. P. 42–45.

учился в Париже и Йене, состоял в лондонском судебном обществе Грейс-Инн, работал в качестве корреспондента *The Times* в Берлине, в этом же качестве бывал в Голландии, России, Греции, Турции и других странах, оставил несколько сочинений и 18 января 1931 г. скончался⁷³.

Судя по всему, Лоу не знал русского языка. Когда он прибыл в Москву на коронацию Александра III, он нанял себе «переводчика, курьера и слугу в одном лице – молодого знающего немца, который в то время исполнял обязанности секретаря владельца немецкого театра в Москве»⁷⁴. Отсюда возникает закономерный вопрос: каким образом ему удалось столь быстро написать биографию Александра III и какими источниками он для этого пользовался? Поскольку биография представляет собой не академический труд, а скорее историко-публицистическое эссе, в ней отсутствует необходимый для научного исследования аппарат. А в тех случаях, когда Лоу все-таки упоминал свои источники, он делал это довольно бессистемно, называл их авторов мимоходом. Такая особенность книги поводит к необходимости систематизации доступной информации об ее источниках, которые следует разделить на четыре группы.

К первой группе следует отнести десять монографических исследований – троих британцев, четверых немцев, одного француза, одного американца и одного автор, чье происхождение остается под вопросом. Лоу ссылается на них по-разному. В одних случаях авторы называются, в других – только приводятся названия самих работ. Но информация об этих трудах у Лоу всегда крайне скудная и неполная. Дополненные сведения об этих исследованиях приведены в таблице 1.

Таблица 1. Монографические исследования, процитированные Чарльзом Лоу

⁷³ *Who Was Who, 1929–1940. A Companion to Who's Who, Containing the Biographies of Those Who Died during the Period 1929–1940. Vol. 3. London, 1967. P. 843.*

⁷⁴ *Lowe C. The Tale of a "Times" Correspondent (Berlin 1878–1891). P. 181.*

Авторы	Названия и выходные данные
Brown John (Браун Джон) (1830–1922) – автор предисловия процитированной анонимной книги, британский теолог, историк, пастор и служитель церкви Джона Баньяна в Бедфорде	The Stundists: The Story of a Great Religious Revolt. Introduction by John Brown, D.D. London: James Clarke & Co., 1893. 92 p.
Koch Adolf (Кох Адольф) – личность автора выяснить не удалось	Prince Alexander of Battenberg: Reminiscences of His Reign in Bulgaria, from Authentic Sources. London: Whitaker & Co., 1887. 288 p.
Curzon George (Керзон Джордж) (1859–1925) – британский государственный деятель, путешественник и публицист	Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London: Longmans, Green and Co., 1889. XXIII, 477 p.
Eckardt, von Julius (Эккардт, фон Юлиус) (1836–1908) – немецкий писатель и дипломат	Aus der Petersburger Gesellschaft / Von einem Russen. Leipzig: von Duncker & Humblot, 1874. 254 S.
Samson-Himmelstjerna, von Hermann (Самсон-Гиммельшерна, фон Герман) – личность автора выяснить не удалось	Russia under Alexander III and in the Preceding Period / Translated from the German by J. Morrison M.A. London: T. Fisher Unwin, 1893. XXXVI, 306 p.
Frederic Harold (Фредерик Гарольд) (1856–1898) – американский журналист и писатель	The New Exodus. A Study of Israel in Russia. New York, London: William Heinemann, 1892. 300 p.
Leroy-Beaulieu Anatole (Леруа-Болье Анатоль) (1842–1912) – французский историк и публицист	L' empire des tsars et les Russes. T. 1. Le pays et les habitants. Paris: Hachette, 1881. 594 p.; T. 2. Les

	Institutions. Paris: Hachette, 1882. 622 p.; Т. 3. La religion. Paris: Hachette, 1889. 670 p.
Pfeil-Burghausz, von Richard Friedrich Adelbert (Пфайл-Бургхауз, фон Рихард Фридрих Адельберт) (1846–1912) – личность автора выяснить не удалось	Experiences of a Prussian Officer in the Russian Service during the Turkish War of 1877–1878. London: E. Stanford, 1893. XII, 362 p.
Vasili Paul (Васили Павел) – личность автора выяснить не удалось	La société de Saint-Petersbourg. Paris: Nouvelle revue, 1886. 344 p.
Wallace Mackenzie Donald (Уоллес Маккензи Дональд) (1841–1919) – британский писатель и журналист	Russia. New York: Cassell, Petter & Galpin, 1877. 495 p.

Ко второй группе принадлежат статьи из периодики, которые Лоу также цитирует хаотично: в большинстве случаев только называются авторы и приводятся выходные данные изданий без названий самих статей, иногда даются лишь авторские псевдонимы или просто фамилии без какой-либо дополнительной информации. Подобных цитирований в книге Лоу семь, их авторы – пятеро англичан, один американец и один русский. Более подробные данные об этих цитированиях содержатся в таблице 2.

Таблица 2. Статьи из периодических изданий, процитированные Чарльзом Лоу

Авторы	Названия статей	Выходные данные
---------------	------------------------	------------------------

<p>Forbes Archibald (Форбс Арчибальд) (1838–1900) – британский военный корреспондент</p>	<p>Не упоминается</p>	<p>Contemporary Review. 1893. February</p>
<p>Grin (Грин) (имя выяснить не удалось) – американский лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в качестве военного корреспондента</p>	<p>Не упоминается</p>	<p>Не упоминается</p>
<p>Lanin E.B. (Ланин Е.Б.) (1854–1933) – псевдоним ирландского журналиста и писателя Эмиля Джозефа Диллона (Emile Joseph Dillon)</p>	<p>Не упоминается (предположительно: The Tsar Alexander III)</p>	<p>Contemporary Review. 1893. January</p>
<p>Он же</p>	<p>Не упоминается (предположительно: Jews in Russia)</p>	<p>Fortnightly Review. 1890. October</p>
<p>Он же</p>	<p>Не упоминается (предположительно: Famine in Russia)</p>	<p>Fortnightly Review. 1891. November</p>
<p>Он же</p>	<p>Не упоминается (The Demoralization of Russia)</p>	<p>Fortnightly Review. 1891. October</p>

Stead William Thomas (Стед Уильям Томас) (1849–1912) – британский журналист и общественный деятель	Серия статей: Truth about Russia	Review of Reviews. 1894. November
Swinburne Algernon Charles (Суинберн Алджернон Чарльз) (1837–1909) – британский поэт, драматург, романист и критик	Russia: an Ode	Fortnightly Review. 1890. July
White Arnold (Уайт Арнольд) (1848–1925) – британский журналист	Не упоминается	Contemporary Review. 1893. May
Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (псевдоним – Степняк) (1851–1895) – русский революционер-народник	Не упоминается	Free Russia. 1890. September

Третья группа – это газетные материалы, которые Лоу в большинстве случаев цитировал без упоминания авторов, ограничивавшись отсылкой только к названиям изданий, иногда даже без конкретной датировки. Это популярные британские газеты (The Times, The Daily Chronicle, The Daily Telegraph, The Standard, The Lancet, The Jewish Chronicle), одна германская газета (Strassburger Post), одна австрийская газета (Vienna Paper) и три газеты из России («Правительственный вестник», «Мир» и «Новое время»).

Наконец, в четвертую группу входят материалы двух типов. Во-первых, это высказывания императоров России и Германии, крупных европейских и российских политиков, высокопоставленных чиновников, представителей генералитета и других лиц, которые процитированы без ссылок на источники. Во-вторых, к этой группе относятся официальные документы, материалы деловой переписки, публичные обращения к императору Александру III. Последние материалы Лоу обильно использовал в книге, иногда цитаты из них занимают несколько страниц. Среди них, например, императорский манифест 1 марта 1881 г., письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III от 10 марта 1881 г., так называемая конституция М.Т. Лорис-Меликова, письмо М.К. Цебриковой к Александру III и др.

Для настоящей работы наибольший интерес представляют материалы первых трех групп, которые отражают мнения и оценки западных авторов, на которые мог ориентироваться Лоу. Степень изученности работ этих авторов в российской историографии различна. Подробнее освещены биографии и труды Леруа-Болье и Стеда⁷⁵. Для выяснения значимости для Лоу сведений, полученных от этих и других источников, необходимо проследить их распределение по всей структуре его книги – по главам и страницам. Результаты такого рассмотрения представлены в таблице 3. Из анализа исключены главы первая, в которой дан общий обзор царствований предшественников Александра III начиная с Павла I, и последней, посвященной последнему российскому императору Николаю II.

Таблица 3. Распределение источников книги Чарльза Лоу по ее структуре

⁷⁵ *Цыкова К.А.* Россия второй половины XIX – начала XX вв. в трудах Анатоля Леруа-Болье: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2005; *Данилова О.С.* Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2005; *Токтоњязова Ф.М.* Общественно-политическая и публицистическая деятельность О.А. Новиковой во второй половине XIX – начале XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2017.

Источник	Место в книге
Браун Джон	глава 8, с. 223–224, 231–232
Lady Randolph Churchill (Спенсер-Черчилль Дженни)	глава 11, с. 324–325
Керзон Джордж	глава 7, с. 192–193
Эккардт, фон Юлиус	глава 2, с. 17
Форбс Арчибальд	глава 2, с. 36–38
Фредерик Гарольд	глава 8, с. 218; глава 11, с. 320–321
Professor Geffcken (профессор Геффкен)	глава 11, с. 321–322
Грин	глава 2, с. 34–35
Самсон-Гиммельшерна, фон Герман	глава 2, с. 41–42
Кох Адольф	глава 6, с. 138–141, 146, 151–152, 170–172
Ланин Е.Б.	глава 2, с. 18–20; глава 3, с. 62–64; глава 7, с. 196–198; глава 8, с. 223–224; глава 9, с. 269–270; глава 11, с. 325–327, 332–333
Леруа-Болье Анатоль	глава 1, с. 10–13; глава 9, с. 241–242; глава 11, с. 314–316, 319–320
Пфайл-Бургхауз, фон Рихард Фридрих Адельберт	глава 6, с. 133–134
Primrose Archibald Philip, 5th Earl of Rosebery (Примроуз Арчибальд Филипп, 5-й граф Розбери)	глава 11, с. 317–318

Marquess of Salisbury (маркиз Солсбери)	глава 11, с. 318–319
Стед Уильям Томас	глава 8, с. 209; глава 10, с. 279–280; глава 11, с. 327–328
Суинберн Алджернон Чарльз	глава 8, с. 234
Васили Павел	глава 2, с. 22–23
Уоллес Маккензи Дональд	глава 1, с. 9–10
Уайт Арнольд	глава 8, с. 211
Захарьин Григорий Антонович	глава 10, с. 276–278
Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович	глава 7, с. 186; глава 9, с. 237–240
Цебрикова Мария Константиновна	глава 9, с. 262–265
The Daily Chronicle	глава 3, с. 60; глава 10, с. 274
The Daily Telegraph	глава 7, с. 186–188, 200–201; глава 8, с. 209–210, 220–221; глава 9 с. 259–260; глава 10, с. 278
The Jewish Chronicle	глава 8, с. 214
The Lancet	глава 2, с. 15
The Standard	глава 2, с. 15; глава 2, с. 20–21
Strassburger Past	глава 11, с. 333–336
The Times	глава 2, с. 28–29, 33–34
Vienna Paper	глава 10, с. 279–280
Правительственный вестник	глава 5, с. 83
Мир	глава 2, с. 28
Новое время	глава 8, с. 209

Таблица 3 показывает, что лидерами цитирования являются Ланин, Леруа-Болье и Стед. Из периодических изданий на первом месте стоит The Daily

Telegraph. Петербургским корреспондентом этой газеты около 30 лет и являлся Эмиль Джозеф Диллон, публиковавшийся под псевдонимом Е.Б. Ланин. Лоу цитировал его статьи как «хорошо осведомленного об Александре III автора»⁷⁶. Ссылки на Ланина имеются в нескольких главах. Во 2-й и 11-й главах Лоу давал общую характеристику Александру III – как наследнику цесаревичу, как императору или просто как сыну, мужу и отцу. Эти оценки были сделаны с учетом мнений Ланина. В 7-й и 8-й главах, где автор описывал в крайне негативном свете правительственную политику по русификации национальных окраин и религиозные преследования финнов, евреев, католиков и штундистов, он также опирался на сведения, полученные из работ Ланина.

Судя по всему, Лоу очень высоко ценил своего информатора, поэтому он сообщил о нем в книге несколько больше, чем об авторах других источников. Так, Лоу указал, что Е.Б. Ланин – это «псевдоним и, как считают некоторые, непростая личность», это «острый и проницательных критик, имевший широкие возможности судить о его (Александра III. – Ю.Ц.) характере»⁷⁷.

Эта «непростая личность» была Эмилем Джозефом Диллоном – ярким журналистом и литератором, а одно время даже профессором филологии Харьковского университета. Диллона хорошо знал С.Ю. Витте, оставивший о нем такое свидетельство в своих воспоминаниях: «...доктор русского университета, англичанин, весьма порядочный и верный человек, очень талантливый, пользующийся большой известностью в Англии и Америке, публицист Диллон. Он как бывший профессор сравнительного языковедения в Харьковском университете хорошо говорит и пишет по-русски, отлично знает Россию и в особенности современное состояние, имея связи со всеми партиями и слоями общества»⁷⁸. Диллон хорошо знал не только дореволюционную Россию, но и Советский Союз. Стране, в которой Диллон прожил несколько

⁷⁶ *Lowe C. Alexander III of Russia. P. 260.*

⁷⁷ *Ibid. P. 18.*

⁷⁸ *Bumte С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 413–414.*

десятилетий, он посвятил книгу, вышедшую незадолго до его кончины⁷⁹. В США сохранился архив Диллона, в котором имеются материалы в том числе и о российском периоде его жизни⁸⁰.

Диллон родился в 1854 г. в Дублине в семье мелкого лавочника. Для получения образования он покинул Ирландию и учился в Тюбингенском и Лейпцигском университетах, где занимался философией и сравнительной филологией. В 1877 г. он приехал в Россию и поселился в Одессе, а на следующий год переехал в Санкт-Петербург. Еще год спустя, как сам Диллон отмечал в своих воспоминаниях, благодаря помощи влиятельных друзей, он был представлен министру иностранных дел А.М. Горчакову, который предложил ему пройти специальную подготовку по восточным языкам, чтобы потом поступить на службу в МИД, но с условием, что иностранец поменяет подданство и веру. Обозначенные Горчаковым условия смутили Диллона, и он не проявил должной заинтересованности к предложению министра. Тем не менее сама возможность стать востоковедом очень привлекла Диллона – он начал изучать древние и современные восточные языки в Санкт-Петербургском университете. Будучи студентом, Диллон активно вживался в новый для себя мир и заводил самые разные знакомства. Так, например, он бывал у Ф.М. Достоевского, и когда тот скончался, Диллон, по его собственным словам, «был одним из немногих студентов, которым посчастливилось вынести его гроб из его мрачной обители, и одним из многих тысяч, которые последовали за ним к его последнему пристанищу». Диллон также поддерживал близкие отношения с философом Вл.С. Соловьевым, общался с некоторыми министрами и использовал свои связи в верхах для спасения от преследований некоторых из своих знакомых из числа нигилистов⁸¹.

⁷⁹ *Dillon E.J.* Russia Today and Yesterday. An Impartial View of Soviet Russia. New York: Doubleday, Doran & Company, Inc., 1930. 325 p.

⁸⁰ *Соколовская О.В.* Эмилий Диллон, англо-русский ученый и его архив в США // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 473–491.

⁸¹ *Dillon E.J.* Op. cit. P. 2–3.

Диллону не удалось остаться преподавателем в столичном университете, и он переехал в Харьков. Там он в 1883 г. защитил магистерскую диссертацию по сравнительному языкознанию, а в 1884 г. – докторскую диссертацию, и был назначен экстраординарным профессором филологии Харьковского университета. Он стал автором работ по языкознанию, истории религий, литературно-критических статей на русском, английском, немецком и французском языках⁸². Вскоре после введения в 1884 г. нового университетского устава Диллон вместе с некоторыми из своих коллег ушел из университета, не пожелав выполнять требования «невежественных бюрократов», и снова отправился в Одессу, где стал заниматься журналистикой. Затем он вернулся в Санкт-Петербург, окунулся в светскую жизнь, стал завсегдатаем многих столичных салонов, где завел знакомства с известными художниками, писателями и политиками (в числе последних как раз и был Витте)⁸³. Журналистский опыт и полезные связи Диллона, а также прекрасное владение русским языком и знание реалий Российской империи предопределили новый поворот в его биографии – назначение на должность постоянного корреспондента британской газеты *The Daily Telegraph* в Санкт-Петербурге. Кроме этой газеты, Диллон также публиковался в *Contemporary Review*, *Quarterly Review*, *National Review*, *English Review*, *Fortnightly Review*, *Review of Reviews* и других изданиях под различными псевдонимами⁸⁴.

В своей корреспондентской деятельности в России Диллон пользовался поддержкой Витте. Журналист даже называл себя «личным советником» и «доверенным лицом» министра, а затем председателя Комитета министров и первого в истории России премьер-министра⁸⁵. Диллон проработал в России до 1914 г., а затем посетил Советский Союз в конце 1920-х гг. Диллон стал первым

⁸² Соколовская О.В. Указ. соч. С. 476.

⁸³ *Dillon E.J.* Op. cit. P. 4–6.

⁸⁴ *Ibid.* P. 8.

⁸⁵ *Ibidem.*

переводчиком на английский язык «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого. Журналист бывал у писателя в Ясной Поляне и брал у него интервью⁸⁶.

Диллон скрывал свою причастность к публикациям под псевдонимом Е.Б. Ланин, в которых содержалась едкая и беспощадная критика Александра III и Николая II, чтобы эти материалы не мешали деятельности журналиста как корреспондента *The Daily Telegraph*⁸⁷. Однако тот факт, что Е.Б. Ланин – это и есть Диллон, все же был известен определенному кругу лиц. В подтверждение можно привести хотя бы такой факт. Журналист народнического направления И.В. Шкловский, который долго жил в Британии, писал в середине 1920-х гг., находясь в эмиграции: «Один из русофобов, подписывавшийся в английских журналах русским псевдонимом Ланин – (Диллон), перечисляя великие грехи русской интеллигенции, отмечает, между прочим, что она не считает надобным отвечать на письма»⁸⁸. (Шкловский привел этот пример, чтобы подчеркнуть аккуратность его корреспондента – историка П.Г. Виноградова.) Таким образом, если в британском общественном мнении конца XIX – начала XX в. и была представлена позиция интеллектуалов-русофилов⁸⁹, то Диллон явно не имел к ней никакого отношения. К тому же он поддерживал тесные связи с радикалами, «работавшими на подрыв царского престола». О своем общении с ними он впоследствии вспоминал: «Я часами обсуждал с ними Маркса и Беркли, пил некрепкий чай и делал вид, что не замечаю серьезных нарушений ими всяких условностей»⁹⁰.

На данный момент нет оснований считать, что Лоу при написании своей книги знал, кто скрывался под псевдонимом Е.Б. Ланин. При этом в каких-то

⁸⁶ Кунгурцева А.Ю. Л.Н. Толстой в современном англо-американском литературоведении // [Electronic resource]: <https://lit-yaz.ru/literatura/102750/index.html> (date of retrieval: 30.09.2021).

⁸⁷ *Dillon E.J.* Op. cit. P. 7–8.

⁸⁸ Письма академика П.Г. Виноградова И.В. Шкловскому (Дионео) / Публ. А.В. Антощенко // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001. С. 317.

⁸⁹ Красавченко Т.Н. Феномен русофилии в английской культуре начала XX в.: Д. Уоллес Маккензи, Бернанд Пейрс, Морис Бэринг и Стивен Грэм // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный информационно-аналитический журнал. 2020. № 3. С. 81–93.

⁹⁰ *Dillon E.J.* Op. cit. P. 17.

случаях он прямо указывал, что использует тот или иной факт со ссылкой на корреспондента *The Daily Telegraph*. Например, приводя некролог Александру III, написанный Диллоном, он отмечал: «Я здесь цитирую некролог Александру III, предоставленный *The Daily Telegraph* умелым и хорошо осведомленным корреспондентом этого журнала в Санкт-Петербурге»⁹¹. Говоря о влиянии террористических актов на здоровье и психологическое состояние Александра III, Лоу подчеркивал: «Я цитирую здесь прекрасно написанную статью хорошо осведомленного автора об Александре III, опубликованную в *The Daily Telegraph* 16 октября 1894 г. ее корреспондентом в Санкт-Петербурге»⁹².

В каких-то случаях Лоу включал в свою книгу тексты Е.Б. Ланина вообще без ссылок на источник, как свои собственные. В качестве примера такого заимствования можно привести статью Е.Б. Ланина «Царь Александр III», опубликованную в январе 1893 г. в лондонском журнале *Contemporary Review*. При многократном цитировании этой статьи Лоу не указывал ее названия и сообщал лишь псевдоним автора (Е.Б. Ланин), а в некоторых случаях вообще не делал никаких пояснений. Таким же образом Лоу использовал статьи Е.Б. Ланина «Евреи в России», «Деморализация России» и «Голод в России», напечатанные в 1890–1891 гг. в *Fortnightly Review*.

Словом, не будет преувеличением назвать Е.Б. Ланина вторым – закулисным – автором первой англоязычной биографии Александра III, вышедшей после смерти этого императора и оказавшей существенное влияние на его коммеморацию в западном общественном мнении.

1.2. Создание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III

Как уже отмечалось в обзоре историографии, история создания ОРРИП разбиралась в работах А.А. Мещениной, Д.А. Андреева и О.В. Белоусовой, причем каждый из исследователей предлагал собственную фокусировку на это

⁹¹ *Lowe C. Alexander III of Russia. P. 221.*

⁹² *Ibid. P. 260.*

событие: с точки зрения исторического просвещения, как казус борьбы в правительственных верхах и в контексте общественно-политической и общественно-культурной деятельности С.Д. Шереметева. Между тем в рамках поставленной проблемы настоящего исследования – коммеморативные практики на фоне политической конъюнктуры – востребован взгляд на образование этой структуры как на установочное событие, которое было призвано запустить целый комплекс мер по мемориализации Александра III, его эпохи и тех политических ценностей, которые пропагандировались на официальном уровне в 1881–1894 гг. и о необходимости пересмотра которых заговорили буквально сразу после кончины этого царя⁹³.

Идея общества, которое могло бы противостоять усиливавшимся либеральным настроениям и открыто проговаривавшимся вождениям вернуться в 1881 г., к прерванным Великим реформам, появилась в марте 1895 г. на частной встрече С.Д. Шереметева с управляющим Дворянским и Крестьянским поземельным банками А.А. Голенищевым-Кутузовым, так же, как и Сергей Дмитриевич, близким к вдовствующей императрице Марии Федоровне. На этой встрече присутствовали и братья А.Н. и Л.Н. Майковы⁹⁴. Впоследствии Шереметев считал, что общество возникло исключительно благодаря усилиям Голенищева-Кутузова, которого он даже назвал «светлой точкой» в деле организации этого нового предприятия⁹⁵. Общество изначально мыслилось как историческое, то есть занимающееся популяризацией прошлого в нелиберальном освещении, потому что, как писал Шереметев в дневнике в те мартовский дни, «враги наступают, а настоящего отпора нет»⁹⁶. То есть изначально у людей круга Шереметева и Голенищева-Кутузова было понимание формата предстоящей работы, и работа эта должна была быть именно

⁹³ Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб., 2022. С. 169–191.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Л. 81.

⁹⁵ Там же. Д. 5041. Л. 83.

⁹⁶ Там же. Л. 84.

мемориализационной, сводящейся к формированию правильной памяти о прошлом.

Постепенно складывалась группа единомышленников, которые могли спорить о частностях – по поводу каких-то конкретных вопросов работы будущего общества, – но сходились в главном: в вопросе об идеологической составляющей предстоящей деятельности. К встречам подключился свояк Шереметева – главноуправляющий Канцелярией прошений, на высочайшее имя приносимых, Д.С. Сипягин. К встречам подключился и еще один высокопоставленный чиновник – комендант Императорской Главной квартиры П.П. Гессе. На встречах в начале апреля 1895 г. было придумано и название будущей структуры – Общество ревнителей русского исторического просвещения. Тогда же началась и работа по выработке устава общества. К ней подключились работавший в канцелярии Военного министерства М.П. Соловьев, духовный писатель протоиерей Г.П. Смирнов⁹⁷, чиновник Государственной канцелярии Д.П. Голицын, историк и источниковед К.Н. Бестужев-Рюмин⁹⁸. В самом конце апреля 1895 г. Шереметев написал письмо для Николая II, в котором сообщал о возникшем у «некоторых лиц» стремлении создать общество для «распространения преимущественно в молодом поколении истинного исторического просвещения на твердых началах православия и самодержавия» и посвятить это общество памяти Александра III⁹⁹. В начале мая Сипягин передал это письмо императору во время аудиенции¹⁰⁰. Царь поддержал эту инициативу: «Всем сердцем сочувствую этому благому делу»¹⁰¹.

Летом 1895 г. был составлен окончательный вариант устава общества¹⁰². 14 октября 1895 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов утвердил устав

⁹⁷ Там же. Л. 23 об.

⁹⁸ Там же. Л. 95.

⁹⁹ Там же. Л. 96.

¹⁰⁰ Там же. Л. 98–99.

¹⁰¹ Там же. Л. 101 об.

¹⁰² Там же. Л. 35–36, 37–38 об., 39–40 об.

общества¹⁰³. Начинаясь он с четкого обозначения цели общества, которая имела явственную коммеморативную ориентацию – «распространение знаний по отечественной истории в духе русских начал, проявленных в славное царствование в Бозе почившего Государя»¹⁰⁴. Далее эта мысль раскрывалась подробнее: «Для достижения указанной цели обществу предоставляется: а) собирать и обрабатывать сведения о царствовании императора Александра III; б) издавать периодические и другие сочинения и сборники по русской истории и соприкасающимися с нею отделами истории всеобщей, а также по церковным, правовым и бытовым вопросам; в) на основании действующих законоположений учреждать книгохранилища и читальни, а также снабжать существующие книгохранилища, читальни, учебные заведения и народные школы как своими, так и другими изданиями, признанными обществом отвечающими его цели»¹⁰⁵. В перспективе обществу удалось в целом выполнить эту цель. В этом смысле следует согласиться с А.А. Мещениной в том, что общество «внесло весьма значительный вклад в русскую историческую литературу и способствовало распространению идей просвещения и созидания, столь близких Александру III»¹⁰⁶. 5 ноября прошло первое заседание руководящей структуры общества – его Совета. Тогда же был избран и председатель организации, им стал Шереметев¹⁰⁷.

¹⁰³ 58.

¹⁰⁴ Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения. С. 1.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Мещенина А.А. С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. С. 212; Шохин Л.И. С.Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1995. С. 191–222.

¹⁰⁷ Мещенина А.А. С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. С. 59.

Глава 2. Основные направления коммеморативных практик ОРРИП

2.1. Мемориализация образов Александра III и эпохи его царствования

Своеобразная ностальгия по эпохе Александра II проявилась уже в самом начале царствования его внука. Это вызвало озабоченность у приверженцев политических ценностей времени Александра III. Среди них были обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, известный просветитель, профессор Московского университета и убежденный сторонник церковно-приходской школы С.А. Рачинский, управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками (а также литератор и публицист) А.А. Голенищев-Кутузов, близкий к семье Александра III С.Д. Шереметев, литературовед Л.Н. Майков и его брат – историк русской литературы, член-корреспондент Академии наук А.Н. Майков, главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, Д.С. Сипягин и др. Все они испытывали примерно одинаковые чувства по поводу стремительных перемен общественно-политической атмосферы после смерти Александра II.

Так, Шереметев писал в дневнике: «Мы выступили на путь сомнительный, шаткий и опасный. Это, во всяком случае, не путь Александра III, о котором нам говорили». Вместе с тем он не верил «в прочность нового пути»¹⁰⁸, хотя и считал назначение министром внутренних дел в 1895 г. И.Л. Горемыкина «возвращением к Александру II»¹⁰⁹.

Аналогичные настроения выражались и в письме Голенищева-Кутузова к Шереметеву от 5 марта 1895 г.: «Дело мне представляется до странности простым и ясным: борьба идет совсем не между сторонниками свободы, с одной стороны, и представителями власти – с другой, а между все разлагающим

¹⁰⁸ Русин Д.О. Политика первых лет царствования Николая II на страницах дневника графа Шереметева // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 44.

¹⁰⁹ Белоусова О.В. Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX – начала XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2012. С. 164.

космополитизмом и русским народно-историческим самосознанием. Вот истинные непримиримые противники, и это надо выяснить во что бы то ни стало, чтобы окончательно рассеять туман и обман, напущенные космополитами-западниками на молодые и неустановившиеся умы русских людей всех званий и состояний. Нужно доказать не посредством диалектической полемики, а научно, на основании твердых исторических фактов, как дважды два четыре, что космополитизм обманно и притворно поднимает соблазнительное для толпы знамя свободы, призрачность которой обличается всей современной Европой, и что напротив, торжество и воплощение русской государственной идеи самодержавия, как это блистательно доказало царствование Александра III, только и обеспечивает как всему народу в его совокупности, так и каждой отдельной личности наибольшую долю свободы, спокойствия и благосостояния, какая возможна на земле»¹¹⁰. Голенищев-Кутузов не только выражал обеспокоенность, но и действовал. Он предложил создать специальный Издательский комитет, подчиненный Главному управлению по делам печати МВД, чтобы парализовать монополию на управление общественным мнением изданий либеральной ориентации. По мнению Голенищева-Кутузова, данный комитет должен был заниматься прежде всего издательской деятельностью, связанной с выпуском художественной, просветительской, учебной литературы, «в особенности для народа», организацией творческих конкурсов, запуском новых провинциальных периодических изданий с привлечением в них «преимущественно молодых сил, даже из среды учащихся»¹¹¹. Предложение Голенищева-Кутузова было услышано – император предписал министру финансов ежегодно отпускать 50 тыс. рублей для «вспомоществования нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, а равно их вдовам и сиротам».

¹¹⁰ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 3 / Сост. К.А. Вах, Л.И. Шохин. М., 2005. С. 400–401.

¹¹¹ Андреев Д.А. Борьба ревнителей: просветительские альтернативы в начале царствования Николая II // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 1 (44). С. 65–66.

Д.А. Андреев считает это распоряжение отправным моментом создания ОРРИП. Воодушевленный императорским одобрением, Голенищев-Кутузов начал задумываться об образовании нового исторического общества в духе таких же политических ценностей, поделился мыслями об этом с Шереметевым и братьями Майковыми и приступил к составлению записки о задуманной им организации.

Энтузиазм и решительность управляющего Дворянским и Крестьянским поземельными банками вдохновили Шереметева, который вскоре собрал вокруг себя единомышленников, согласных с необходимостью создания нового исторического общества, поскольку, как он сам выразился, «борьба нужна» и «один в поле не воин»¹¹². В эту группу, сложившуюся вокруг Голенищева-Кутузова и Шереметева, по словам Д.А. Андреева, «входили интеллектуалы, придерживающиеся охранительных взглядов, отдельные видные чиновники, в том числе правительственного уровня, а также фигуры, приближенные к престолу». Помимо братьев Майковых и Сипягина, были привлечены будущий дворцовый комендант П.П. Гессе, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомский, помощник статс-секретаря Д.П. Голицын, историк К.Н. Бестужев-Рюмин, настоятель санкт-петербургского Исаакиевского собора протоиерей П.А. Смирнов и др. Названные лица в качестве членов-учредителей ОРРИП провели первое общее собрание 7 апреля 1895 г.

Таким образом, созданное ОРРИП возникло в весьма запутанной, непростой и неоднозначной общественно-политической обстановке. Мотивом его основания послужило сильное желание противостоять либеральным тенденциям в общественном мнении и правительственной политике. То есть оно изначально представляло собой не сугубо научную общественную организацию, а консервативно ориентированное аристократическое объединение, деятельность которого была нацелена на сохранение политического курса в духе

¹¹² Там же. С. 66.

царствования Александра III посредством издательской деятельности и исторического просвещения.

Основополагающим документом, определявшим направления деятельности ОРРИП, явилась записка Голенищева-Кутузова, зачитанная на состоявшемся 7 апреля 1895 г. первом общем собрании организации. Затем в течение апреля записка подвергалась подробной доработке с учетом предложений учредителей ОРРИП и была окончательно отредактирована ее автором, Сипягиным и Шереметевым в конце апреля. На основе записки был выработан проект устава общества. 4 мая Сипягин во время аудиенции у императора передал ему пакет документов ОРРИП на рассмотрение. Государь был весьма рад этой инициативе. Через несколько дней он вернул Сипягину записку Голенищева-Кутузова с собственноручно написанной резолюцией: «Дай Бог успеха этому святому делу, которому я буду сочувствовать всей своей душой», – и попросил последнего передать его одобрение заинтересованным в создании ОРРИП лицам¹¹³.

После подтверждения Николаем II записки и проекта устава общества члены-учредители начали дорабатывать устав, который был утвержден министром народного просвещения И.Д. Деляновым 14 октября¹¹⁴. В уставе проговаривалась структура общества¹¹⁵. Также заслуживает внимания еще один документ ОРРИП – программа его деятельности. Среди задач ОРРИП указывались такие направления деятельности, как сбор и обработка материалов для написания фундаментального труда об Александре III, организация хранения этих материалов, распространение в народе сведений о царе-миротворце и «знаний по отечественной истории в духе русских начал», учреждение народных библиотек и читален, издание и продажа периодических изданий и книг по

¹¹³ Там же. С. 69.

¹¹⁴ Мещенина А.А. С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2004. С. 58.

¹¹⁵ Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1895. С. 4, 5.

русской истории и иным вопросам, а также проведение конкурсов сочинений на предложенные обществом темы, подготовка школьных учебников для средних учебных заведений и народных школ¹¹⁶.

Таким образом, деятельность ОРРИП изначально была ориентирована на выполнение определенных общественно-политических задач посредством культурной и просветительской деятельности. В этом смысле ОРРИП определяло политику памяти и проводило эту политику в соответствии с текущей политической конъюнктурой, что, в частности, выразилось в издании «Старины и новизны».

В подтверждение приведенной мысли можно рассмотреть записку Голенищева-Кутузова, ставшую фактически программным документом ОРРИП. В ней подчеркивалось «великое значение царствования императора Александра III в исторических судьбах русского народа, более почувствованное сердцем современников, нежели понятое их разумом». И это великое значение «может в полном объеме раскрыться лишь постепенно, при помощи глубокого всестороннего изучения созидательной и устроительной работы этого царствования, в связи с ясным пониманием всей предшествующей русской истории»¹¹⁷. В этой пафосной формулировке видны намерения историзации и идеологизации прошлого, что вполне типично для коммеморативных практик. Подчеркивая историческое значение покойного императора, вступившего на престол в крайне сложных условиях, автор записки характеризовал царствование Александра III как «новый период расцвета народного самосознания, осуществления русского идеала» в отечественной истории. Образ Александра III в записке Голенищева-Кутузова ставился в один ряд с образами Ивана III и Петра I, и была обозначена миссия каждого из этих государей: с Ивана III началась история самодержавия, с Петра I пошло сближение России с европейским

¹¹⁶ Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. № 1. 26 февраля 1900. СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1900. С. 10, 28.

¹¹⁷ Там же. С. 3.

просвещением, а Александр III открыл эпоху расцвета русского национального самосознания¹¹⁸.

Автор видел смысл ОРРИП в почитании и распространения памяти об Александре III и его царствовании: для окончательного торжества дела Александра III, считал он, необходима деятельность, «заклученная в области умственной и нравственной, ускользящей от прямого воздействия государственной власти и силы», в мирном завоевании «умов и сердец силою просвещения» и в борьбе «с враждебными элементами оружием истинного знания, трезвой мысли и твердого слова». Осуществление подобных задач по плечу «общественным силам, добровольно, сознательно и дружно сплотившимся под хоругвью русского народного самосознания, поднятой над Россией могучею рукою почившего императора». Голенищев-Кутузов считал особенно важным, чтобы вера Александра III, надежда и взгляды почившего государя «проникли во все слои русского общества и преимущественно в молодое поколение». В этом и заключался смысл «исторического просвещения», каким он виделся его «ревнителям».

Важнейшим элементом коммеморации является также эмоциональное влияние на целевую аудиторию. И в рассматриваемой записке подчеркивался авторитет исторической личности как героя нации: «Царственный подвиг свой он совершал в уединенном смирении, в безмолвии тяжелого труда, не ища славы человеческой, единственно проникнутый сознанием возложенного на него волею Провидения исторического долга. И чуткое народное сердце горячо возлюбило своего венценосного вождя и при его кончине проявило такую силу скорби и любви, какой еще не видывал мир. Для славы Александра III и для окончательного торжества его государственной идеи нужно, чтобы русский народ сознал величие усопшего царя не только сердцем, но и разумом»¹¹⁹.

Мысль о необходимости противостояния процессу западного либерального развития общества неоднократно выражал протоирей П.А.

¹¹⁸ Там же. С. 3.

¹¹⁹ Там же. С. 3–4.

Смирнов. Такое противостояние было названо им исторически значимым для всего общества и нации. Он призывал «найти в истории прежнего времени то, что соответствует основной идее царствования Александра III, выдвинуть, выяснить, определить эти царственные черты жизни истинно русской, народной, чтобы они остались и впредь <...> отличительными чертами нашего народа, дать отпор противным веяниям и влечениям куда-либо в сторону, которые и теперь втихомолку действуют»¹²⁰. Он всячески подчеркивал значимость царствования Александра III по сравнению с временем правления его отца: «Должно сознаться, что первые шаги наши после Великих реформ императора Александра II были крайне неудачны и грозили ниспровержением утвердившихся в течение тысячелетней многострадальной нашей истории порядков и гневом небесным, который и разразился над Россией страшной казнью – в мученической кончине добрейшего и благороднейшего из монархов, когда-либо существовавших на свете». В этих словах ясно видно, что царствование Александра III преднамеренно преподносится как контрастировавшее с конкурировавшими с ним нарративами о царе-освободителе, что также является типичной коммеморативной практикой.

Установка, четко выраженная в записке Голенищева-Кутузова, в дальнейшем послужила основой для действий ОРРИП по мемориализации Александра III, в первую очередь в области нарративов: организация собирала не только материалы о «личности и царствовании Александра III», ее также интересовали свидетельства, которые «по содержанию и духу своему» представляли собой «предвестие, выражение или отголоски принципов, им сознанных и проведенных в государственную жизнь», и освещали историческое прошлое России в духе «народном и самобытном». В контексте такого рода коммеморативных практик следует рассматривать, например, предложение членам общества и лицам, не состоящим в ОРРИП, передавать обществу материалы о времени Александра III и предложения об изданиях, которые могли

¹²⁰ Мещенина А.А. С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв. С. 60.

бы быть в этом отношении полезными¹²¹. Обсуждался вопрос о подготовке списка книг, «отвечающих целям и задачам общества», а также достойных быть предложенными «обширному кругу читателей, преимущественно из учащейся молодежи»¹²².

Фактически ОРРИП ставило задачу формулирования нарратива исторического прошлого, конкурировавшего с либеральным. В том числе, например, высказывалось намерение подготовить учебники истории для средних учебных заведений и народных школ, в которых была бы представлена картина в «народном и самобытном духе»¹²³.

Очевидный коммеморативный характер имела институционализация мероприятий по мемориализации. В качестве примера можно привести установление даты проведения торжественного собрания ОРРИП и фиксацию его повестки дня: «Торжественное общее собрание назначается ежегодно в день годовщины рождения в Бозе почившего императора Александра III, 26 февраля. Перед началом собрания служится панихида по усопшем императоре, и само собрание посвящается речам и сообщениям по заранее установленной председателем программе»¹²⁴. Примером такого мероприятия можно назвать торжественное собрание ОРРИП 26 февраля 1897 г.¹²⁵ Но если это мероприятие являлось внутриорганизационным, проведенным с целью укрепить общую память членов ОРРИП, то принятые после собрания решения о публикации речи Смирнова и некоторых стихотворений создателей общества были рассчитаны уже на внешнюю аудиторию¹²⁶.

Особым направлением нарративной коммеморации образа Александра III стали публикации в издаваемом обществом сборнике «Старина и новизна». Его

¹²¹ Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1896/7 год. СПб., 1897. С. 11.

¹²² Там же. С. 22.

¹²³ Там же. С. 15.

¹²⁴ Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. С. 12.

¹²⁵ Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1896/7 год. С. 18.

¹²⁶ Там же. С. 18–19.

первая книга вышла в марте 1897 г. Она была довольно объемистой и состояла из двух отделов. В первом отделе были помещены два маленьких отрывка из двух писем еще цесаревича Александра Александровича к супруге Марии Федоровне, а также стихотворения А.Н. Майкова и А.А. Голенищева-Кутузова, написанные в память об императоре.

Публикацию фрагментов писем предваряло лаконичное введение, в котором говорилось, что оба отрывка (они были взяты из писем, написанных цесаревичем его жене в 1877 г., перед отправкой на русско-турецкую войну) были переданы в ОРРИП вдовствующей императрицей¹²⁷. Отрывки были очень короткими. В первом из них говорилось: «...Я уверен, что как ни грустно расставаться на неопределенное время, ты радуешься за меня этому случаю идти в настоящее дело и доказать на деле государю и России мою готовность послужить им не на словах, а на деле...»¹²⁸. Второй отрывок по своему содержанию был о другом: «...Во всем, что делается на земле, есть воля Божья, а Господь, конечно, ведет судьбы народов к лучшему, а не к худшему, если они, конечно, не заслужили полного гнева Его. Потому, да будет воля Господня над Россией, и что ей следует исполнить и что делать, будет указано самим Господом Всемогущим! Аминь»¹²⁹. Несмотря на краткость этих фрагментов писем, их идейный смысл – служение Богу, России и государю – явственно ощущался, причем любая другая информация из этой переписки (например, о личностных взаимоотношениях и семье) лишь размыла бы этот концентрированный нарративный посыл.

Эти смыслы подхватывали и развивали помещенные далее стихотворения. Одно из них, принадлежавшее перу А.Н. Майкова, было озаглавлено датой кончины Александра III «20-е октября 1894 года». Однако в нем не

¹²⁷ Старина и новизна: исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Кн. 1. СПб., 1897. С. 1.

¹²⁸ Там же. С. 1.

¹²⁹ Там же. С. 1–2.

чувствовалось печали – наоборот поэт торжественно и пафосно воспевал заслуги скончавшегося императора перед Россией:

...Царь, он верил сам в устои вековые,
 На коих зиждется Российская земля,
 Их громко высказал – и как с высот Кремля
 Иванов колокол ударил, и в мгновенье
 Все сорок сороков в Христово Воскресенье
 О Светлом празднике по Руси возвестят, –
 Так слово царское, летя из града в град,
 Откликнулось везде народных сил подъемом¹³⁰.

Далее следовало стихотворение А.А. Голенищева-Кутузова, которое также было озаглавлено датой, связанной с Александром III, но только на этот раз днем его рождения, – «26-е февраля 1897 года». В отличие от строк Майкова, оно было полно печали «осиротелой семьи» и хмурого ощущения «воскресших смут, вражды и темных сил», с которыми поэт готов был бороться,

...Чтоб не дерзнул завещанной святыни
 Коснуться враг, чтоб смолк зловещий шум,
 Чтоб дух отца был жив в державном сыне,
 Свершителе его надежд и дум!¹³¹

Второй отдел книги включал в себя 4 публикации, три из которых являлись эпистолярными материалами (письма Н.М. Карамзина к П.А. Вяземскому, письма П.А. Вяземского к П.Я. Чаадаеву и письма видных сановников эпохи Екатерины II братьев Орловых к графу П.А. Румянцеву). Четвертая публикация являлась статьей Л.Н. Майкова, посвященной историко-литературоведческому разбору мнений А.С. Пушкина и П.А. Вяземского о поэте и драматурге В.А. Озерове.

То есть все публикации первой книги «Старины и новизны» имели отношение к памяти – и о царе-миротворце, и об историческом прошлом в целом.

¹³⁰ Там же. С. 3.

¹³¹ Там же. С. 4–5.

С одной стороны, они были рассчитаны на довольно широкую адресную аудиторию, в которую входили не только лица, абсолютно разделявшие политические ценности эпохи Александра III, но и те, у кого упоминания спорного и противоречивого в идейном отношении Чаадаева, а также неоднозначных для истории той же царской власти Орловых не вызовут мгновенного отторжения и нежелания читать издание далее. С другой стороны, аудитория «Старины и новизны» в актуально-конъюнктурном смысле, видимо, была довольно гомогенной – готовой воспринимать и понимать туманные, но ясно осознаваемые членами ОРРИП намеки на «борьбу», «смуту», «темные силы», «врага» в стихотворении Голенищева-Кутузова.

Помимо аудитории внешней, материалы «Старины и новизны» ориентировались и на членов ОРРИП. В этом смысле примечательно, что на торжественном заседании общества 26 февраля 1897 г., приуроченном ко дню рождения Александра III, протоиерей П.А. Смирнов в своем выступлении обстоятельно поделился с собравшимися собственным пониманием опубликованных двух отрывков из писем покойного государя: «Итак, вот откуда исходило это необыкновенное трудолюбие, при помощи которого в Бозе почивший государь овладел всеми нитями правления многомиллионным народом, этот своего рода аскетизм на высоком и превознесенном престоле, с которым он отказывался от всех внешних приманок чести и власти и даже многих из столь обычных жизненных утех, понести тяжкий крест, возложенный Божественным Промыслом на его рамена, вот где объяснение того единства в мыслях, той строгой последовательности, той глубокой и несокрушимой логики в стремлениях и действиях, которые знаменуют в особенности его царствование, и той благодатной помощи, которая проявлялась ему свыше, даже до чудесного ее обнаружения 17 октября 1888 г., и тех необычных успехов царствования, каких Господь сподобил его достигнуть!»¹³². То есть если кто-то по какой-то

¹³² Завет царя-мироотворца: речь прот. П.А. Смирнова, произнесенная 26 февраля 1897 г. в торжественном собрании Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1897. С. 2–3.

причине не ознакомился с этой публикацией или не придал ей должного значения, то докладчик исправил эту ситуацию, расставив необходимые смысловые акценты.

Таким образом нарративные коммеморации закольцовывались: публикация порождала определенные впечатления, которые затем проговаривались уже в живой речи и тем самым закреплялись. Более того, идеи из фрагментов царской переписки – но уже в изложении протоиерея Смирнова – были снова опубликованы в отдельной брошюре, изданной тиражом 10 тыс. экземпляров и содержащей также другие выступления, произнесенные на торжественном заседании, а также стихи из первой книги «Старины и новизны»¹³³. Не успевшие ознакомиться с этим периодическим изданием тем самым получали возможность прочитать его наиболее знаковые публикации в растиражированной брошюре. Такая своеобразная «густота» политики памяти, проводимой ОРРИП, ее манифестарный и проповеднический характер, по мысли руководства общества, должны были способствовать эффективному отстаиванию идей «ревнителеев» – хотя бы в кругу своих или потенциальных симпатизантов.

В 22 книгах «Старины и новизны» вышло 207 различных материалов, 37 из которых (в 21 книге) были непосредственно посвящены памяти Александра III. (Только в одной – девятой – книге не было специального посвящения памяти государя, но в четырех ее публикациях имелись восторженные упоминания о нем в бытность его цесаревичем.) Большинство публикаций об Александре III составляли воспоминания отдельных лиц. Все эти мемуарные тексты связаны как тематически, так и нарративными приемами: как правило, описываются те или иные случаи из жизни императора и при этом восхваляются его личностные качества. Авторы воспоминаний фокусировались на поступках цесаревича во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., на его добром отношении к людям без различия их положения, на расположенности к физическому труду, на его

¹³³ Отчет Общества ревнителеев русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1896/7 год. С. 18.

манере держаться, на искреннем уважении к своим наставникам, на любви к простому народу, на интересе к творчеству и искусству и хорошем их знании и т.д.

Обращает на себя внимание подчеркнутая аполитичность публикаций «Старины и новизны». В них нет рассуждений, оценок и характеристик по тем или иным актуальным политическим вопросам, важнейшим событиям в правительственной деятельности – причем как в исторической ретроспективе, так и в современных выходящих книгах «Старины и новизны» обстоятельствах. Точно так же налицо и отсутствие собственно исторических исследований – вопреки заявленной уставной деятельности ОРРИП. Фактически лишь один материал В.М. фон Брадке об участии цесаревича в турецкой кампании¹³⁴ отличался подробностью и академической манерой изложения.

Таким образом, деятельность ОРРИП явилась типичным примером коммеморации Александра III и его эпохи. Эта коммеморация выстраивалась в полном соответствии с принципами этой практики формирования общественного мнения и работы с ним. Несмотря на изначально заявленную в документах ОРРИП направленность на научную и культурно-просветительскую деятельность, общество фактически претендовало на политическую роль как хранителя и пропагандиста политических ценностей и ориентиров периода Александра III в ситуации, когда в общественном мнении и чиновничьей среде стали высказываться все более настойчивые призывы к их ревизии и возвращению к реформистскому курсу времени Александра II.

2.2. Мемориализация членов ОРРИП и ее идеологическое значение

Активное обращение ОРРИП к прошлому, связанному с именем Александра III, в принципе придало исключительную значимость мемориальному аспекту в деятельности организации. Это выразилось, в

¹³⁴ Старины и новизны: исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Кн. 15. СПб., 1911. С. 214–223.

частности, в особом внимании к сбережению памяти об умиравших членах Общества ревнителей. Практически такое внимание заключалось прежде всего в написании и распространении некрологов. Этим занимались разные отделения ОРРИП.

В Издательском отделении систематическая работа в данном направлении началась в 1901 г., когда данное отделение на своем заседании 16 апреля решило публиковать некрологи в «Известиях» ОРРИП. Устанавливался и примерный формуляр подобных некрологов, которые «должны быть по возможности кратки, заключать важнейшие биографические сведения и характеристику покойного». Особо подчеркивалась желательность помещать в некрологи «наиболее обстоятельные статьи о покойном»¹³⁵. Указывалось и на необходимость стилистически унифицировать некрологи. Договорились к следующему заседанию отделения, планировавшемуся осенью, подготовить несколько таких текстов и обсудить их. Тогда же распределили и то, кому чьи некрологи писать. Декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета С.Ф. Платонов обязался написать некролог своего коллеги по факультету – профессора кафедры русской истории, академика К.Н. Бестужева-Рюмину, скончавшегося в 1897 г.

Другому сослуживцу Платонова по факультету – приват-доценту Н.Д. Чечулину – поручалось составить некролог умершего год назад вице-президента Академии наук Л.Н. Майкова. Автором некролога брата Майкова – поэта и члена-корреспондента Академии наук А.Н. Майкова, ушедшего в 1897 г., – стал поэт и публицист В.Л. Величко, на тот момент – один из создателей «Русского собрания». Текст, посвященный скончавшемуся менее года назад бывшему дипломату и литератору А.С. Ионину составлял бывший чиновник Собственной его императорского величества канцелярии, а затем Государственного совета историк П.М. Майков. Профессор кафедры древней общегражданской истории Санкт-Петербургской духовной академии А.П. Лопухин занимался

¹³⁵ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 28. Л. 51.

памятованием ушедшего в 1898 г. протоиерея А.А. Лебедева, настоятеля петербургского Казанского собора и духовного писателя.

Глава общества С.Д. Шереметев вызвался организовать написание некрологов двоим военным чинам, умершим в 1899 г., – контр-адмиралу и командиру Гвардейского экипажа Я.И. Шаховскому и генералу от артиллерии А.Д. Столыпину (отца будущего премьер-министра и министра внутренних дел). Некролог ушедшего в 1899 г. Т.И. Филиппова было решено просить написать историка и археографа, начальника архива Министерства народного просвещения Н.П. Барсукова¹³⁶. Члены Издательского отделения подошли к такому, казалось бы, объективно рутинному вопросу, как написание некрологов, предельно основательно. На заседании 18 декабря 1901 г., когда зачитывались подготовленные тексты памятования скончавшихся членов общества, было высказано предложение все-таки ранжировать некрологи в зависимости от значения того лица, которому они были посвящены. Среди фигур, заслуживавших более обстоятельного памятования, назывался, например, Л.Н. Майков. Тогда же было решено, что некрологи должны публиковаться без указания авторов, которые их составили, поскольку все эти тексты обсуждаются и исправляются на заседаниях отделения, а потому являются результатами коллективного творчества. Другим важным итогом этого заседания стало решение о создании новых некрологов тех участников общества, которые ушли совсем недавно и которым поэтому они пока не были написаны.

Так, П.М. Майкову поручалось написать о важных лицах – начальнике Главного управления по делам печати МВД М.П. Соловьеве и президенте Придворной конюшенной конторы Министерства императорского двора В.Д. Мартынове. Заведующий хозяйством Императорской охоты Н.И. Кутепов составлял некролог виленскому, ковенскому и гродненскому генерал-губернатору В.Н. Троцкому, а Н.Д. Чечулин – представителю родовой фамилии А.А. Кудашеву. Протоиерею П.А. Смирнову, ставшему недавно

¹³⁶Там же. Л. 51–51 об.

редактором официального синодального издания «Церковные ведомости», поручалось собрать информацию о недавно ушедшем архиепископе Харьковском и Ахтырском Амвросии, а приват-доценту кафедры церковной истории историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета и обер-секретарю Синода С.Г. Рункевичу – об А.Н. Львове, начальнике синодальных архива и библиотеки. Руководителю Московского отдела общества И.Ф. Тютчеву предстояло собрать материалы о своем земляке – настоятеле храма преподобного Сергия Радонежского в Рогожской слободе, протоиерее И.Г. Виноградове¹³⁷.

По-видимому, какой-то единой директивы, какая структура общества занимается увековечиванием памяти скончавшихся членов общества, не было. Примерно через год после того, как Издательское отделение рассмотрело первые некрологи, в конце ноября 1902 г. на заседании Исторического отделения его председатель, товарищ министра путей сообщения Н.Н. Селифонтов спросил собравшихся, «не пожелают ли они со своей стороны принять участие, подобно членам Издательского отделения, в написании некрологов о членах общества». Члены Исторического отделения согласились с таким предложением, а его председатель объявил, что проинформирует руководителя Издательского отделения – литературоведа и в недавнем прошлом попечителя Харьковского учебного округа И.П. Хрущова – о такой инициативе членов Исторического отделения. На этом же заседании С.Ф. Платонов, состоявший также и в историческом отделении, взялся написать некролог ушедшего в конце 1900 г. Н.Н. Селифонтова¹³⁸.

Судя по всему, явочным порядком в итоге было решено подготовку некрологов систематизировать и централизовать. Какого-либо конкретного документа на этот счет найти не удалось, но в фонде общества имеется письмо Н.Д. Чечулина к чиновнику Министерства финансов и публицисту Ю.С. Карцову от 12 января 1903 г., в котором адресант уверял своего корреспондента в том, что

¹³⁷ Там же. Л. 71.

¹³⁸ Там же. Д. 23. Л. 158–158 об.

«забота о составлении некрологов умерших членов общества перейдет в Историческое отделение», и просил в связи с такой перспективой организовать составление списка всех скончавшихся к тому моменту лиц, участвовавших в деятельности организации¹³⁹.

К началу 1903 г. такой список был готов. В нем значились лица, состоявшие в ОРРИП со времени его создания и до конца 1902 г. Помимо тех, кому уже в рамках деятельности в этом направлении Издательского отделения были написаны (или только намечались к написанию) некрологи, в списке упоминались погибший в результате покушения 1 апреля 1902 г. министр внутренних дел Д.С. Сипягин, скончавшийся весной 1902 г. член-корреспондент Академии наук, педагог и просветитель С.А. Рачинский, умерший в 1900 г. предприниматель и общественный деятель А.Н. Мамонтов, ушедший в 1901 г. бывший попечитель Московского учебного округа Н.П. Мещерский, славист А.А. Майков, которого не стало в 1902 г., и генерал от кавалерии Н.И. Святополк-Мирский (он умер в 1898 г., но вопрос о написании ему некролога возник только в связи с составлением списка)¹⁴⁰.

В самом начале февраля 1903 г. вопрос о том, какое структурное подразделение ОРРИП сконцентрирует в своих руках составление некрологов умерших членов, был окончательно решен. Сначала Н.Д. Чечулин, сменивший Н.Н. Селифонтова на посту главы Исторического отделения, разослал своим коллегам по отделению подготовленный список скончавшихся и просил принять участие в подготовке их некрологов¹⁴¹. А уже на заседании отделения через несколько дней он доложил «о состоявшемся соглашении с председательствующим в Издательском отделении И.П. Хрущовым о том, чтобы труд написания некрологов главным образом сосредоточивался в Историческом отделении»¹⁴².

¹³⁹ Там же. Д. 24. Л. 6.

¹⁴⁰ Там же. Л. 2–3 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁴² Там же. Л. 11.

Впоследствии списки скончавшихся для составления их некрологов составлялись в Историческом отделении практически синхронно с уходом этих лиц. Например, список умерших с начала 1903 г. был отправлен в работу в конце этого года¹⁴³.

Памятование наиболее статусных ушедших было особым. В этом смысле характерным примером является выстраивавшаяся коммеморация Д.С. Сипягина. Правда, в том, что она оказалась столь масштабной, сыграла роль не только высокая должность родственника С.Д. Шереметева, но и трагические обстоятельства его гибели.

Мемориализация покойного министра началась 21 апреля 1902 г., примерно через три недели после его кончины, когда состоялось заседание Совета ОРРИП по этому поводу. Перед заседанием была совершена лития по погибшему, а затем председатель общества С.Д. Шереметев выступил с речью, посвященной памяти покойного товарища по делу ревнителю и родственника (С.Д. Шереметев и Д.С. Сипягин были женаты на родных сестрах). Эта речь примечательна тем, что в ней мемориализация бывшего министра внутренних дел выстраивалась нетривиально. Шереметев говорил не столько о значении Сипягина в прошлом, до его кончины, сколько о том, какой роль его образа будет теперь. Складывалось впечатление, что и после ухода Сипягин как бы продолжал и посмертно служить – теперь уже не конкретной работой, а своим примером. То есть в данном случае памятование было обращено не столько в прошлое, сколько в будущее.

«2 апреля 1902 года убит врагами России Д.С. Сипягин, – говорил Шереметев. – Незадолго до своей кончины он ответил мне письмом, в котором заключались следующие слова: “Ты пишешь, что мы переживаем тяжелое время, – да, это правда! Но тем более мы обязаны жить, действовать и стараться его сделать менее тяжелым. Это наша священная обязанность, и уходить от дела

¹⁴³ Там же. Л. 13.

теперь – это равносильно побегу с поля битвы! Верь мне, что я прав и пишу тебе это от глубины любящего и преданного тебе сердца”»¹⁴⁴.

Эти строчки из частного письма преподносились как напутствие или завещание. Шереметев умалчивал в речи о том, что именно он сам написал Сипягину, в ответ на что тот ответил столь яркой фразой. Судя по всему, граф, склонный к меланхолическим сетованиям на окружавшую его действительность и на постепенный, но неуклонный отход нового царствования от идеалов Александра III, высказал своему свояку какие-то скептические настроения. На это Сипягин отреагировал довольно критически: «Нельзя быть таким впечатлительным и не только писать, но и думать такие вещи». Вслед за этим министр давал Шереметеву уже практические наставления: «Тебе нужно жить для блага своей семьи, которая в твоей личности должна еще почерпнуть традиции будущего, для своей родины, одним из вернейших сынов которой ты всегда был и будешь, для своего государя, которого ты должен любить и поддерживать по мере сил и разума и как своего царя, и как сына Александра III, для всего того дела, которое ты делаешь негромко, без шума и крику, но глубоко и с несомненной пользой, наконец, для своих друзей, которые в трудные и тяжелые минуты жизни в беседах с тобою почерпали себе помощь для своей деятельности!» А далее уже следовало произнесенное Шереметевым публично: «Ты пишешь, что мы переживаем тяжелое время...»¹⁴⁵.

Понятно, что граф не пожелал выставлять себя в неприглядном свете и оглашать то, что он написал Сипягину и на что тот столь ярко ответил. Но в выборе именно этой цитаты из письма Сипягина Шереметев был очень символичен. Министр вспоминал об Александре III и о труде по сохранению и приумножению его дела – то есть фактически касался той сферы, которой

¹⁴⁴ Издание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Вып. VI. Речь председателя общества, произнесенная в заседании Совета 21 апреля 1902 года, в двадцатый день по кончине Дмитрия Сергеевича Сипягина. СПб., 1902. С. 1.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1554. Л. 41 об.–41 а.

занималось общество. Вот так коммеморация императора становилась коммеморацией Сипягина.

«Он не ушел с поля битвы: он остался верен до последней капли крови, – продолжал Шереметев. – Теперь не до слов; теперь нужно делом показать, что мы готовы служить тому же завету – готовы отдать себя за веру, за царя и за Россию! История произнесет свой приговор над почившим и над его явными и тайными врагами... Но память его не умрет ни в нашей скромной и близкой ему среде, ни во всей великой России, которой он был верным и неподкупным сыном. Близкое нам по духу “Русское собрание” на венке своем начертало: “Самоотверженному ревнителю государева дела”. Таковым и был почивший; таковым признал и наметил его издавна незабвенный император Александр III... Таковым определенно оценил его державный сын великого царя... Глубоко запечатлится образ почившего на скрижалях русской истории. Человек бытовой, он положил жизнь свою за родное знамя: знамя это русское, знамя царское, знамя православное – оно же пребудет неизменно и нерушимо доколе стоять будет Святорусская земля!»¹⁴⁶.

В этом фрагменте Шереметев также расставил необходимые коммеморационные акценты. Прочерчивалась связь Сипягина с Александром III (министр как осознанный выбор императора), а через это – и с царствующим монархом. Надпись на венке «Русского собрания», на которой упоминался «ревнитель», перекликалась с названием ОРРИП. И главное, Сипягин, как вполне обычный, «человек бытовой», то есть такой, каким могут быть все без исключения, тем не менее, сполна проявил себя в деле служения царю и России. То есть такими могут и должны быть все.

После такого идеологического зачина коммеморация Сипягина на заседании Совета ОРРИП перешла в практическое русло. Прежде всего сам Шереметев связал имя покойного с делом по организации библиотек Общества

¹⁴⁶ Издание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Вып. VI. Речь председателя общества, произнесенная в заседании Совета 21 апреля 1902 года, в двадцатый день по кончине Дмитрия Сергеевича Сипягина. С. 1–2.

ревнителей и предложил увековечить его память именно в этом направлении деятельности организации (подробнее об этом говорится в разделе, посвященном народным библиотекам общества)¹⁴⁷.

Вслед за этой инициативой графа другие члены Совета стали делать свои предложения. Бывший тверской губернатор П.Д. Ахлестышев счел необходимым заказать икону для часовни в имении Сипягина, находившемся в с. Клусове Волоколамского уезда Московской губернии. Эта часовня в свое время была сооружена на средства Дмитрия Сергеевича. Дальний родственник Шереметева В.В. Мусин-Пушкин, на тот момент – управляющий Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками и предводитель дворянства Богородского уезда Московской губернии, предложил повесить портрет Сипягина в зале, где заседал Совет ОРРИП. По словам товарища Сипягина в МВД А.С. Стишинского, «имя Д.С. Сипягина должно бы было быть непосредственно связано с учреждаемыми Обществом народными библиотеками, мысль о которых всецело принадлежала Дмитрию Сергеевичу». Сотрудник Государственной канцелярии Д.П. Голицын указал на необходимость ежегодно в день гибели Сипягина, 2 апреля, служить по нему панихиду. Шереметев также зачитал пришедшее на его имя письмо от управляющего канцелярией вдовствующей императрицы Марии Федоровны А.А. Голенищева-Кутузова, в котором тот обращался к собравшимся с просьбой «считать его участником всякого решения, которое было бы принято Советом для чествования памяти Д.С. Сипягина», а также предлагал украсить могилу министра иконой¹⁴⁸.

Все эти предложения были оформлены как пункты решения Совета ОРРИП. Некоторые из инициатив членов Совета были зафиксированы даже еще более подробно. Например, в резолюции заседания содержался такой пункт: «Войти в обсуждение вопроса о том, чтобы навсегда связать имя Д.С. Сипягина с делом учреждения бесплатных народных библиотек общества, всецело ему

¹⁴⁷ Там же. С. 2.

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 137. Л. 4 об.

обязанных своим возникновением и дальнейшим развитием». В рамках этого же библиотечного направления мемориализации Сипягина указывалось на необходимость присвоить его имя народной библиотеке, открытой в имени бывшего министра в с. Клусове¹⁴⁹.

В завершение заседания наступила очередь для выступлений представителей местных отделов ОРРИП и других организаций. Была зачитана телеграмма с соболезнованиями от отдела из Бежецкого уезда Тверской губернии. А входивший, помимо Общества ревнителей, еще и в «Русское собрание» В.Л. Величко даже прочитал свое стихотворение «Отчизна», сочиненное на смерть Сипягина (примечательно, что это стихотворение имеет подзаголовок «Посвящается памяти самоотверженных»)¹⁵⁰.

В дополнение к принятому 21 апреля решению Совет ОРРИП 12 мая решил разместить портреты Сипягина в каждой народной библиотеке¹⁵¹. А еще спустя несколько месяцев, в начале 1903 г., Совет утвердил единообразную подпись под этими портретами: «Дмитрий Сергеевич Сипягин. Член Совета Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. 1895–1902 гг. Почину его Общество ревнителей русского исторического просвещения обязано учреждением народных библиотек-читален общества»¹⁵².

Примечательно, что на икону в клусовскую часовню члены Совета сдавали собственные средства. В делопроизводственных бумагах ОРРИП об этом имеется справка, датированная концом января 1903 г. В ней говорится, что «стоимость иконы Спаса Нерукотворного в серебряной вызолоченной ризе, сооруженной Советом Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III для часовни в с. Клусове Волоколамского уезда Московской губернии в память Дмитрия Сергеевича

¹⁴⁹ Там же. Л. 4 об.–5.

¹⁵⁰ Там же. Л. 5 об.

¹⁵¹ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁵² Там же. Л. 8.

Сипягина, обошлась в 120 рублей». В итоге каждый из членов Совета сдал по 4 рубля 62 копейки¹⁵³.

Точно такая же «отраженная» мемориализация (когда память о скончавшемся ранее лице переносится на умершего позже, в данном случае – памятование Сипягина в свете почитания Александра III) была произведена буквально через несколько дней после заседания Совета ОРРИП 21 апреля 1902 г. 2 мая в с. Татеве Бельского уезда Смоленской губернии скончался С.А. Рачинский. 12 мая Совет собрался в связи с этой новой утратой. С.Д. Шереметев, как и 21 апреля, выступил с основной речью памяти просветителя и педагога. Причем, как и в случае с речью памяти Сипягина, Шереметев сделал центральным местом своего выступления цитирование последнего письма к нему Рачинского, посланного графу 23 апреля в связи с гибелью Сипягина. В нем Рачинский ужасался гибели Сипягина и тут же переводил разговор на совершенно иной мир, который ему удалось выстроить в Татеве и который как будто вообще был из другой жизни: «Только и отдыхаешь в мире церковном и школьном. Никогда в наших краях церкви и школы не были так переполнены, как истекающею зимою», – сообщал он Шереметеву. И тут же добавлял, что библиотека общества, находящаяся в школе села Глухова того же Бельского уезда, «имеет успех необычайный». Правда, состояние самого Рачинского было уже совершенно плохим: «Очень я болен и слаб. Да хранит Вас Бог», – завершал он свое последнее письмо к Шереметеву.

В принципе уже сам выбор фрагмента для публичного прочтения был исключительно верным. На фоне убийства министра в самом центре Петербурга в глубинной России идет правильная и созидательная жизнь. И эта жизнь – лучшее доказательство того, что жертва Сипягина была не напрасной. И тем более не напрасными стали 13 с лишним лет предыдущего царствования, в течение которых были созданы условия для появления сипягиных во власти и рачинских в обществе. В мемориализационной цепочке после Александра III и

¹⁵³ Там же. Л. 9 об.

Сипягина появлялась третья фигура – татевского подвижника. То есть главное дело ОРРИП – активное употребление памяти для нужд сегодняшнего и завтрашнего дней – работало. Именно это Шереметев и хотел донести до членов Совета.

«Воля Божия совершается, – подытоживал Шереметев. – Уходят от нас добрые, благородные, вдохновенные силы, за которыми идут и дела их – добрые, направленные на благо человечества. А семя злое, на гибель человечеству – семя гордыни и злобы – живет и распространяет вокруг себя дыхание смерти. Но не погибнет верующая Россия, как не зарастет народная тропа к свежей могиле в Татеве, откуда тихий свет разольется на всю Русь»¹⁵⁴.

Следующее крупное памятование скончавшегося члена ОРРИП состоялось в начале апреля 1904 г. 31 декабря 1903 г. ушел из жизни В.Л. Величко. Примерно через месяц Совет ОРРИП утвердил заметку о покойном, написанную Д.П. Голицыным в качестве фактически официального некролога от организации¹⁵⁵. Собственно, само заседание Совета памяти Величко состоялось не скоро – в начале апреля. На нем присутствовало не так много человек, и на этот раз обошлось без каких-либо символических мемориализационных связей. С.Д. Шереметев ограничился тем, что на похоронах Величко был венок и от Совета¹⁵⁶. Но зато в сложное в политическом отношении время – 6 февраля 1905 г., через два дня после убийства в Москве вел. кн. Сергея Александровича, – на заседании Совета было зачитано письмо председателя Тифлисского отдела, в котором тот просил опубликовать речь, произнесенную прот. И.И. Восторговым на панихиде по Величко, которая была отслужена на 40-й день после его кончины совместно членами Закавказского общества вспомоществования русским переселенцам и членами Тифлисского отдела ОРРИП. Совет принял

¹⁵⁴ Издание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Вып. VII. Речь председателя общества, произнесенная в заседании Совета 12 мая 1902 г. по поводу кончины Сергея Александровича Рачинского. СПб., 1902. С. 3–4.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 137. Л. 42.

¹⁵⁶ Там же. Л. 39.

решение опубликовать эту речь¹⁵⁷. Однако, судя по всему, эта речь так и не была напечатана обществом, ее найти не удалось. По-видимому, не была издана и речь памяти бывшего попечителя Варшавского учебного округа, а затем сенатора А.Л. Апухтина, умершего в ноябре 1903 г., хотя и по ней Совет принял положительное решение 6 февраля 1905 г. на том же своем заседании¹⁵⁸.

25 июня 1904 г. скончался председатель Издательского отделения и член Совета ОРРИП И.П. Хрущов. Через несколько дней С.Д. Шереметев писал секретарю Издательского отделения и племяннику покойного, С.Н. Хрущову: «Вы легко поймете, как поражены мы были известием о кончине Вашего почтенного дядюшки, с которым я лично связан был сношениями давними, многолетними. Общество ревнителей русского исторического просвещения будет особенно оплакивать его кончину. За последнее время он так рванулся к деятельности в обществе нашем. Ему мы обязаны <...> оживлением издательской деятельности общества». Граф написал, что испытывал глубокую скорбь, однако «лишен был возможности по нездоровью прибыть лично на погребение Ивана Петровича», поэтому отправил на похороны венки от ОРРИП и лично от себя и своей семьи¹⁵⁹.

Несмотря на свою чиновничью работу на протяжении последних десятилетий в сфере ведения Министерства народного просвещения, И.П. Хрущов написал несколько работ по древнерусской литературе и фольклору, а также просветительские брошюры. То есть его работа во главе Издательского отделения ОРРИП была обусловлена в том числе и присущими ему способностями. Более того, И.П. Хрущов писал и стихи. Поэтому в сентябре 1904 г. С.Д. Шереметев выступил с инициативой опубликовать стихотворение, которое И.П. Хрущов написал несколько лет назад, в 1900 г., и незадолго до своей кончины прислал графу. В документах ОРРИП имеется это стихотворение:

Так я, заживо отпетый,

¹⁵⁷ Там же. Д. 29. Л. 139.

¹⁵⁸ Там же. Л. 140.

¹⁵⁹ Там же. Л. 82–82 об.

Одинокий, среди людей,
Сам пою свою легенду
В злой бессоннице своей.

Кн. П.А. Вяземский

Старость подходит, но жизненных сил еще много;
Лишь опытом дух усмирен, и стало яснее сознание.
С чуткостью новой теперь различать начинаю я строго
Правды прямые лучи и кривды позорные пятна.

Краткость годов предстоящих, однако ж, мертвит вдохновение.
Планы задуманных дел и новых созданий наброски,
Вас не удастся исполнить, и нет уж на это желанья.
Мечта не вперед, а обратно к былому несется,
Творчески вновь оживляя деяния лет промелькнувших.

Целой жизни своей становлюсь я невольным судьбою.
Ошибки мне ясны судьбы, как ясны и мои преступления.
Как стал бы теперь я в былом поступать по-иному!
Как ту, что делила со мною и радость и горе, сумел бы теперь я
Беречь и лелеять, любуясь прекрасным осенним закатом!

Но, скорбный, лишен я вечернего тихого света.
Падает дух, и тоска затемняет сознание.
Словно над бездною стою, как беглец, потерявший дорогу,
Чующий гибель вблизи, «Прости!» посылающий дому¹⁶⁰.

Совет ОРРИП на своем заседании в октябре 1904 г. принял решение напечатать это стихотворение в посмертном издании трудов И.П. Хрущова¹⁶¹. В

¹⁶⁰ Там же Л. 87–89.

¹⁶¹ Там же. Л. 94.

данном случае, в отличие от мемориализации Д.С. Сипягина и С.А. Рачинского, памятование И.П. Хрущова не содержало в себе никаких подтекстов, не являлось каким-либо отблеском главной коммеморации ОРРИП – Александра III. Оно имело, скорее, определенный профессиональный характер: в память о руководителе Издательского отделения выпускалось специальное издание, и стихотворение покойного, которое по своей тематике и по своему настрою соответствовало печальному духу посмертной публикации, оказывалось очень уместным в таком сборнике. В такой ситуации совсем другое звучание приобретал и эпиграф к стихотворению, выбранный из поэтического наследия П.А. Вяземского. Получалось, что И.П. Хрущов как будто подхватывал настрой поэта и передавал его в своих стихотворных строчках. А издатели посмертного сборника, таким образом, как бы подхватывали настрой обоих стихотворений.

2.3. Журнал «Старина и новизна» в коммеморативных проектах ОРРИП

Сборник «Старина и новизна» выпускался Обществом ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (ОРРИП) в конце XIX – начале XX в. В общей сложности были изданы 22 книги. Во всех них печатались разные по своему характеру материалы, так или иначе относившиеся к памятованию Александра III, – стихотворения, дневники, записки, письма, воспоминания, статьи и др. Такая издательская политика определялась главной установкой ОРРИП – содействовать укреплению памяти о скончавшемся императоре и соотносить подобную деятельность с «политической конъюнктурой» текущего момента¹⁶².

Являясь, по сути, коллективным воспоминанием исторического прошлого, коммеморация исходит из потребности в формировании определенной коллективной памяти – для определенных нужд настоящего. То есть, если прибегать к терминам *memory studies*, исследовательская проблема выглядит

¹⁶² Юй Цзе. Коммеморация Александра III и его царствования Обществом ревнителей русского исторического просвещения на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2022. № 2 (182). С. 123.

следующим образом. ОРРИП являлся мнемоническим актором, действовавшим в соответствии собственным видением потребностей текущего момента, а именно – ради сохранения и укрепления памяти об Александре III и его политических приоритетах, а через это – в целях недопущения отказа от курса этого императора и возвращения к курсу Александра II. В этом смысле издание сборника становилось знаковым действием коллективного воспоминания – коммеморативным действием, осуществлявшимся мнемоническим актором.

ОРРИП было создано в 1895 г., через несколько месяцев после смерти Александра III, и просуществовало фактически до свержения самодержавия в феврале 1917 г. Целью общества, как гласил его устав, являлось умножение и распространение «знаний по отечественной истории в духе русских начал», проявленных в царствование императора Александра III. Эта цель должна была реализовываться путем сбора и обработки сведений об эпохе Александра III, а также через издательскую деятельность¹⁶³. Одним из направлений издательской деятельности и стал сборник «Старина и новизна». У истоков этого начинания стояли председатель ОРРИП С.Д. Шереметев и его соратник, также один из учредителей общества и член его совета, литературовед Л.Н. Майков. Для непосредственного руководства подготовкой и выпуском этого издания в феврале 1896 г. в рамках ОРРИП была образована специальная комиссия, в которую, кроме названных выше лиц, вошли историки Н.П. Барсуков и Н.Д. Чечулин, секретарем комиссии стал племянник Л.Н. Майкова – археограф В.В. Майков¹⁶⁴.

В предисловии к первой книге «Старины и новизны» целью издания называлось превращение сборника в «орган для периодического обнародования» «исторических материалов», которые собирало общество. Там же объяснялось и название издания, тем более что журнал с таким названием уже существовал. При Екатерине II его в течение нескольких месяцев выпускал писатель В.Г. Рубан. В XIX в. уже П.А. Вяземский задумал издавать одноименный журнал,

¹⁶³ Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения. СПб., 1895. С. 3.

¹⁶⁴ Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897. С. VI–VII.

однако это намерение не имело развития. Поэтому заимствование обществом этого названия было своего рода данью традиции, поскольку ОРРИП замышляло заниматься временем царствования Александра III, а также «более далекой отечественной стариной», тем более что покойный император проявлял «самое живое и горячее сочувствие» к изучению и популяризации прошлого¹⁶⁵. То есть ОРРИП как мнемонический актер было заинтересовано в пропаганде образа Александра III и его царствования в общественном сознании.

В вышедших книгах сборника было в общей сложности 207 публикаций, из которых 37 специально посвящались памяти Александра III и его царствования. Среди них – воспоминания, письма, статьи, стихотворения, публичные речи, очерк, записка и дневниковая запись. Статистика, включающая в себя общее количество публикаций определенного жанра, номера книг, в которых эти публикации представлены, а также количество занимаемых ими страниц, представлена в таблице.

Виды публикаций «Старины и новизны»

Жанр	Воспо минани я	Письма	Статьи	Стихо творе ния	Публи чные речи	Очерк	Запи ска	Днев ник
Количест во	12	10 публик аций (49 единиц)	4	4	4	1	1	1
Книги	№ 2, № 3, № 4, № 5, № 7, № 8,	№ 1, № 2, № 3, № 4, № 5, № 6,	№ 13, № 14, № 16	№ 1, № 2, № 5	№ 19, № 20, № 21, № 22	№ 15	№ 12	№ 17

¹⁶⁵ Там же. С. VI.

	№ 10, № 11, № 14, № 21	№ 10, № 13, № 18						
Общее количес тво страниц	102	60	32	5	5	18	1	5

То есть 37 публикаций по своему жанру были распределены следующим образом: 12 воспоминаний, 10 публикаций из 49 писем, 4 статьи, 4 стихотворения, 4 публичные речи, 1 очерк, 1 записка, 1 фрагмент из дневниковой записи.

Самыми значительными по объему являются воспоминания – они составляют почти половину всего объема публикаций, посвященных памяти Александра III. Среди их авторов был в том числе директор хирургической клиники Харьковского университета, профессор В.Ф. Грубе, который рассказывал, как под руководством и при непосредственном участии Александра III была организована срочная медицинская помощь пострадавшим при крушении императорского поезда под Борками 17 октября 1888 г.¹⁶⁶ Музыкант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. А.А. Берс поделился с читателями журнала историей основания хора наследника Александра Александровича, впоследствии переименованного в Общество любителей духовой музыки, а также поведал о его любви и вкусе к музыке¹⁶⁷. Шереметев вспоминал поездку цесаревича в Польшу и в Вену; игумен Новоафонского монастыря, архимандрит Иерон делился воспоминаниями о посещении императором монастыря 24 сентября 1888 г. Генерал-лейтенант А.Ф. Риттих описывал свои личные встречи с

¹⁶⁶ Старина и новизна. Кн. 2. СПб., 1898. С. 339–357.

¹⁶⁷ Старина и новизна. Кн. 3. СПб., 1900. С. 312–339.

императором, в том числе эпизод из Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. О том же были воспоминания графа Н.Е. Комаровского.

Перечисленные и другие воспоминания роят некоторые характерные особенности.

Во-первых, воспоминания имеют приватный характер, мемуаристы не упоминают о тех или иных событиях государственного масштаба, они сосредоточены исключительно на своем частном сюжете. Более того, у такого взгляда напрочь отсутствует намерение как-то осмыслить описываемые события, проанализировать их – подача материала сугубо описательная.

Во-вторых, мемуаристы рассказывали об эпизодах повседневной жизни Александра III, в их глазах он представал близким к народу, а не вершившим большую политику в отдалении от подданных, в своих дворцовых покоях.

В-третьих, значимые исторические события – такие, как, например, участие наследника цесаревича в Русско-турецкой войне, его визиты в Варшаву и Вену, – о которых упоминается в воспоминаниях, являются лишь фоном, но никак не центральными пунктами фокусирования внимания. Целью повествования является вовсе не реконструкция событий большой политики, в которых участвовал наследник Александр или уже государь Александр III, но воссоздание его живого, непосредственного образа с акцентом на внешность, манеру держаться, живые реплики, реакцию окружавших его лиц и т.д.

В-четвертых, во всех воспоминаниях чувствуются сильное эмоциональное возбуждение, нескрываемый восторг, священный трепет, буквально религиозное благоговение мемуаристов в отношении Александра III, абсолютная вера в него без какого бы то ни было рационального объяснения.

Совершенно очевидно, что воспоминания выполняли значительную коммеморативную функцию. Схематично ее можно изобразить следующим образом. В заглавие воспоминаний выносится событие, оставившее глубокий след в социальной памяти, – например, Русско-турецкая война или чудесное спасение императорской семьи при крушении царского поезда под Борками. Затем само это событие фактически игнорируется, а на первый план выносятся

детали поведения императора, какие-то эпизоды из его повседневной жизни, иные нюансы, которые делают образ царя жизненным и максимально приближенным к повествователю (и, следовательно, читателю), но вместе с тем величественным, буквально сказочным.

В качестве примера можно разобрать «Воспоминание о поездке цесаревича Александра Александровича в Варшаву и в Вену 1875 г.» Шереметева. В центре внимания мемуариста вовсе не эти внешнеполитические акции, а взаимоотношения наследника с опальным генерал-фельдмаршалом А.И. Барятинским. Именно через эти взаимоотношения Шереметев характеризовал будущего императора: «Цесаревич Александр Александрович любил и уважал князя А.И. Барятинского по свойственному ему влечению к порядочности и самостоятельности, особенно им ценимым в среде, ближайшей к престолу. Он вообще сочувствовал во многом взглядам фельдмаршала и глубоко сожалел об его относительном отдалении»¹⁶⁸.

Вежливое, мягкое и уважительное отношение Александра III к подданным являлось одной из сквозных тем воспоминаний. Так, Риттих подробно рассказывал о своих встречах с Александром III, когда тот был в разных статусах – великого князя, цесаревича, императора. Для мемуариста наиболее запоминающимся им ярким фактом явилось поведение цесаревича в его бытность командующим Руцукским отрядом Дунайской армии во время Русско-турецкой войны. Мемуарист приводил впечатлившую его историю. Когда наследнику было доложено о приближавшихся превосходящих силах противника и рекомендовано дать команду отступить, он ответил: «Да разве я могу отступить, если на мне лежит обязанность охраны государя и всего тыла армии. Не отступлю». Когда же ему все же пришлось объявить отступление, он вместе со штабом продвинулся примерно на 10 верст, но потом остановился и сказал: «Дальше ни шагу». Автор с удивлением пишет, что после этого по каким-то причинам и турки перестали наступать и «даже отошли назад за горы»¹⁶⁹. В

¹⁶⁸ Старина и новизна. Кн. 4. СПб., 1901. С. 440.

¹⁶⁹ Старина и новизна. Кн. 5. СПб., 1902. С. 313–314.

этой истории предстает живой образ преданного и мужественного наследника, который безгранично любил своего государя-отца.

Начиная с пятой книги сборника в нем стали публиковаться материалы о поездках Александра III по империи.

К такого рода текстам относятся, например, «Воспоминания очевидца о посещении императором Александром III г. Ярославля в 1881 году». Анонимный автор данных воспоминаний придавал этому царскому визиту особое значение, считал его «знаменательным для всей России», поскольку страна «пламенеет желанием видеть царя и царицу», а также делился собственными чувствами от лицемерия государева посещения Ярославля. «Никогда не забуду этого глубоко затрагивавшего зрелища, – отмечал он. – Невольно думалось, вот когда Бог привел воочию стать и всею душою любоваться и благоговеть пред живою и животворною картиною в истоме, исторически русском духе: воистину, впервые имел небывалое счастье видеть русского царя-батюшку и царицу-матушку»¹⁷⁰.

Статья «Император Александр III в Карданах в 1888 году»¹⁷¹ принадлежит перу другого анонимного автора, писавшего скромнее, без особого употребления пышных фраз, но тем не менее передававшего тот же бурный восторженный, пылающий подъем настроения народа при виде его величества. Аналогичный материал – «Воспоминания архимандрита Иерона о посещении государем императором Александром III с августейшей семьей монастыря Новый Афон в 1888 г.»¹⁷² – был составлен Батумским отделом ОРРИП и стал первой публикацией, поступившей не из столиц, а с мест.

Единственным дневниковым материалом стала запись воспитателя будущего Александра III Н.П. Литвинова за 1861 г., в которой рассказывается о поездке цесаревича в Москву¹⁷³. Автор детально освещает повседневную жизнь наследника и особо подчеркивает его интерес к старине и древней церковной архитектуре.

¹⁷⁰ Там же. С. 322–323, 326.

¹⁷¹ Там же. С. 275–279.

¹⁷² Старина и новизна. Кн. 11. СПб., 1906. С. 267–277.

¹⁷³ Старина и новизна. Кн. 17. М., 1914. С. 393–397.

Общая характерная черта воспоминаний и дневникового фрагмента – это стремление их авторов показать величие государя, его высокие нравственные качества через заурядные и обыденные события, то есть достигнуть пропагандистского эффекта не парадностью и не напыщенной героизацией, а низведением прославляемого лица до уровня простого и доступного человека – близкого и понятного читающему о нем обывателю.

Вторая по объему публикаций группа – эпистолярная. Тематика переписки, как и указанных выше воспоминаний, частная, затрагивавшая конкретные вопросы. Так, с художником А.П. Боголюбовым цесаревич обсуждал приобретение картин за границей, высказываясь при этом о покупаемых произведениях¹⁷⁴, генералу А.Н. фон Стюрлеру он писал о своем стремлении к простой и спокойной жизни¹⁷⁵, император переписывался с бывшим наставником Я.К. Гротом вплоть до кончины последнего¹⁷⁶. Следует особо выделить письмо наследника Александра Александровича к другому его наставнику – К.П. Победоносцеву – от 10 марта 1880 г. Несмотря на лаконизм, оно наглядно демонстрирует характер и склад ума цесаревича, сложившиеся и остававшиеся неизменными до конца его жизни. Будущий император признавался, что испытывает зависть к «людям, которые могут жить в глуши, но приносить истинную пользу и быть далеко от всех мерзостей городской жизни, а в особенности петербургской». При этом он подчеркивал, что в стране «немало подобных людей, но об них не слышим, а работают они в глуши тихо, без фраз и хвастовства»¹⁷⁷.

Как и в случае с воспоминаниями и дневником, частный и даже нарочито бытовой характер корреспонденции Александра III должен был формировать высоконравственный и в то же время удивительно простой и светлый образ народного самодержца. То же самое можно сказать и о переписке других корреспондентов, в которой выражается восхищение именно этими качествами

¹⁷⁴ Старина и новизна. Кн. 3. СПб., 1900. С. 1–14.

¹⁷⁵ Старина и новизна. Кн. 6. СПб., 1903. С. 1.

¹⁷⁶ Старина и новизна. Кн. 11. СПб., 1906. С. 1–6.

¹⁷⁷ Старина и новизна. Кн. 5. СПб., 1902. С. 1.

Александра III. Так, П.Ф. Перфильева, жена московского губернатора В.С. Перфильева, писала поэту П.В. Шумахеру, как она была представлена императору. Государь поразил ее своей обходительностью и умением располагать к себе: «Я тронута и с самым теплым чувством в сердце. И так мило, так просто он держался, и вам совсем легко. Государь более чем очарователен». На это корреспондент Перфильевой отвечал: «Вас озарило и пригрело солнышко, чудесная Прасковья Федоровна; искренно сочувствую Вашей радости и счастьем, так как и мне однажды довелось испытать все прелести доброго привета этой прекрасной царственной четы»¹⁷⁸.

Другой пример – письмо Т.И. Филиппова, на тот момент товарища государственного контролера, к жене бывшего обер-прокурора Синода А.П. Толстого – А.Г. Толстой. Филиппов описывал некоторые детали убийства Александра II, но акцент в письме делался на новом императоре и на априорной вере в него: «У меня есть твердая внутренняя вера, ничем внешним и осязательным не подкрепляемая, но тем не менее сильная, что новому государю – за его нравственную чистоту, за его прямоту, за его любовь к России и ко всему, в чем выражаются особенности внутреннего характера и даже внешнего вида русского народа, – дано будет водворить мир в его земле и положить начало восстановлению глубоко потрясенной нравственности нашего народа. Он – образец чести семейной и государственной <...>»¹⁷⁹. В данном случае чеканные формулировки работали в несколько ином регистре – не через манифестацию доступности, близости и понятности державного образа, но путем непосредственной трансляции требуемых оценок.

Необходимо отдельно сказать о письмах Шереметева с Русско-турецкой войны, когда он служил в Руцукском отряде под началом наследника. В этих письмах приводятся многочисленные примеры храбрости будущего императора, его заботы о подчиненных. Например, впечатляет приводимый Шереметевым рассказ, как Александр Александрович лично с лопатой в руках расчистил

¹⁷⁸ Старина и новизна. Кн. 10. М., 1905. С. 469.

¹⁷⁹ Старина и новизна. Кн. 18. СПб., 1914. С. 2.

родник и тем самым обеспечил бывшее с ним войсковое соединение водой¹⁸⁰. В письме чувствуется искреннее восхищение Шереметева цесаревичем: «Нельзя не радоваться, когда слушаешь его здравые, прямые суждения и удивляешься его верному взгляду на людей»¹⁸¹. Или: «Турки опять атаковали Шипку, и отброшены с большим уроном. <...> В большой палатке еще слышны разговоры, и раздается голос цесаревича, который меня восхищает своим спокойствием и ясностью»¹⁸².

Остальные указанные в таблице публикаций «Старины и новизны» материалы – статьи, публичные речи, очерк и записку – можно рассмотреть в качестве одной группы материалов.

Статья историка М.В. Толстого, написанная 21 апреля 1865 г., в день объявления вел. кн. Александра Александровича наследником престола, была преисполнена патетическим чувством. Автор усмотрел «разительное сходство событий» – смерти наследника Николая Александровича и назначения новым наследником второго сына Александра II Александра Александровича в 1865 г., с одной стороны, и смерти князя Феодора Ярославича в ранней юности и назначения новым наследником Александра Ярославича в 1223 г., с другой стороны. То есть будущий государь уподоблялся Александру Невскому. Толстой был убежден в том, что «новый наследник» подобно «тезоименитому ему невскому витязю» станет «утешением державных родителей, честью, славою и счастьем России»¹⁸³.

Другая статья – «В тревожные дни» – была написана в октябре 1894 г. писательницей Е.Н. Головинской в связи с болезнью и кончиной Александра III. Статья проникнута надрывной печалью и представляет собой специфическую коммеморацию через оплакивание¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Старина и новизна. Кн. 2. СПб., 1898. С. 333.

¹⁸¹ Там же. С. 319.

¹⁸² Там же. С. 335.

¹⁸³ Старина и новизна. Кн. 13. СПб., 1909. С. 257–258.

¹⁸⁴ Старина и новизна. Кн. 14. М., 1911. С. 522–523.

Памятование Александра III именно и прежде всего как человека, исполняющего высокий долг царского служения и при этом остающегося внимательным ко всем своим подданным, присутствует и в статьях, посвященных внешней политике.

Так, статья «Эпизод с рескриптом императора Александра III о русско-финляндских отношениях» была написана К.Я. Гротом на основе записной книжки его отца Я.К. Грота – наставника вел. кн. Александра Александровича. В статье не рассматривались вопросы политики в отношении Финляндии, по сути, текст представляет собой публикацию рескрипта финляндскому генерал-губернатору Ф.Л. Гейдену и разбор истории с его переводом на шведский язык. Грот-старший в совершенстве владел шведским языком, и Александр III поручил ему сделать повторный перевод рескрипта на этот язык, так как предыдущий перевод вызывал нарекания из-за своего качества. Грот-младший восстановил историю подготовки нового перевода, а также описал прием его отца императором в связи с порученной ему работой¹⁸⁵.

Другая статья – «Александр III в Фреденсборге» – посвящена пребыванию императора в резиденции датской королевской семьи на острове Зеландия. И в этой публикации также уделяется значительное внимание личности государя, характеристике его внешности как «элегантного человека высокого роста с царственной походкой, большой русой бородой и мягкими добрыми глазами». Автор описывает охотничий костюм, в который облачен царь, останавливается на том, как он вырезает на дереве букву D – инициал датского имени Дагмара императрицы Марии Федоровны. То есть в центре внимания снова оказываются не государственные деяния, а любование и восторг обыкновенным семейным счастьем¹⁸⁶. В статье говорится и о восприятии Александра III местными жителями, которые имели возможность неоднократно видеть его, когда он приезжал в Фреденсборг, и которые поставили на своей земле памятник русскому царю. «Памятник очень скромный, – отмечал автор. – Он вызывает в

¹⁸⁵ Там же. С. 515–520.

¹⁸⁶ Старина и новизна. Кн. 16. СПб., 1913. С. 62–63.

зрителе воспоминание не о великом и могущественном царе, а о любимом доступном человеке, таком, каким его знал и любил народ этой страны»¹⁸⁷. В статье особо подчеркиваются чувства простых датчан к Александру III: «В маленьких домах горожан и крестьян на севере Зееланда везде можно видеть хромофотографированный портрет царя. Жители Фреденсборга сохраняют сердечное воспоминание о великом царе с ясной и любезной улыбкой; из поколения в поколение будут передавать свои воспоминания, и по мере того, как будут проходить годы, будут возникать легенды о его жизни и его делах. Даже если все эти легенды будут не совсем верны, они все же отразят в себе народное представление о личности царя»¹⁸⁸.

В статье о заключении союза России и Франции налицо точно такой же подход: автора интересуют прежде всего не дипломатические сюжеты, а личности Александра III и президента Франции Сади Карно, с которым был заключен договор¹⁸⁹.

Подчеркнутая аполитичность материалов сборника, акцентирование внимания на частном и личностном в образе Александра III, на его камерном восприятии на самом деле оказывали на читательскую аудиторию колоссальное психологическое воздействие, какое было не под силу официальной и казенной пропаганде. В такой же тональности выдержана и единственная за все время выхода сборника записка, напечатанная на его страницах. Она была опубликована без введения и комментариев, что затрудняет идентификацию ее автора и выяснение обстоятельств появления. Однако идейное содержание этой записки выражено предельно откровенно – в ней пафосно критикуется либеральная интеллигенция и восхваляются устои, сформировавшиеся при Александре III. «...истинно русские люди воздали и воздают честь почившему государю, постигшему внутренним чувством, угадывавшему более сердцем, чем умом, сущность русских основ, – говорилось в записке. – Эпоха его, имевшая

¹⁸⁷ Там же. С. 71.

¹⁸⁸ Там же. С. 72.

¹⁸⁹ Старина и новизна. Кн. 19. Пг., 1915. С. 102.

вид застоя, составила в действительности тот поворотный пункт в пашей истории, когда антирусские стремления вызвали отпор в пробудившемся сознании русского народа и убоялись встретиться лицом к лицу с народным стремлением, воспротивившимся их посягательствам»¹⁹⁰.

Единственным исключением из рассматриваемых коммеморативных текстов является очерк В.М. фон Брадке об участии наследника в Русско-турецкой войне. Автор подчеркивает, что именно в ту пору сложились его миротворческие убеждения: «...познав ужасы войны, царь-миротворец далек был от мысли использовать как преданную ему могучую русскую силу, так и свои воинские выдающиеся дарования; Провидению угодно было ниспослать политике Александра III редкий успех, и его слишком временное царствование протекло для России без испытаний, сопряженных с войной»¹⁹¹. Автор убеждал читателей в том, что на войне Александру Александровичу были присущи решительность, храбрость, терпимость к людям и вера в русского солдата, а также военные дарования, не красноречивыми описаниями, а многочисленными фактами. В публикации приводятся подробные детали военных операций, свидетельствующие об умелом руководстве цесаревича войсками¹⁹².

Приступая к изданию сборника, ОРРИП назвало целью этого начинания «изучение как недавнего прошлого – жизни и царствования императора Александра III, – так и более далекой отечественной старины»¹⁹³. Однако по итогам рассмотрения всех 37 материалов можно сделать вывод, что сборник выступал в роли носителя и распространителя памяти об Александре III, но не в качестве организатора исторических научных исследований эпохи его царствования. Публиковавшиеся материалы в основном транслировали эмоции и чувства, но были лишены исторического взгляда на описываемые события. В этом смысле примечательно намерение историка С.С. Татищева, также члена ОРРИП, написать биографию Александра III. Ему удалось подготовить первый

¹⁹⁰ Старина и новизна. Кн. 12. М., 1907. С. 349.

¹⁹¹ Старина и новизна. Кн. 15. СПб., 1911. С. 231.

¹⁹² Там же. С. 224.

¹⁹³ Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897. С. VI.

том, охватывающий детство и юность Александра, однако обстоятельства не способствовали продолжению работы, и вскоре автор скончался. Его труд увидел свет лишь через столетие¹⁹⁴.

Вместе с тем совершенно очевидно и то, что коммеморативная функция сборника была выполнена сполна. Другое дело, что не представляется возможным определить, стал ли такой отход от провозглашенной в первой книге задачи преднамеренным или случайным, получившимся непроизвольно, просто в силу характера поступавших в сборник материалов, которые и задали коррекцию первоначальной задачи: вместо изучения недавнего прошлого – его коммеморация. Обращает на себя внимание и характер осуществлявшейся сборником коммеморации: добродетели и высокие морально-нравственные качества Александра III представлялись как свойства частного человека. Судя по всему, такой акцент был сделан для того, чтобы дистанцировать коммеморативные практики сборника от стремительно менявшейся (особенно после реформ 1905–1906 гг.) политической конъюнктуры. Подобное решение неизбежно вело к уменьшению потенциальной аудитории, на которую был рассчитан пропагандистский эффект издания. В результате память об Александре III утрачивала свою живую связь с настоящим временем и становилась памятью музеефицированной. Обществу и издававшемуся им сборнику «Старина и новизна» становилось все сложнее управлять коммуникативной памятью для удержания в обозначенных ими границах памяти коллективной.

2.4 Создание биографии Александра III и стихотворного сборника его памяти

В начале 1899 г. С.Д. Шереметев оказался в центре истории, связанной с организацией работы по написанию биографии Александра III. Эта история

¹⁹⁴ *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича. В 2 кн. / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой; вступ. ст. Н.А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: сборник документов. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова; «Российский Архив»; Российский государственный исторический архив, 2002. С. 5–442.

получила скандальное развитие вследствие того, что в качестве авторов такой биографии рассматривались двое историков – С.С. Татищев, который на тот момент являлся агентом Министерства финансов в Лондоне, и В.Н. Лясковский, бывший к началу этой «биографической» истории уездным предводителем дворянства в Орловской губернии. Имеется статья И.Е. Дронова о замысле Лясковского, который так и остался нереализованным¹⁹⁵. Однако и второй проект – Татищева – также был завершен, да и то неполностью, лишь спустя несколько лет. Произошло это во многом из-за того, что С.Д. Шереметев занял четкую позицию, чью инициативу следует поддержать, и использовал свою близость к императору, чтобы провести свое решение. Прежде история обоих проектов биографии не рассматривалась одновременно – именно в рамках мемориализационной деятельности ОРРИП.

Следует отметить, что Лясковский к тому времени уже несколько лет работал над книгой о покойном императоре. Ее машинописная рукопись хранится в личном фонде Шереметевых в РГАДА. Представление об этой рукописи дает ее содержание.

Ее первая часть была посвящена периоду жизни вел. кн. Александра Александровича с рождения и до смерти его старшего брата Николая и, соответственно, превращения второго сына императора в наследника цесаревича. В этой части уделялось внимание не только родителям («Родители. Император Александр Николаевич: итоги его воспитания. Императрица Мария Александровна: государственное значение ее личности»), но и Николаю I и Александре Федоровне («Дед и бабка в последние годы их жизни»). Обращалось внимание на старшего брата Николая и на воспитание маленького Александра при жизни его деда. Отдельно обозначались перемены в воспитании после 1855 г., связанные прежде всего в «отделении от брата», который из просто из старшего сына Александра Николаевича стал цесаревичем после восшествия на престол его отца. Скупо, но характерно, с явным прицелом на поворот во

¹⁹⁵Дронов И.Е. В.Н. Лясковский и его книга об императоре Александре III // Русско-Византийский вестник. 2021 № 1 (4). С. 102–124.

внутренней политике России в 1881 г. излагалось содержание той части работы, в которой описывалось десятилетие с 1855 по 1865 гг.: «Юность. Настроение общества в первую половину царствования Императора Александра II. Выработка характера в отпор условиям времени. Внешний облик. Привычки. Склад способностей. Сдержанность. Народность. Вера. Нравственная чистота».

Вторая часть рукописи также была привязана к понятно выделенному периоду 1865–1881 гг. Начиналась она с печального события – смерти цесаревича Николая. Обращает на себя внимание то, что сразу после описания этого поворотного момента в жизни будущего императора меняется содержание излагаемого материала: оно уже явно не просто о великом князе, а о наследнике и будущем державном правителе: «Отношение к долгу престолонаследия. Новые обязанности. Поездка по России. Военная служба. Продолжение образования. Отношение к государственным и общественным делам при отце и участие в них. Покушение 4 апреля 1866 года». Много внимания в этой части уделяется и созданию собственной семьи цесаревича. Говорится о женитьбе на Марии Федоровне, бывшей датской принцессе Дагмаре, о рождении у них детей, о складывании семейного быта, в том числе о жизни в Аничковом дворце, который останется их резиденцией и после 1881 г.

Видимо, в пику ходившим в обществе слухам о том, что, мол, император Александр III был малообразованным, так как не получил подготовки, полагавшейся наследнику цесаревичу, а в 20-летнем возрасте, после смерти старшего брата, нагонять упущенное было уже не с руки, Лясковский выделял специальный раздел этой части: «Самообразование. Исторические и художественные занятия. Отношение к искусству». Также с явным прицелом на будущее описывались и последние годы царствования Александра II. Уделялось внимание участию наследника в войне с Османской империей и командованию Рущукским отрядом. И с явным желанием четко отграничить эпоху отца от правления самого Александра III события 1880 – начала 1881 гг. описывались следующим образом: «Последние годы жизни императора Александра II. Кончина императрицы. Второй брак государя. 1 марта 1881 года».

Третья часть рукописи рассказывала об Александре III как уже императоре. Подчеркивался его политический разрыв с эпохой «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова: «Неопределенность общественного настроения России в 1881 г. Первые выражения взглядов и намерений Государя. Совещание 8 марта и манифест 29 апреля». Дальнейшее изложение материала касалось основных направлений внутренней и внешней политики 1881–1894 гг. Уже даже из конспективного перечисления пунктов содержания видна основательность замысла Лясковского: «Задачи внутренней политики Александра III и их осуществление. Государственное устройство и управление. Церковь. Церковная школа. Народное образование. Крестьянское дело. Поместное образование. Земство. Суд. Финансы. Лесной закон. Войско. Флот». Особое внимание уделялось политике, проводившейся на окраинах империи: «Особенность русских завоеваний. Сибирь. Туркестан. Кавказ Казначейство. Малороссия. Польша. Прибалтийский край и Финляндия». Само собой разумеется, исключительное значение придавалось повороту во внешней политике и сближению России с Францией: «Старая русская политика и ее постепенное изменение. Дело Александра III. Твердость и миролюбие государя. Князь Бисмарк. Сближение с Францией. Отношения к другим государствам».

В соответствии с уже сложившейся к концу XIX в. традицией «очеловечивания» Александра III (во многом на контрасте к его отцу и деду), выставления его носителем исключительных морально-этических качеств описывалась частная жизнь императора, его личностные особенности. Выделялось его героическое самообладание во время катастрофы царского поезда 17 октября 1888 г. Конечно, подчеркивалась – опять-таки с явно недоброжелательным намеком на совершенно противоположное поведение отца – крепкая семейная жизнь императора, указывалось на его отношение к окружающим (которое также отличалось от привычек Александра II). Последний раздел этой части рассказывал о болезни и кончине царя.

Рукопись завершал авторский эпилог, включавший себя три пункта: «Отношение автора к предыдущему изложению. Значение царствования Александра III. Основные черты и смысл его деятельности»¹⁹⁶.

По своему замыслу проект Татищева выглядел гораздо скромнее: предполагалось охватить лишь время с рождения будущего императора и до его вступления в статус наследника цесаревича. Правда, эти первые 20 лет его жизни были расписаны автором достаточно подробно: план рукописи поучался внушительным¹⁹⁷.

«Биографическая» история началась в самом начале 1899 г. 7 января С.Д. Шереметев написал Николаю II письмо. Вместе с письмом он отправил императору проект биографии, подготовленный Татищевым. В письме он так откомментировал этот проект: «Программа эта является предварительной и примерной и при самом составлении очерка может подвергнуться некоторым изменениям; во всяком случае, мы заручились обещанием Татищева присылать нам на просмотр и одобрение каждую главу по мере окончания. Смею думать, что такой очерк не будет преждевременным, ибо он, заключая в себе лишь обзор внешних деяний, нисколько не послужит во вред дальнейшей разработке царствования»¹⁹⁸.

Однако уже в конце января 1899 г. на аудиенции у императора случилась ситуация, которая предопределила расстановку симпатий Николая II (а значит, и Шереметева) между Татищевым и Лясковским. На аудиенции царь заговорил об обоих. При этом о Татищеве высказался мало, а о Лясковском больше («похвалил его талант»). Дело в том, что император встречался с Лясковским и знал о его намерении написать книгу об Александре III, а вот Татищева упомянул как «личность сомнительную, неприятную покойному государю». Стремясь

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5300. Л. 4–5.

¹⁹⁷ Труд С.С. Татищева был издан в 2002 г.: *Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича*. В 2 кн. / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой; вступ. ст. Н.А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 5–442.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5045. Л. 24 об.

поддержать императора в его оценках, Шереметев напомнил ему историю с приездом Татищева в Руцукский отряд во время войны с Турцией¹⁹⁹. Эту историю спустя несколько лет, уже после смерти Татищева, изложил в его биографии Ю.С. Карцов. Он указал, что за Татищевым закрепилась «репутация знатока французского языка, ему было поручено от имени наследника написать письмо князю Карлу Румынскому. Когда блестящим слогом этого послания стали восторгаться приближенные, Татищев, присутствовавший при разговоре, похвалился своей работой, и этим “шансы придворной карьеры, какие у него были, погубил навсегда”»²⁰⁰. Дальнейшая беседа задела графа: Николай II поинтересовался у Шереметева, где Татищев собирается публиковать работу об Александре III, не в словаре ли Русского исторического общества? На это граф моментально отреагировал, уточнив, что это проект для ОРРИП. После этих слов император заметил рассеянно: «Конечно – это все равно». Шереметев был очень неприятно задет такой невнимательностью. Из-за этого после аудиенции он находился под «впечатлением странным, неопределенным»²⁰¹.

Через полторы недели, на следующей аудиенции Николай II неожиданно для Шереметева похвалил Татищева и поинтересовался, не отправился ли он в Лондон – к месту своей службы по Министерству финансов. Не забыл император спросить графа и о Лясковском, на что Шереметев ответил, что передаст царю текст последнего²⁰².

Еще через полторы недели, 19 февраля 1899 г. Шереметев на аудиенции передал императору текст Лясковского. Николай II поинтересовался мнением графа об этом произведении. Шереметев ответил, что у Лясковского «написано тепло и искренно», однако «трудно писать вообще на эту тему – и притом не зная покойного государя». А Ляковский никогда не встречался с Александром III, он «жил в деревне и не служил», но вместе с тем он «человек с воодушевлением и

¹⁹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰⁰ Карцов Ю.С. Сергей Спиридонович Татищев. Пг., 1916. С. 18. Цит. по: Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 8–9.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5045. Л. 19.

²⁰² Там же. Л. 27.

пламенно желает выполнить задачу». С Лясковского разговор переключился на Татищева, и император, точно не было никакого разговора три недели назад поинтересовался у графа: «Скажите, до вас дошло, что поручение Татищеву возбуждает неудовольствие и порицание? Мне говорили, что это личность, которая была особенно неприятна моему отцу». В данном случае царь имел в виду, что факт авторства Татищева будущей книги об Александре III стал известен и вызывает негативное отношение. Граф в ответ поинтересовался у Николая II, откуда у него эти сведения, не городские ли это слухи. Император ответил Шереметеву «с запинкой»: «Да – и выше». Из такого ответа граф понял, что царь имеет в виду вдовствующую императрицу. Со своей стороны, Николай II, видимо, догадался, что Шереметев угадал источник неудовольствия, и поинтересовался у собеседника: «Вы об этом ничего не говорили матушке?» Граф ответил отрицательно, и император прямо спросил его, знает ли он, в чем обвиняют Татищева. Шереметев ответил неопределенно, и тогда Николай II сам рассказал, что Татищев во время войны с Турцией «продал шифр» министру иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши, за что «был наказан исключением из службы», а также, по-видимому, «лишением придворного звания», но вместе с тем «он все же талантлив». (Татищев действительно проиграл в венском казино крупную сумму, и за него ее внесло некое неизвестное лицо. Так возникло предположение, что этим лицом и был Андраши. Эта история так и осталась непроясненной, однако же Татищев все же был уволен со службы.)

Шереметев, в свою очередь, отметил, что далек от признания Татищева «безукоризненным», однако данное обстоятельство не должно настораживать против Татищева, так как он в процессе выполнении заказа на книгу «стеснен» и «ничего не может пройти без согласия». Николай II ответил на это: «Конечно – и я сам буду следить, что касается до несочувствия данному поручению, я этого не разделяю и думаю, что он напишет хорошо. Ведь он только будет касаться внешней стороны?» Шереметев подтвердил царю, что тот абсолютно прав и Татищев не станет поднимать какие-то кулуарные вопросы. Император –

видимо, вспоминая подробности своего общения с Татищевым, – сказал, что Татищев был у него на аудиенции и, получив высочайшее согласие на написание книги, заплакал. Николай II заметил по этому поводу: «Бывают так называемые крокодиловы слезы». И тут же добавил: «Но не всегда же комедия – я думаю, что слезы были искренни»²⁰³.

История продолжилась через год. На аудиенции 15 февраля 1900 г. император поинтересовался мнением Шереметева о присланной Татищевым главе из его книги. Граф ответил, что глава «вполне осторожно написана», поэтому ее можно опубликовать, но вместе с тем попросил Николая II все же прочитать ее предварительно. На это царь ответил Шереметеву: если тот ничего не находит в ней «неудобного», такой характеристики будет вполне достаточно²⁰⁴. Через полторы недели, 26 февраля 1900 г., в очередную годовщину со дня рождения Александра III, на торжественном заседании ОРРИП эта глава («Воцарение императора Александра III. Март–август 1881 года») была прочитана²⁰⁵.

Еще через год с лишним, 19 апреля 1901 г., Шереметев пожаловался Николаю II на Татищева, то тот так и не предоставил обещанную им главу о Руцукском отряде, причем «без всяких разъяснений». (Дело в том, что Татищев, работая над своей книгой, попросил графа посодействовать ему в получении архивных материалов о Руцукском отряде²⁰⁶. Что было потом – неизвестно, переписка графа и биографа прерывается. Они снова стали сотрудничать только в 1903 г., когда Шереметев был назначен редактором сочинения Татищева.) Император на это заметил, что данная глава «особенно неудобна» из-за того, что произошло с Татищевым на турецкой войне. Более того, царь сказал, что Татищев «не вполне надежен», и рассказал следующую историю. Вскоре после кончины в 1900 г. воспитателя и учителя английского языка детей Александра III К.О. Хиса, англичанина по происхождению, в Лондоне на банкете по случаю

²⁰³ Там же. Л. 35–36.

²⁰⁴ Там же. Д. 5046. Л. 34–35.

²⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 341. К. 5. Д. 16. Л. 11.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1681. Л. 21–21 об.

выздоровления Николая II от тифа в начале декабря 1900 г. Татищев, как оказывается, позволил себе «неуместную речь» – «пустился в подробности о царской семье, совершенно неуместные». Граф на это ответил, что Татищев «талантлив, но ненадежен»²⁰⁷.

История с работой Татищева растянулась на годы, в течение которых в нему сохранялось настороженное отношение Николая II и Шереметева. Так, 15 января 1904 г. на аудиенции у императора граф испрашивал разрешение представить на высочайшее рассмотрение план труда Татищева и устроить на ежегодном заседании в день рождения Александра III чтение выдержки из него, подчеркивая, что текст производит благоприятное впечатление. Вместе с тем он тут же оговаривался, что заведующий Библиотекой Зимнего дворца В.В. Щеглов абсолютно «прав в своей осторожности относительно Татищева»²⁰⁸.

Видимо, царь выполнил просьбу графа, разрешил ему прислать программу сочинения Татищева, и уже на следующий после аудиенции день Шереметев написал Николаю II письмо: «Согласно повелению, счастье имею представить программу труда Татищева. Особенно дорога была бы возможность прочесть на годичном торжественном заседании Общества ревнителей сего 26 февраля выдержки из первой главы жизнеописания, к нему приложенного»²⁰⁹. Однако вопрос о разрешении прочитать 26 февраля оставался открытым. Император по каким-то соображениям не торопился с ответом. Поэтому за несколько дней до торжественного собрания ОРРИП, на аудиенции 16 февраля, Шереметев снова спросил Николая II о том же самом: можно ли будет прочитать первую главу сочинения? Император сначала ответил, что не успел с ней ознакомиться, но потом разрешил, коротко заметив: «Доверяю вам». И уточнил, что прочитать следует «что возможно». По замечанию Шереметева, царь слушал его «полувнимательно»²¹⁰. Однако в данном случае это вряд ли было из-за

²⁰⁷ Там же. Д. 5047. Л. 63.

²⁰⁸ Там же. Д. 4059. Л. 8.

²⁰⁹ Там же. Л. 8 об.

²¹⁰ Там же. Д. 5049. Л. 26.

небрежения к ОРРИП и Шереметеву, скорее такая рассеянность императора объяснялась вестями с Дальнего Востока, где разгоралась война с Японией.

Татищева снова вспомнили на аудиенции Шереметева в начале декабря 1904 г. Когда граф заговорил об историке, он заметил у царя «какую-то отчужденность от разговора, его мало интересующего» (скорее всего, снова из-за неблагоприятно складывавшейся военной кампании). Николай II сказал графу, что успел ознакомиться только с первой и второй главами. На это Шереметев отреагировал целой речью: он говорил о допущенных в рукописи ошибках, сетовал на «неправильное освещение» в тексте Татищева императрицы Марии Александровны, о некоем «инциденте», который произошел с письмами ей от Александра II. В итоге царь поручил Шереметеву, чтобы тот передал Татищеву: «О напечатании его рукописи не может быть речи». Далее в ходе разговора царя и графа обнаружился подлог, совершенный Татищевым. Граф заметил, что царский экземпляр рукописи «вдвое толще»; правда, это могло быть и из-за приложений, отсутствовавших в экземпляре Шереметева. «Но в таком случае – резонно замечал граф – может быть разница и в тексте». Поэтому, завершил он, «нужна осторожность особенно теперь, когда ежедневно в газетах читаешь невозможное»²¹¹.

В фонде С.Д. Шереметева в РГАДА хранится интересный документ, который датирован весной 1908 г. и посвящен как раз истории создания книг об Александре III обоими авторами – Лясковским и Татищевым. Это записка самого графа, который ретроспективно подытоживал для себя издательскую историю и сопровождавшие ее сложности, связанные с Татищевым. Во-первых, события рубежа веков уже виделись на существенной дистанции, от них отделял такой важнейший исторический рубеж, как политический кризис 1905–1906 гг., и поэтому многое оценивалось иначе, чем в 1899 г. и даже чем в 1904 г. Во-вторых, главный возбудитель проблем – «ненадежный» Татищев – к тому времени уже ушел из жизни. И в этом смысле Шереметева уже не сковывали какие-то нюансы,

²¹¹ Там же. Л. 133.

о которых следовало бы умалчивать при жизни этого автора. Наконец, в-третьих, в год, когда граф составлял эту записку, Лясковский закончил свою книгу об Александре III. Шереметев сообщал об этом в записке, писал, что рукопись уже передана императору, от которого и будет зависеть, выйдет ли книга или нет.

Начав записку с этого замечания, Шереметев быстро перешел к другому труду, который, как тогда виделось, никогда не будет издан и тем более завершен. По признанию графа, Татищев был «более сложным человеком», нежели Лясковский. Шереметев допускал, что, может, это было и к лучшему. Граф приводил важную фразу: «Непонятен был этот выбор, возбудивший негодование императрицы Марии Федоровны». То есть намеки в разговоре Николая II и Шереметева несколько лет назад оказались верными, и граф писал об этом совершенно прямо. «При всем даровании своем Татищев не был человеком вполне корректным», – замечал он. Да и «печатать этот труд представляется невозможным ради многих неточностей и разных indiscretions (неосторожностей, *англ. – Ю.Ц.*), к тому же при известном пристрастии автора, не желавшего вопрошать тех лиц, которые могли бы дать ему лучшие показания». Таким человеком Шереметев называл генерал-адъютанта О.Б. Рихтера и подчеркивал, что с ним не было сказано «почти ни слова». Более того, привлечение Татищева к написанию книг об Александре III было истолковано Марией Федоровной «превратно». Шереметев так описывал претензии к нему вдовствующей императрицы: «Она сердилась, полагая, что в выборе я принимал участие, и меня в этом упрекала, говоря: разве вы не знаете, какого о нем мнения был государь?»

Шереметев соглашался с тем, что выбор Татищева в качестве автора книги о покойном императоре «не был вполне удачным». Граф признавал, что несостоявшийся автор «человек был способный, и пером владел хорошо, и сноровку имел». Однако он «задался своим особым взглядом, и все что не подходило под его взгляд, то все он отметал, хотя бы факты говорили противное». Например, он ни в какую не хотел собрать сведения, касающиеся Александра III, у Рихтера. А библиотекарь Зимнего дворца Щеглов, по словам

Шереметева, вообще говорил, что «Татищев отличался значительной некорректностью и списывал документы, до которых касаться не имел права, как пример – интимную переписку цесаревича Александра Николаевича и цесаревны Марии Александровны в первые годы после их брака». По признанию Шереметева, он на себе испытал «заносчивость Татищева, в начале чрезвычайно вкрадчивого», однако затем, при министерстве В.К. Плеве, радикально изменившего поведение в отношении ОРРИП. Поэтому Шереметеву «пришлось осадить его и поставить на место».

Поэтому, заключал граф, решение императора, «воспротивившегося печатанию татищевского труда», было справедливым, а сама рукопись этого автора помещена в архив ОРРИП, она представляет собой «материал для будущего», по сути своей – «материал довольно односторонний». Что же касается Лясковского то, как считал Шереметев, он «коснулся той же темы, но совершенно иначе, поверхностнее, легче, и доступнее, и желательнее», и такой подход «весьма соответствует цели оглашения подобного труда, цель которого – лишь бросить луч света [на] ушедший в тень облик мудрого царя»²¹².

В истории ОРРИП был еще один опыт – на этот раз успешный – издания книги памяти Александра III. Это был сборник стихотворений, посвященных императору и собранных по одной обложкой членом общества В.М. Бузни²¹³. Сведений о Вере Михайловне Бузни не так много. Она родилась в семье бессарабского помещика в 1875 г., состояла в Обществе любителей древней письменности²¹⁴. В данном случае она выступила не как автор, а именно как составительница. Сам сборник вышел в 1912 г., однако работа по его подготовке началась в 1907 г. И поначалу сборник планировался в совершенно ином виде.

В начале 1907 г. на заседании Совета ОРРИП было оглашено письмо В.М. Бузни, в котором она предлагала обществу издать подготовленный ею сборник, в котором были бы собраны стихотворения разных авторов, посвятивших свои

²¹² Там же. Д. 4144. Л. 1–2.

²¹³ Бузни В.М. Император Александр III в русской поэзии: сборник стихотворений. СПб., 1912.

²¹⁴ Барынина О.А. Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 г.). СПб., 2010. С. 252–253.

произведения героическим страницам истории России, и связать такую книгу с прославлением памяти Александра III. В письме особо оговаривалось, что в случае принятия предложения об издании такой книги в нее не вносились бы никакие изменения без согласия с составительницей, а также чтобы «ей было предоставлено поднести экземпляры этого издания императору и императрице Марии Федоровне».

Совет поручил своему члену – бывшему начальнику Главного управления по делам печати МВД Н.А. Звереву (в данном случае – как недавнему главному профессионалу империи в области издательской политики) – изучить это предложение, оценить сборник и в случае его положительной экспертизы дать свое мнение о компоновке входящих в него материалов и о возможном исключении каких-то из них «ввиду ли незначительности их содержания или же недостаточного соответствия с основной задачей такого патриотического сборника»²¹⁵. Примерно через месяц экспертное заключение Зверева было готово, но оно было критическим. Зверев указывал, что, ознакомившись с предложением В.М. Бузни, «затрудняется дать благоприятный о нем отзыв». Довод выдвигался следующий: «Сборник этот заключает в себе собрание од царствовавшим особам и по поводу побед, одержанных русскими войсками, начиная лишь с од Державина. Но даже и в тех рамках относительно времени, которые составительница поставила себе, сборник заключает в себе крупные пробелы, и, если его пополнить, то объем его пришлось бы утроить». В качестве недоработок составительницы указывалось, что в подборке нет ни одного стихотворения А.К. Толстого или Н.А. Некрасова. Поэтому «печатать такой сборник было бы бесполезно, ибо он не найдет читателей»²¹⁶.

От бывшего начальника Главного управления по делам печати МВД странно было слышать указание на отсутствие стихов этих авторов, поскольку содержание и тональность их произведений, которые так ли иначе можно было бы связать с державной властью, явно не укладывались в общий панегирический

²¹⁵ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 29. Л. 279.

²¹⁶ Там же. Л. 281 об.

настрой сборника Бузни. Если соединять героическое прошлое с державными правителями России – а именно к этому сводилась инициатива Бузни, – то строчки Толстого об Александре I «Сенат! Почто меня трактуешь как янтарь?» и даже эпические произведения о более давних правителях России, не стыковывались с идеологией сборника. Тем более в таком сборнике невозможно было себе представить стихи Некрасова.

Приняв мнение Зверева, Совет ОРРИП постановил выразить Бузни благодарность за ее предложение, но вместе с тем сообщить ей, что на данный момент ОРРИП «не располагает денежными средствами для его напечатания и не может определить, когда такие средства будут в его распоряжении». Но самым важным – в видах издания сборника, который все же вышел в 1912 г., – стало поручения Совета ОРРИП Звереву, чтобы он довел до сведения Бузни фактически рекомендацию подготовить «сборник стихотворений об императоре Александре III», так как «такой сборник ближе соответствовал бы целям и задаче общества»²¹⁷. И спустя пять лет книга была издана.

²¹⁷ Там же. Л. 281–281 об.

Глава 3 Структурные подразделения ОРРИП в коммеморативных практиках общества

3.1 Библиотеки ОРРИП: история создания и основные направления деятельности

Инициатором создания «народных библиотек» в рамках ОРРИП стал член Совета общества и на тот момент главноуправляющий Канцелярией его императорского величества по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, Д.С. Сипягин. (Впоследствии, после трагической гибели Сипягина – уже министра внутренних дел, его роль в деле создания «народных библиотек» под эгидой ОРРИП была отмечена особым образом. В этих библиотеках вывешивались портреты Сипягина с подписью, в которой указывалось, что именно по его «почину» ОРРИП стало организовывать «народные библиотеки-читальни»²¹⁸. А председатель ОРРИП граф С.Д. Шереметев в своей речи памяти Сипягина, произнесенной на заседании Совета общества спустя несколько дней после его смерти, подчеркивал, что сама «мысль о народных читальнях и библиотеках» ОРРИП «принадлежит всецело» покойному²¹⁹.) Соответствующее предложение он сделал на заседании Совета общества 7 января 1897 г. Сипягин указал на необходимость распространения «на местах» взглядов ОРРИП «посредством» создания бесплатных «народных библиотек», подчеркнув при этом, что укомплектование их фондов должно осуществляться под контролем Совета ОРРИП, а руководство библиотеками необходимо поручать только лишь членам общества, под их личную ответственность. Главноуправляющий Канцелярией прошений предложил разработать и финансовую составляющую своего предложения с ее последующим обсуждением на Совете ОРРИП. Собравшиеся поддержали это новое начинание в деятельности общества²²⁰.

²¹⁸ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 5. Л. 48; Д. 6. Л. 18.

²¹⁹ Речь председателя общества, произнесенная в заседании Совета 21 апреля 1902 г., в двадцатый день по кончине Дмитрия Сергеевича Сипягина // Издание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Вып. VI. СПб., 1902. С. 2.

²²⁰ Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1896/1897 год. СПб., 1897. С. 16.

Судя по всему, руководство ОРРИП сразу же оценило ту колоссальную пользу для распространения идейных установок общества, какую способны принести свои собственные библиотеки, и в этом направлении стала вестись активная работа. Были разработаны документация «народных библиотек», предполагавшийся для них каталог книг и необходимые расходные сметы. И уже спустя три месяца после январского выступления Сипягина, 6 апреля 1897 г., Совет ОРРИП утвердил все эти подготовленные материалы с небольшими уточнениями. Помимо дополнения обязательного каталога, было предложено усилить контроль над его содержанием, вплоть до «каждой книги», рекомендовавшейся для «народных библиотек», а также проработать процедуру открытия библиотек²²¹. Указанные рекомендации были выполнены, предварительно наметился и круг членов ОРРИП, которым предлагалось возглавить библиотеки²²².

Руководство общества сразу же четко сформулировало основополагающие принципы деятельности «народных библиотек».

Во-первых, пользование библиотеками должно было стать бесплатным²²³.

Во-вторых, укомплектовывать библиотеки разрешалось только теми изданиями, которые были утверждены для этого Советом ОРРИП и включены в общий каталог. Любое новое издание перед включением в этот каталог подлежало одобрению либо Советом ОРРИП, либо его местными отделами.

В-третьих, заведующий библиотекой из числа членов общества, который утверждался в этой должности Советом ОРРИП, нес полную ответственность за деятельность подконтрольного ему учреждения. В случае, когда заведующему библиотекой требовалось на какое-то время отлучиться со своего рабочего места, ему следовало найти себе замену – также члена ОРРИП – и утвердить такое временное замещение в Совете общества²²⁴. Заведующему библиотекой,

²²¹ Там же. С. 23–24.

²²² Там же. С. 29.

²²³ Народные библиотеки Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1899. С. 29.

²²⁴ Там же. С. 5–6.

помимо сугубо административных функций, вменялось в обязанность гарантировать надлежащий порядок в своем учреждении, в частности, следить за тем, чтобы библиотека не использовалась не по назначению – например, для собраний, не связанных с чтением находящейся в ней литературы²²⁵.

Содержание библиотеки могло осуществляться тремя возможными способами. Во-первых, за счет самого заведующего библиотекой. Во-вторых, совместными усилиями ОРРИП и члена общества, взявшего на себя управление библиотекой. В-третьих, полностью на деньги ОРРИП, которые складывались в том числе и из частных пожертвований на библиотечное дело общества²²⁶.

Летом 1897 г. Совет ОРРИП предложил всем членам общества возглавить создававшиеся «народные библиотеки»²²⁷. 23 ноября 1897 г. на заседании Исполнительного отделения общества – структурного подразделения организации, в сферу компетенции которого как раз входило «учреждение книгохранилищ и читален, а также снабжение существующих книгохранилищ, читален, учебных заведений и народных школ как своими, так и другими изданиями, признанными обществом отвечающими его целям»²²⁸, – было заявлено о получении 39 заявлений от членов ОРРИП, пожелавших заняться библиотечным делом²²⁹. Эти заявления были разделены на три группы в соответствии с определенными ранее вариантами содержания библиотек.

В первую группу вошли те, кто был готов взять на себя полностью все расходы. Среди них оказались видные представители аристократии. Например, жена Сипягина Александра Павловна (библиотеку предполагалось открыть в имени ее мужа – усадьбе Клусово, располагавшейся в Волоколамском уезде Московской губернии). В устройство библиотек активно включилось семейство Шереметева. Сам Сергей Дмитриевич выразил готовность возглавить

²²⁵ Там же. С. 10.

²²⁶ Там же. С. 7–8.

²²⁷ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 70. Л. 31.

²²⁸ Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. 26 февраля 1900. № 1. С. 25.

²²⁹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 70. Л. 31.

библиотеку в своем подмосковном имении Плесково. В располагавшейся неподалеку другой фамильной усадьбе Михайловское организовать библиотеку взялась его жена Екатерина Павловна. В еще одной шереметевской усадьбе, соседней с Плесково и Михайловским, – Вороново – хотел создать библиотеку их сын Борис. Из других известных лиц, намеревавшихся полностью содержать «народные библиотеки», можно назвать чету Мещерских. Глава семейства, Николай Петрович, являлся попечителем Московского учебного округа в бытность Д.А. Толстого министром народного просвещения. Библиотеку предполагалось открыть в имении Дугино на Смоленщине, принадлежавшем его жене Марии Александровне.

Вторая группа была представлена теми, кто рассчитывал разделить с обществом расходы на библиотеки. Из известных фигур в эту группу вошли будущий предпоследний премьер-министр Российской империи, а в рассматриваемое время сотрудник Государственной канцелярии А.Ф. Трепов. Он планировал организовать библиотеку в своем полтавском имении в местечке Борисполь. Публицист и литератор, впоследствии хозяин политического салона консервативной направленности К.Ф. Головин заявил о готовности открыть две библиотеки в селах Старицкого уезда Тверской губернии, где он в 1870-х – начале 1880-х гг. был гласным уездного земского собрания²³⁰.

Представители третьей группы планировали быть только управляющими библиотек, обеспечивавшихся на средства общества. Причем такой выбор этих членов ОРРИП вовсе не свидетельствовал об их скромном материальном положении. Его сделали, например, заведующий хозяйством Императорской охоты Н.И. Кутепов, саратовский губернатор Б.Б. Мещерский, тульский помещик и земский начальник А.И. Мосолов, полтавский помещик и уездный предводитель дворянства А.В. Гудович, сын и совладелец крупного серпуховского промышленника Д.М. Хутарева – А.Д. Хутарев. Этим же путем пошел и В.К. Лилиенфельд, пожелавший открыть несколько библиотек в

²³⁰ Куликова С.Г. Консерваторы и земство: планы и результаты деятельности 1864–1914 гг. М., 2019. С. 87.

Саранском уезде Пензенской губернии, где у его жены были крупные земельные владения²³¹. Тверской земец П.М. Казначеев также решил учредить сеть библиотек в своем имении в Бежецком уезде – и уже в 1897 г. там было 7 читален²³².

Члены Исполнительного отделения подошли к рассмотрению заявлений внимательно. Хотя большинство из них было одобрено, некоторые инициативы вызвали вопросы, и по их составителям была запрошена дополнительная информация. Так, в частности, было решено выяснить мнение о возможности открытия библиотек по обращению Казначеева у отдела ОРРИП в Бежецке. Что же касалось предложений Хутарева, Лиlienфельда и некоторых других лиц, то соответствующие решения было постановлено «отложить до собрания некоторых дополнительных по ним сведений». А по одному из заявлений было принято отрицательное решение. В нем высказывалось намерение устроить библиотеку ОРРИП в другом аналогичном учреждении – в «народной читальне Общества трезвости». По этом поводу было указано, что библиотеки ОРРИП должны укомплектовываться только лишь из литературы, одобренной Советом общества. А «при нахождении библиотеки общества в одном помещении с библиотекой иного типа» соблюдение данного правила окажется невозможным²³³.

Совершенно очевидно, что указанные сомнения имели под собой исключительно идеологические основания. Казначееву удавалось совмещать охранительные взгляды с давним и устойчивым интересом к оккультно-мистическим учениям²³⁴, что, похоже, не являлось секретом для его коллег по ОРРИП. Промышленники Хутаревы, в прошлом крестьяне, видимо, вызывали к себе настороженное отношение со стороны аристократического состава

²³¹ *Воронцов А.Р.* Владимир Карлович Лиlienфельд (Hugo Reinhold Woldemar Lilienfeldt): на службе отечеству и обществу // Краеведческие записки. 2016. № 23. С. 61.

²³² *Куликова С.Г.* Указ. соч. С. 176; РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 70. Л. 33 об.–38 об.

²³³ Там же. Л. 38 об.–40.

²³⁴ Дневник Петра Казначеева // [Электронный ресурс]: <https://teurgia.org/martinizm/martinizm-v-rossii/944-dnevnik-petra-kaznacheeva-martinistskie-arkhivy> (дата обращения: 16.01.2023).

Исполнительного отделения. Представитель же известного остзейского рода Лилиенфельд принял православие только в 34 года, после женитьбы²³⁵, что также могло вызывать неуверенность по поводу его абсолютной лояльности политическим ценностям общества. Щепетильных членов Исполнительного отделения не устраивал и книжный каталог библиотеки, функционировавшей даже в рамках абсолютно провластного трезвенного движения.

Предельная осторожность ключевых фигур общества, их опасения не только запятнать себя сотрудничеством с теми, в чьей идеологической правильности не было достаточной уверенности, но и оказаться пропагандистами произведений, не получивших еще официального одобрения, сказались и в истории, произошедшей на том же заседании, на котором рассматривались заявления об открытии «народных библиотек». Был поднят вопрос о включении в каталог создававшихся библиотек сборника «Ручеек», составленного М. Нарским и предназначенного «для школ и народа», однако еще не получившего одобрения Министерства народного просвещения. В этом сборнике не содержалось ничего предосудительного или даже двусмысленного. Но несмотря на это было принято решение не нарушать установленные обществом правила о «народных библиотеках», в которых однозначно указывалось что их фонд должен формироваться «исключительно из книг и изданий, одобренных правительством к обращению в бесплатных народных читальнях», и просить Совет общества ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о включении «Ручейка» в перечень изданий, дозволенных «к обращению в народных читальнях»²³⁶. Соответствующее министерское решение по поводу «Ручейка» было в итоге получено спустя несколько месяцев, в конце марта 1898 г., о чем председательствующий в Исполнительном отделении А.С. Стишинский получил соответствующее уведомление²³⁷.

²³⁵ Воронцов А.Р. Указ. соч. С. 62.

²³⁶ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 70. Л. 40–41.

²³⁷ Там же. Л. 60.

Решения Исполнительного отделения, принятые 23 ноября, были рассмотрены на заседании Совета ОРРИП 30 ноября. Обращает на себя внимание тот факт, что Совет заметно сократил число лиц, которым на первых порах дозволялось заниматься организацией «народных библиотек»: разрешение получили только 10 лиц из первой группы – то есть «принявшие на себя все расходы»²³⁸. На следующей встрече членов Совета 7 декабря разрешения были даны уже некоторым из тех, кто был готов частично финансировать библиотеки и даже тем, кто целиком рассчитывал на вспомоществование в этом деле со стороны общества. Среди них были в том числе указанные выше Головин и Мосолов²³⁹. К весне 1898 г. разрешение было дано практически по всем 39 заявлениям, рассмотренным на заседании Исполнительного отделения 23 ноября минувшего года²⁴⁰.

По-видимому, такая очередность была вызвана сугубо материальными соображениями: общество начинало реализовывать свой план с создания именно тех «народных библиотек», на которые не надо было тратить. О том, что общество вынуждено экономить и очень избирательно подходить к финансированию «народных библиотек», наглядно свидетельствует хотя бы такой факт. В ОРРИП с одной и той же просьбой – выделить книги, как изданные самим обществом, так и предназначавшиеся для открывавшихся библиотек общества, – обратились трое духовных лиц. Протоиерей Алексей (Мальцев), настоятель посольской церкви в Берлине, по инициативе которого в германской столице было открыто православное благотворительное Свято-Князь-Владимирское братство, прямо намеревался устроить библиотеку ОРРИП при существовавшем под эгидой этого братства «Доме призрения и трудолюбия». Известный издатель адресованных простому народу религиозно-просветительских «Троицких листков» архимандрит Никон (Рождественский) предполагал снабдить этой литературой школу, которую он создавал в своем

²³⁸ Там же. Л. 47.

²³⁹ Там же. Л. 63 об.–65.

²⁴⁰ Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1897/1898 год. СПб., 1898. С. 18–21.

родном подмосковном селе Чашниково. Священник церкви на погосте Лобнево в Бежецком уезде о. Василий (Манфановский) просил прислать для местной церковноприходской школы издания, которые соответствовали позиции ОРРИП. Исполнительное отделение на своем заседании 29 марта 1898 г. согласилось удовлетворить просьбу архимандрита Никона, но вместе с тем отложило принятие аналогичных решений по ходатайствам о. Алексея и о. Василия до того момента, когда ОРРИП восполнит собственную потребность в литературе и сможет помогать лицам и учреждениям, не входящим в состав общества, но вместе с тем разделяющим его политические взгляды²⁴¹. По-видимому, отказать известному архиерею-издателю было сочтено неудобным – в отличие от обычных священников.

Следует отметить, что далеко не все ведущие фигуры ОРРИП оптимистично восприняли идею создания «народных библиотек». Так, глава московского отдела общества И.Ф. Тютчев, сын известного поэта, в своем письме к Шереметеву в декабре 1897 г. высказывал сомнения в перспективности этого начинания, во всяком случае, в Москве. «Это дело не представляет будущности здесь», – замечал он. По его словам, оно «потребует больших расходов для конкуренции с городскими частными библиотеками», поэтому «лучше было бы заняться устройством от общества библиотек при народных училищах, церковных и земских»²⁴².

Однако подобное мнение было если и не единственным, то точно нераспространенным. В ОРРИП с энтузиазмом взялись за налаживание библиотечного дела. И одним из самых обсуждаемых стал вопрос о том, какие книги вносить в каталог «народных библиотек». На том же мартовском заседании в 1898 г. Исполнительного отделения Шереметев, сославшись на мнения коллег по обществу, указал на лакуны, имеющиеся в составленном к тому времени каталоге, и заявил о необходимости подключения всех членов

²⁴¹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 70. Л. 69 об.–70 об.

²⁴² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1754. Л. 19 об.–20.

общества к его дополнению. Предложение графа было одобрено²⁴³. Проблема совершенствования каталога снова всплыла на заседании Исполнительного отделения 5 января 1899 г. Про каталог было замечено, что он «страдает значительными проблемами, и пополнение его книгами, отвечающими задачам общества, является настоятельной необходимостью». Задача виделась в том, чтобы в «народных библиотеках» была представлена актуальная литература по вопросам, которые интересовали их адресную аудиторию. Поэтому предлагалось заменить представленный в каталоге сборник статей «Сведения о Сибири», выпущенный два года назад аффилированным при «Правительственном вестнике» «Сельским вестником» и рассчитанный на интересующихся переселением за Урал, только что изданной Министерством внутренних дел более компактной, но при этом композиционно цельной брошюрой «Сибирское переселение в 1899 году» с броским подзаголовком «Что нужно знать каждому ходоку»²⁴⁴.

Естественно, главным критерием для включения того или иного издания в каталог была его идеологическая ориентация. Так, еще в конце 1898 г. Шереметев в письме к Стишинскому рекомендовал новый сборник «Русский воин», подготовленный популяризатором военной истории С.Е. Кедриним. Среди достоинств книги граф отмечал ее «значительный успех между солдатами», а также «истинно патриотический дух»²⁴⁵. Само собой разумеется, что в каталог ОРРИП не попал рассказ Л.Н. Толстого «Где любовь, там и Бог», не получивший одобрения Синода. А вот изданную В.П. Мещерским подборку под общим заголовком «Император Александр III» сочло нежелательным уже Министерство народного просвещения, поскольку она, представляющая собой собранные под одной обложкой газетные публикации, была далека от манеры изложения, доступной для аудитории «народных библиотек»²⁴⁶.

²⁴³ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 70. Л. 72–73.

²⁴⁴ Там же. Л. 92, 93.

²⁴⁵ Там же. Л. 87.

²⁴⁶ Там же. Л. 133.

Вместе с тем читатели библиотек ОРРИП были довольно разнородными и представляли собой не только знавших грамоту простолюдинов. Так, например, ученый и предприниматель А.А. Титов, руководивший «народной библиотекой» при Нижегородском ярмарочном комитете²⁴⁷, просил у Исполнительного отделения разрешение пополнить его читальню газетами и некоторой беллетристикой, что очень соответствовало бы запросам читателей – главным образом горожан. ОРРИП пошло навстречу Титову – отправило в Нижний Новгород художественную литературу и выписало газеты нелиберальной направленности («Московские ведомости», «Новое время», «Русский вестник», «Свет»)²⁴⁸.

Однако главной проблемой комплектования библиотек общества оставалось отсутствие надлежащей системности. Об этом на заседании Исполнительного отделения 5 января 1899 г. говорил Сипягин – самый высокопоставленный с точки зрения занимавшейся им на тот момент должности член ОРРИП. Он призвал более тщательно проверять те издания, которые рекомендовались обществом для получения официальных грифов Министерства народного просвещения или Святейшего Синода с целью последующего занесения в каталог «народных библиотек», на предмет их соответствия целям ОРРИП. Главноуправляющий Канцелярией прошений также указал на невозможность обеспечения каждой «народной библиотеки» всеми обозначенными в каталоге изданиями и предложил определить необходимую выборку книг, которая считалась бы обязательной и непременно должна была бы иметься во всех без исключения читальнях ОРРИП, а подбор остальных книг в дополнительный каталог был бы оставлен на усмотрение библиотечного руководства²⁴⁹. Оба предложения Сипягина были одобрены Исполнительным отделением²⁵⁰.

²⁴⁷ Смирнов Я.Е. Деятели Костромы и Нижнего Новгорода в материалах личного архива А.А. Титова // Сообщения Ростовского музея. Вып. 21. Ростов, 2016. С. 136.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 70. Л. 133–133 об.

²⁴⁹ Там же. Л. 93 об.–94 об.

²⁵⁰ Там же. Л. 99 об.–100.

Как следовало из принятых в ОРРИП правил, «каждому члену предоставляется предложить ту или другую книгу, о которой с заключением Исполнительного отделения должно будет Совету»²⁵¹. Однако со временем возникло предложение еще более упростить процесс укомплектования «народных библиотек» новыми изданиями. Его весной 1901 г. высказал член Исполнительного отделения А.В. Кривошеин – помощник начальника Переселенческого управления МВД (а в будущем – главноуправляющий землеустройством и земледелием). По его мнению, гораздо более удобно было бы не составлять дополнительный каталог, а позволить членам ОРРИП, распоряжавшимся библиотеками, самостоятельно на свое усмотрение отбирать из правительственных каталогов те новинки, которые, на их взгляд, соответствуют установкам общества, и непосредственно пополнять ими свои читальни. Но идея Кривошеина не получила поддержки в Исполнительном отделении. Большинство его членов склонились к мнению о невозможности дать руководителям библиотек «столь широкое право в выборе книг», так как «общество не может отказаться от проверки тех сочинений, которые предлагаются народу от его имени и под его ответственностью». Пополнение каталога сохранилось в ведении специально для того созданной комиссии из числа членов Исполнительного отделения и стало постоянным ее делом²⁵².

За несколько первых лет существования библиотек ОРРИП определились некоторые общие закономерности в интересах их читателей. Как было заявлено на заседании Исполнительного отделения в конце 1900 г., из анализа отчетов, представленных примерно третьей частью библиотек, «повременные издания читались значительно охотнее, чем книги», а из последних наиболее популярными были издания «литературного содержания», причем «книги и повременные издания предпочитали брать для чтения на дом»²⁵³.

²⁵¹ Очерк главных оснований деятельности местных отделов Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1900. С. 12.

²⁵² РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 70. Л. 153–156 об., 169–169 об.

²⁵³ Там же. Л. 171 об.

Впоследствии, благодаря введению диверсифицированной сетки отчетных параметров, удалось реконструировать более подробный коллективный портрет читателей. Было замечено, что взрослые составляли две трети, а подростки – лишь одну треть аудитории, причем если число мужчин значительно превышало число женщин, то в подростковой группе мальчиков было несильно больше, чем девочек. Как правило, книги брались на дом, но не только из-за отсутствия в библиотеках помещений для чтения, но и вследствие желания посетителей знакомиться с литературой в привычной домашней обстановке и читать ее вслух близким. Наибольшей популярностью пользовались беллетристика, а также исторические сочинения, после них шла религиозно-нравственная литература (она читалась в основном во время постов). Конкретную книгу либо выбирали самостоятельно, либо просили нечто обобщенное: «про войну» или «про разбойников», подчас выбор звучал еще более туманно – просто «роман». С интересом читались исторические романы М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова и А.К. Толстого. Активно спрашивали и периодику – упомянутые выше «Троицкие листки» и «Сельский вестник», а также издававшийся генералом С.П. Зыковым иллюстрированный журнал «Досуг и дело» для солдат и простого народа.

Вообще читатели высказывали сожаление по поводу отсутствия в библиотеках ОРРИП ежедневных газет, откуда можно было бы получать сведения о текущих событиях в стране и в мире. Такая потребность особенно обострялась в связи с восстанием ихэтуаней в Китае и англо-бурской войной. Читатели регулярно интересовались в библиотеках, «что делается в Китае», «держатся ли еще буры», спрашивали, нет ли в читальнях свежих газет, где об этом говорится²⁵⁴. Подобные запросы заставляли руководство ОРРИП возвращаться к обсуждению принципов комплектования библиотек свежими изданиями – то есть снова выяснять, насколько руководители читален могут быть самостоятельными при подборе новой литературы. Прежде всего это касалось дополнительного каталога. Весной 1904 г. Исполнительное отделение

²⁵⁴ Там же. Л. 188 об.–189.

пошло навстречу пожеланиям с мест и несколько упростило процедуру приобретения новинок, которая, однако, осталась подконтрольной Совету ОРРИП.

К подобному решению понуждала еще и сама ситуация. Всех волновала война с Японией на Дальнем Востоке, и читателям хотелось регулярно получать о ней сведения. Также после издания Манифеста 26 февраля 1903 г., в котором прямо указывалось на необходимость серьезных аграрных преобразований, возрос интерес и к этому вопросу. Отсюда возникла необходимость основательно доработать и основной каталог, который не обновлялся с 1897 г. – с начала работы по созданию библиотек ОРРИП. В результате всей сети читален общества было указано начать выписывать яркий иллюстрированный журнал «Летопись войны с Японией», издававшийся генералом Д.Н. Дубенским, а также ежедневную газету охранительной ориентации «Свет» В.В. Комарова и ежемесячник «Крестьянское хозяйство» агронома и птицевода П.Н. Елагина²⁵⁵.

Городской и сельский контингенты «народных библиотек» заметно различались, в том числе и по посещаемости читален. Крестьяне чаще бывали в них в свободный от сельскохозяйственных забот осенне-зимний сезон, в то время как весной и летом им было явно не до чтения. Из отчетов заведующих библиотеками следует, что сельская аудитория была расположена к чтению духовной литературы в большей степени, нежели городская, особенно в Великий пост. Однако повсеместно отмечался преимущественный интерес именно к историческим произведениям, художественной литературе, сочинениям по сельскому хозяйству и периодике. Еще одной особенностью читателей-крестьян, которую подметили библиотекари общества, был запрос на издания с крупным шрифтом. Это объяснялось их недостаточной грамотностью, а также тем, что за чтение они принимались обычно по вечерам – при скудном освещении. Повсеместно отмечалось бережное отношение к книгам, которые брали на дом, и их своевременное возвращение в библиотеки²⁵⁶.

²⁵⁵ Там же. Д. 7. Л. 66–67 об.

²⁵⁶ Там же. Л. 67 об.–68.

В связи с этим уместно привести любопытную выдержку из дневника Шереметева. Граф описывал свою аудиенцию у императора, состоявшуюся в начале января 1902 г. Когда он затронул тему библиотек ОРРИП, отметив, что в основном спросом пользуются «книги исторического и духовного содержания», и посетовав на то, что так мало «книг для народа по предметам нужным», которые были бы написаны «простым, доступным языком», Николай II парировал: «...зато имеется для народа столько книг – ненужных и малопонятных»²⁵⁷. Несмотря на то, что Шереметев не стал говорить царю, что интересы читателей «народных библиотек» не ограничиваются «книгами исторического и духовного содержания», и тем самым представил государю не вполне точную картину культурных запросов простого народа, он тем не менее совершенно правильно указал на важную черту литературы, которой укомплектовывались читальни, – ее языковую доступность.

Некоторые заведующие читальнями не ограничивались только лишь выдачей литературы, но и «устроивали в библиотеках назидательные беседы с крестьянами на темы из прочитанных книг». Такой опыт практиковался, например, в одной из библиотек Рязанской губернии. А в сельской читальне в Тульской губернии проводились публичные чтения вслух книг из ее фонда, что притягивало к этому заведению в том числе и неграмотных. В чтениях принимал участие и местный священник. Встречи, как правило, завершались коллективным обсуждением прочитанного²⁵⁸.

Таким образом, можно сказать, что в основных своих чертах библиотеки в начальный период своего существования вполне укладывались в ту схему, которую провидчески начертил для них входивший в ОРРИП публицист и на момент формулирования этой схемы гласный орловской городской думы В.Н. Лясковский. Еще в августе 1899 г. он писал, что «народные библиотеки» общества «не теснятся в столицах или больших городах», они «разбросаны по всей России, и притом по России сельской», и «являются орудием просвещения

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5047. Л. 4–5.

²⁵⁸ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 5. Л. 57; Д. 6. Л. 27.

именно крестьянства». Он задавался вопросом, поиск ответа на который, как показано выше, со временем привел к формированию в глубинке новой социальной реальности, а именно: «...насколько этим библиотекам суждено стать читальнями». «Желательность народной читальни вряд ли кто станет оспаривать», – писал Лясковский и замечал при этом: «Всего легче приучить народ к посещению читален чтениями или беседами»²⁵⁹.

Схожие мысли о месте «народных библиотек» в жизни общества примерно в то же самое время высказывал общественный деятель с Орловщины С.А. Володимеров, в будущем – депутат III Думы, а в последние месяцы существования самодержавной России томский вице-губернатор. Накануне открытия библиотеки ОРРИП под его началом в Болхове, уездном центре Орловской губернии, он писал, что до этого в городе были две библиотеки. Одна из них – «частная, состоящая почти исключительно из переводных французских романов и журналов для “интеллигентной” публики». Ее аудитория состояла из «молодого поколения местного купечества», а также «не очень грамотной городской “интеллигенции”». Другая библиотека содержалась «одним местным помещиком» при городском отделении епархиального училищного совета Орловской губернии. Володимеров сомневался в том, что епархиальная библиотека сможет оказаться интересной для аудитории либеральной «Русской мысли» или для «читателей французских романов»: они не прельстятся «житиями святых и религиозно-нравственными трактатами». Точно так же бывающие в епархиальной библиотеке (а это «мелкие ремесленники, чернорабочие, случайные проживающие в городе крестьяне, люди, имеющие к тому же весьма малый досуг») не пойдут в частную библиотеку читать «французские романы и интеллигентные журналы». Понятно, что при таком раскладе «частная библиотека сохранит всех своих читателей и не даст епархиальной ни одного». Епархиальная же библиотека останется при «своём

²⁵⁹ Лясковский В. О народных библиотеках // Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. 26 февраля 1900. № 1. С. 30–31.

весьма ограниченном круге читателей, или вернее, слушателей», поскольку туда «собирается народ даже не читать, а слушать чтение», обычно по воскресным дням. Володимеров был убежден в том, что открываемая под его началом библиотека ОРРИП представляет собой «в миниатюре ту же епархиальную библиотеку». «Городской читатель» на нее не позарится, а посетители епархиальной библиотеки останутся в ней, так как там читают вслух – и не потребуется «трудного собственного вполголоса собирания слов по складам в полутемной комнате среди говора и шума детей или сожителей». Поэтому, заключал Володимеров, на первый взгляд, «народные библиотеки» нужнее «в далекой какой-либо деревушке». Но вместе с тем библиотеки общества требуются и в «мелких провинциальных городках», где молодежь ловит «тон и понятия от губернской и местной чиновной интеллигенции», а также от «представителей вольных профессий, далеко не всегда культурных и искренних». Библиотека ОРРИП нужна «наивным и еще мало зараженным западническими идеями читателям», и Володимеров – вопреки собственным же доводам, приведенным выше, – надеялся, что «огромное большинство болховских читателей» станут единомышленниками ОРРИП «с удовольствием и навсегда». Определенную надежду в него вселяло и изменение демографического портрета уездного города, который «очень авторитетен для мужика новейшей формации», так как «патриархальность быта почти исчезла», а «уличные понятия местных центров приобретают с каждым годом все большее влияние на сельскую жизнь»²⁶⁰.

Таким образом, можно заключить, что на начальном этапе своего существования – до событий 1905–1906 гг. и спровоцированных ими реформ, которые привели к трансформации политического строя России, – «народные библиотеки» в целом справлялись с возложенными на них функциями. Однако это было связано преимущественно с тем, что в то время само ОРРИП

²⁶⁰ *Володимеров С.* Сельские и городские народные библиотеки // Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. 20 октября 1900. № 2. С. 9–10.

находилось на подъеме своего развития. Такое состояние передавалось и «народным библиотекам», учреждавшимся обществом. Хотя и на этом этапе встречались трудности с определением собственной адресной читательской аудитории. После же фундаментальных перемен в жизни империи ситуация качественно изменилась: консервативный сегмент – заказчик и одновременно адресат деятельности общества – стал стремительно размываться, что неизбежно отразилось и на всех начинаниях ОРРИП.

3.2 Местные отделы ОРРИП: между коммеморативными задачами и реальной действительностью

В устав ОРРИП была включена глава «О местных отделениях Общества», в которой были определены цели деятельности отделов, порядок их формирования, структура, ход деятельности, правила проведения собраний и выбор должностных лиц²⁶¹. В уставе отмечалось, что отделы формировались для распространения сведений о целях ОРРИП, привлечения новых членов, увеличения материальных средств, исполнение поручений Общества (§ 92). Местный отдел открывается с разрешения совета, местной губернской администрации и не менее 10 заявлений членов Общества (§ 93). На собрании местного отдела на трехлетний срок избирается председатель, его заместитель и казначей. Все избранные кандидатуры впоследствии должны быть утверждены в Петербурге на Совете ОРРИП. Все мероприятия или инициативы, подготавливаемые отелами должны быть согласованы с Советом. Таким образом, местные отделы были лишены самостоятельности и подчинены столице. Члены местного отдела ОРРИП должны были ежегодно платить членский взнос: действительный член Общества – 20 руб., член-сотрудник – 10 руб.; потом размер взносов был сокращен вдвое из-за неоднократных ходатайств. В уставе не прописывался, но подразумевался порядок передачи

²⁶¹ Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III : [Утв. 14 окт. 1895 г.]. СПб., 1895. 23 с..

суммы всех собранных взносов в Петербург. Финансовая зависимость неизбежно порождала трудности в функционировании отделов.

На заседании Совета 9 ноября 1896 г. с инициативой скорейшего учреждения местных отделов выступил гр. А. А. Голенищев-Кутузов, чье предложение было подкреплено заявлениями от иногородних членов Общества²⁶². На заседании Совета было отмечено, что «только при условии учреждения этих отделов, для иногородних членов представится возможность принимать действительное личное участие в делах Общества». Таким образом «разрешения вопроса об открытии местных отделов никак не следовало бы отлагать на неопределенное время»²⁶³. Также отмечалось: «учреждение местных отделов ранее образования отделений Общества явилось бы преждевременным, так как только на основании ближайших задач, поставленных себе отделениями, Совет мог бы установить руководящие начала для направления деятельности местных отделов. Независимо от сего, Совет полагал, что разрешение на открытие отделов без предварительного ознакомления с ближайшими предположениями местных членов о способах выполнения задач, указываемых Отделам статьей 92 Устава, могло бы в первые проявления деятельности Отделов внести элементы случайности, в интересах правильного развития дела весьма нежелательной»²⁶⁴.

На основании этих установок Совет посчитал, что учреждению местных отделов должна предшествовать предварительная подготовка, которая заключалась бы в том, чтобы «Совет избирал бы лицо, которое, являясь посредником между означенными местными членами Общества и Советом, было бы последним уполномочено объединить между собою лиц, имеющих образовать первоначальный состав будущего Отдела, дабы путем частых с ними совещаний – выяснить и наметить ближайшие предположения о способах к выполнению задач»²⁶⁵. Соответственно началась работа, связанная с

²⁶² Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III за 1896/1897 год. СПб., 1897. С. 14.

²⁶³ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 79. Л. 3.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Там же.

подготовкой учреждения отделов, установлением коммуникаций с администрацией губернии, предводителями дворянства и активными членами ОРРИП.

Для реализации этого решения Советом было поручено И. Ф. Тютчеву, П. Д. Ахлестышеву и кн. П. Д. Святополк-Мирскому приступить к подготовке образования местных отделов: И. Ф. Тютчеву – в Москве, П. Д. Ахлестышеву – в Тверской губернии и кн. П. Д. Святополк-Мирскому – в Пензенской губернии. Как отмечалось в отчете, «можно надеяться, что в означенных пунктах деятельность местных Отделов откроется еще в течение 1897 г.»²⁶⁶.

При рассмотрении журнала собрания Бежецкого отдела 12 октября 1897 г. был затронут вопрос о порядке представления в Петербург годовых отчетов о деятельности местных отделов. Принимая во внимание, что отчеты местных отделов должны поступать в Совет с таким расчетом, чтобы сведения могли быть включены в годовой отчет ОРРИП, отчеты следовало представлять в Совет не позднее 10 февраля следующего за отчетным года²⁶⁷.

В первые годы существования ОРРИП происходило интенсивное формирование местных отделов, уже к 1899 г. Советом было одобрено учреждение пяти отделов (Московский, Бежецкий, Подольский, Серпуховский и Тульский). На следующий год открылись отделы в национальных окраинах Российской империи: Вильне и Тифлисе, значительным достижением стало открытие отделения в Сибири – в Томске.

Обширная география расположения местных отделов неизбежно накладывала специфику на деятельность того или иного местного отдела. Руководители местных отделов неоднократно обращались к Совету и лично к председателю ОРРИП, Шереметеву, для разъяснения статей устава и неизбежно возникавших казусных ситуаций.

²⁶⁶ Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III за 1896/1897 год. СПб., 1897. С. 14–15.

²⁶⁷ Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III за 1897/1898 год. СПб., 1898. С. 10.

На заседании Совета ОРРИП 7 мая 1900 г. было дано поручение председателю ОРРИП выработать руководство для местных отделов. Спустя несколько месяцев 24 октября 1900 г. Шереметев представил на рассмотрение проект справочных сведений «Очерк главных оснований деятельности местных отделов Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III», «служащих вспомогательным руководством для местных отделов Общества»²⁶⁸. Председателям местных отделов (А. А. Арсеньеву, В. Н. Троцкому, П. М. Казночееву, А. М. Каткову, П. М. Рюмину, епископу Сергию) был разослан проект. После одобрения было решено отпечатать очерк отдельной брошюрой²⁶⁹.

В очерке говорилось об увеличении численности ОРРИП: «Уже одно это дело – привлечение новых членов, правильно организованное местными отделами, принесет большую пользу Обществу <...> Общество всего более нуждается в таком количестве членов, которым приобреталась бы возможность развернуть его деятельность на более широкий путь, распространяя во все общественные слои великую мысль, лежащую в основе Общества, посвященного памяти мудрого Царя, действовать в духе которого представляется всего более желательным, во всей неллицемерной простоте и правде»²⁷⁰. Шереметев подробно объяснял цели и задачи Общества, которые заключались в «умножении и распространении знаний по отечественной истории в духе созидательном», примером которого является царствование Александра III. «Нравственная сила, воплощаемая Императором Александром III, не знает тления. Его личность величава и проста, искренна и народна. <...> Единая, нераздельная и верующая Россия! – вот нами полученный завет, служить которому мы призваны, и хранить его наш долг»²⁷¹. Далее шла цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Два

²⁶⁸ РГИА. Ф.747. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

²⁶⁹ Очерк главных оснований деятельности местных отделов Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. СПб., 1900. 18 с.

²⁷⁰ Там же. С. 9–10.

²⁷¹ Там же. С. 11.

единства», в которой сознательно была сделана замена в последней строке: вместо слова «прочней», указано «сильней».

Единство, возгласил оракул наших дней,
Быть может спаяно железом лишь и кровью,
А мы попробуем спаять его любовью,
А там увидим, что сильней.

Шереметев отмечал, что силы местных отделов должны быть направлены на открытие новых народных библиотек, пополнение новыми изданиями книжного каталога. Однако всякое предложение относительно новой книги должно было пройти через обсуждение в Совете ОРРИП.

Одна из главных задач, по мнению Шереметева, – собрание и подготовка материалов о царствовании Александра III, «для сохранения живого о нем воспоминания в среде народной по всей земле русской»²⁷². Местным отделам следовало также озаботиться сбором средств, которые необходимы для выплаты премии имени императора Александра III, на составление учебника по русской истории, учебника истории русской литературы, подготовку жизнеописания императора, издание переводных книг.

Своеобразным откликом на издание брошюры и расширение сети местных отделов ОРРИП стала напечатанная в газете «Московские ведомости» статья «Общество Александра III. Местные его отделы»²⁷³. В ней говорилось, что после открытия Общества в Петербурге стали открываться отделения и в других городах России, в том числе в Москве. Автор замечает: «К сожалению, однако, деятельность этих местных отделов Общества ревнителей Русского Исторического Просвещения в память Императора Александра III развивалась не так быстро, как это было бы желательно, принимая во внимание высокие и благородные цели Общества». Для распространения местных отделов и была подготовлена брошюра Шереметевым. «Брошюра, изданная Обществом,

²⁷² Там же. С. 14.

²⁷³ Шевелев А. Общество Александра III. Местные его отделы // Московские ведомости. 1901. 13 января.

разъясняет как основания, на которых могут быть открываемы местные его отделы, так и те цели, которые они должны преследовать в своей деятельности». В статье содержится пересказ очерка. «Вообще, говорит упомянутая брошюра, “пора трезво и глубоко вдуматься в современное положение и, отбросив лишние слова, приняться за дело”. И в самом деле пора. Грядущее темно и неясно; трудно даже помыслить о том, сколько новых искушений и соблазнов готовить нам новый век ...Встретить эти искушения и соблазны надо во всеоружии веры и истинного знания, в связи с крепкою, нелицемерною любовью к Родине. Укреплению и распространению этих добрых начал – веры, истинного знания и нелицемерной любви к родине, и призвано содействовать Общество Ревнителрей Русского Исторического Просвещения с его местными отделами»²⁷⁴.

Когда был накоплен определенный опыт деятельности местных отделений, стала прорабатываться их структура. Совет Общества 12 декабря 1900 г. разрешил председателям формировать постоянные совещательные и исполнительные комиссии до шести членов²⁷⁵.

Совет Общества обращался к местным отделам с призывом заранее информировать о торжественных собраниях и мероприятиях, посвященных императору Александру III, «ежегодно пред наступлением дня торжественного собрания Общества заблаговременно просить местные Отделы Общества сообщать Совету предположения их о способах чествования в сих отделах памяти в Бозе почивающего Государя Императора Александра III»²⁷⁶. Впоследствии это нашло отражение в виде дополнительной, 104-й статьи в уставе. «Местным отделам предоставляется назначать ежегодно в день годовщины рождения в Бозе почившего Императора Александра III, 26-го февраля, торжественные Общие собрания членов отделов. Перед началом собрания служится панихида по усопшем Императоре, и самое собрание посвящается речам и сообщениям по заранее установленной отделом, с

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 76. Л. 4–8.

²⁷⁶ Там же. Д. 84. Л. 35.

утверждения Совета, программе. На собраниях этих могут присутствовать посторонние посетители, введенные, с согласия председателя отдела, членами отдела»²⁷⁷. Эта новая статья была одобрена общим собранием ОРРИП, а затем согласована с министром народного просвещения. Уже 20 марта 1906 г. Совет разослал председателям Тифлисского, Киевского, Виленского, Владимирского, Тульского, Московского, Подольского, Серпуховского, Томского отделов Общества письмо, в котором говорилось об утверждении министром дополнения устава Общества новой статьей²⁷⁸.

Бежецкий отдел

Примечательно, что в Тверской губернии местный отдел ОРРИП открылся в Бежецке, а не в губернском городе Твери. В 1880–1890-е годы в Бежецком уезде велись интенсивно археологические раскопки, в которых принимали участие будущий губернатор П.Д. Ахлестышев, судебный служащий П.М. Казначеев и священник Алексей Гроздов²⁷⁹.

По инициативе губернатора П.Д. Ахлестышева и П.М. Казначеева было принято решение об открытии местного отдела Общества в Бежецке. Для открытия необходимо было подать заявление, подкрепленное десятью подписями желающих открыть местное отделение. На заседании Совета Общества 9 ноября 1896 г. были рассмотрены заявления действительных членов Общества Петра Казначеева, Михаила Дорошкевича, Сергея Коровкина, Николая Шатенева, Владимира Балашова, Феодора Иванова, Николая Ливова, Константина Родзевича, Илиодора Вельяминова-Зернова и Николая Неворотина о желании открыть местный отдел в Бежецке. Совет Общества просил Павла Дмитриевича Ахлестышева, тверского губернатора, принять на себя обязанности посредника между Советом и заявителями «с целью предварительного

²⁷⁷ Там же. Д. 76. Л. 12 об.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Плетнев В. А. Об остатках древностей и старины Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь, 1903. С. 469.

выяснения главных задач, поставляемых себе Бежецким отделом и способом к их выполнению»²⁸⁰.

В мае 1897 г. Ахлестышев сообщил Совету о желательности формирования и организации отделения в г. Бежецке²⁸¹.

Учредители действовали весьма оперативно, и совсем скоро Казначеев подготовил программу деятельности отдела. В своем обращении он отметил, что задачи Бежецкого отдела должны совпадать с целями самого Общества применительно к местным условиям и потребностям. Согласно §§ 1 и 2 своего Устава Общество ревнителей «1) собирает и обрабатывает сведения о царствовании Императора Александра III; 2) издает сочинения по истории России, а также по церковным, правовым и бытовым вопросам; 3) устраивает книгохранилища и читальни, снабжая их изданиями, признанными обществом за отвечающие его целям. Во всех этих трех направлениях будет действовать и Бежецкий отдел. Быть может, среди жителей Бежецкого уезда находятся лица, имевшие неоценимое счастье находиться некогда в личных сношениях с в Бозе почившим Императором: Отдел постарается отыскать их и побудить сообщить ему свои о нем воспоминания, которые он и представит на распоряжение Совета Общества. Деятельность Монарха без сомнения проявляется далеко за пределами того кружка лиц, которые имели к нему непосредственные отношения. Поэтому отдел займется исследованием тех перемен в положении края, которые произошли под влиянием законодательной деятельности прошлого царствования. Уже и теперь имеются данные, указывающие на благотворное влияние этой деятельности на народную нравственность и благосостояние (законы об ограничении торговли питьями, о семейных разделах крестьян, положения о земских начальниках и церковно-приходских школах). Отдел предполагает собрать, при содействии правительственных и общественных учреждений, а также частных лиц преимущественно крупных

²⁸⁰ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 79. Л. 3 об.

²⁸¹ Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III за 1897/1898 год. СПб., 1898. С. 9.

представителей торговли и промышленности, относящиеся к сему предмету факты и цифры и передать их совету»²⁸².

Кроме того, Казначеев сообщил, что Бежецкий уезд был богат наследием доисторической древности: курганами и городищами. Как предполагал Казначеев, располагая ресурсами и высоким статусом Общества ревнителей, его обширными связями с другими научными историческими обществами, ему удастся продолжить археологические изыскания и составить археологическую карту уезда. О научной деятельности он подробно написал в программе: «Некоторые из них [курганы] на реке Мологе были раскопаны еще в середине текущего века и добытые в них предметы обогатили музей Академии наук. В 1894 году П.Д. Ахлестышев, а в 1895 году Н.А. Дивов и П.М. Казначеев производили раскопки Кидомлянского могильника, и найденные ими бронзовые и серебряные вещи украшают Тверской музей <...> интересуясь и доисторической древностью, Бежецкий отдел предполагает составить археологическую карту уезда, а затем по сношении со специально археологическими обществами приступить к правильной раскопке вышеупомянутых курганов и городищ. В отношении современных бытовых вопросов отдел думает собирать, по принятым этнографическим отделом географического Общества программам, сведения о народных юридических и других обычаях, об остатках среди местного населения языческих суеверий, о расколе и возникших в последние годы сектах, о влиянии школ так называемого земского типа и церковно-приходской. Все собранные материалы отдел представит Совету Общества, от которого и будет зависеть напечатать их в сборнике “Старина и новизна” или дать им иное назначение»²⁸³.

Руководствуясь положением о местных отделах, он отметил в качестве одного из направлений деятельности открытие народных библиотек и читален: «В отношении устройства книгохранилищ и читален с систематическим подбором книг как в городе Бежецке, так и в других местах уезда предстоит

²⁸² РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 79. Л. 6–6 об.

²⁸³ Там же. Л. 6 об.

много дела. Потребность чтения растёт в народе не по дням, а по часам, удовлетворяется же она пока материалом далеко недоброкачественным, а иногда и прямо вредным. В Бежецком уезде есть несколько лиц, готовых взять на себя труд по устройству народных читален и заведыванию ими в духе тех начал, во имя которых учреждено наше общество»²⁸⁴.

В конце заявитель подчеркнул, что главной целью Общества является то, что, «хотя и не высказано в уставе, но читается в нем между строк, что прямо и открыто указано в речах членов Совета, говоренных на общих собраниях 7 апреля 1896 года и 26 февраля 1897 года. Под знаменем, поднятым его учредителями, мы желали вступить в тесный союз для борьбы, конечно, законными средствами, со всеми теми, кто более или менее сознательно подкапывается под великие исторические основы, на которых зиждется могущество и величие нашей дорогой отчизны, Святой Руси»²⁸⁵.

Программа деятельности местного отдела, составленная Казначеевым, полностью соответствовала целям и задачам Общества ревнителей. Автор отметил важное, что требовалось учредителями: укрепление исторических основ, сохранение памяти об императоре Александре III, развитие культуры чтения в народной среде путем правильной подборки литературы. В число важнейших просветительских задач Казначеев надеялся включить и строго научную, интересовавшую узкий круг интеллектуалов: проведение археологических раскопок языческих памятников.

На заседании Совета Общества 13 мая 1897 г. были определены условия для открытия местного отдела в Бежецке: «1) Открыть Бежецкий отдел с тем, а) чтобы он в точности руководствовался постановлениями ст. 92 Устава, б) чтобы означенный Отдел к выполнению изложенных в заявлении действительного члена П.М. Казначеева предположений, касающихся организации работ по археологии, этнографии и его собиранию сведений и материалов, выясняющих значение для местной жизни законодательства минувшего царствования, –

²⁸⁴ Там же. Л. 7.

²⁸⁵ Там же.

приступал не иначе, как по предварительном представлении на утверждение Совета ближайших предположений о способах выполнения упомянутых работ и чтобы, согласно ст. 101 Устава, журналы заседаний Общества представлялись на утверждение Совета, причем получение в течение месячного срока отзыва Совета признавалось бы за выражение им согласия на приведение в исполнение изложенных в представленном журнале отдела предположений. 2) Поручение местному члену Общества П. М. Казначееву созвать первое собрание членов Бежецкого отдела в составе лиц, подписавших заявление 22 января 1897 г., для выбора, на основании п. 1 ст. 103 Устава, должностных лиц Отдела и представления оных, согласно ст. 96 Устава, на утверждение Совета. 3) Просить Председателя по предварительном сношении на предмет получения согласия местного начальства на открытие Бежецкого отдела довести настоящее постановление чрез посредство действительного члена П. Д. Ахлестышева до сведения г.г. членов Общества, изъявивших желание открыть местный отдел в г. Бежецке»²⁸⁶.

В июне 1897 г. Совет ОРРИП разрешил образовать местный отдел в Бежецком уезде. 22 июня состоялось первое собрание, на котором были избраны председатель местного отдела П. М. Казначеев, товарищ председателя С. А. Коровкин, казначей Н. В. Шатенев и делопроизводитель К. В. Родзевич²⁸⁷.

Фигура председателя местного отделения заслуживает особого внимания. Петр Михайлович Казначеев служил в окружном суде по Бежецкому уезду. Любопытна его биография. Казначеев был видным масоном, впоследствии возглавившим Орден мартинистов. В 1902 г. Казначеев перешел на службу во Владимир. В 1906 г. председателем был назначен предводитель дворянства Бежецкого уезда Александр Степанович Паскин. Заместителем председателя был Сергей Акимович Коровкин (1842–1901), купец, городской голова г. Бежецка, много сделавший для благоустройства города и распространения просвещения, обладавший огромным авторитетом и уважением в городе.

²⁸⁶ Там же. Л. 4 об.–5.

²⁸⁷ Там же. Л. 32.

Казначей – Николай Васильевич Шатенев (товарищ председателя местного отделения Российского общества Красного Креста), с 1900 г. гр. Алексей Павлович Игнатьев. Делопроизводитель – Константин Викентьевич Родзевич (нотариус в Бежецке). Заседания проходили в доме местной городской управы.

С 1897 г. шла интенсивная работа по формированию местного отделения в Бежецке и привлечению новых членов.

В письме С. Д. Шереметеву 24 августа 1897 г. Казначеев писал о желающих вступить в местное отделение 5 человек: Иван Порфирьевич Сидецкий, почетный мировой судья; Александр Семенович Нежинский, присяжный поверенный; Владимир Николаевич Мальковский, земский начальник; Лев Илиодорович Мельницкий, земский начальник; Александр Иванович Новиков, отставной поручик²⁸⁸. Его предложение было поддержано и утверждено Советом Общества 11 декабря 1897 г.²⁸⁹

Работа велась интенсивно, спустя год состав местного отделения расширился включением еще 10 человек.

Персональный состав этого местного отделения ОРРИП к 1900 г. реконструируется по учету внесения взносов и списку, которой печатался в Памятной книге Тверской губернии.

I. Действительные члены:

1. Вельяминов-Зернов Исидор Егорович
2. Гроздов Алексей Ефимович
3. Голенищев-Кутузов Василий Васильевич
4. Дорошкевич Михаил Лаврентьевич
5. Дивов Николай Александрович
6. Евсюкова Елизавета Денисовна
7. Живаго Леонида Васильевна
8. Иванов Федор Иванович

²⁸⁸ Там же. Л. 26.

²⁸⁹ Там же. Л. 23.

9. Коровкин Николай Николаевич
10. Крылов Иван Федорович
11. Ливов Лев Иванович
12. Нежинский Александр Семенович
13. Неворотин Иван Иванович
14. Неворотин Николай Николаевич
15. Новиков Александр Иванович
16. Орлов Николай Зиновьевич
17. Паскин Александр Степанович
18. Плотников Николай Павлович
19. Родзевич Константин Викентьевич
20. Сергиев Иоанн Ильич
21. Сидецкий Иван Прокофьевич
22. Способин Александр Дмитриевич
23. Сысоев Эльпидифор Владимирович
24. Строилов Василий Васильевич
25. Хрущев Николай Иванович
26. Чернцов Федор Федорович

II. Члены-сотрудники

1. Мальковский Владимир Николаевич
2. Мельницкий Лев Илиодорович
3. Петропавловский Николай Иванович
4. Нерфильский Александр Михайлович
5. Тугаринов Владимир Иванович
6. Хильтов Иоанн Афанасьевич

Состав Общества не был постоянным. Бывали случаи, когда члены местного отдела заявляли, что хотели «сложить с себя звания действительного члена» ОРРИП. В документах отсутствует объяснение их решения. Они напрямую обращались к Совету Общества. Например, 12 февраля 1900 г. из канцелярии ОРРИП написали председателю Бежецкого отделения Казначееву о

том, что контр-адмирал Лев Иванович Ливов и Николай Николаевич Коровкин заявили, что они слагают с себя звание действительных членов Общества²⁹⁰. В 1901 г. с подобной просьбой обратился Федор Федорович Чернцов²⁹¹.

После 1901 г. состав местного отделения расширился благодаря вступлению камер-юнкер Бориса Алексеевича Татищева, Николая Андреевича Аничкова, протоиерея Иоанна Сергиева и священника Иоанна Постникова. Этот год был самым представительным по составу и численному составу – 36 человек. В последние годы деятельности местного отдела число сократилось до 20 человек.

Члены ОРРИП ежегодно вносили взнос, который составлял 20 руб., что являлось существенной суммой для провинциального города. Члены-сотрудники платили 10 руб. в год. Однако были неоднократные обращения в Совет Общества с просьбой освободить от уплаты взноса. Из местного отдела ходатайствовали об освобождении платы преподавателя Бежецкого духовного училища Николая Павловича Плотникова в виду того, что «на чтении, устроенном Отделом 7 мая в память генералиссимуса Суворова, он читал вместо протоиерея Хильтова, а также обещал и в будущем году принять участие в разрешенных Отделу бесплатных народных чтениях»²⁹².

С аналогичной просьбой обратился председатель отделения в 1900 г.: протоиерей Иоанн Хильтов из-за недостаточности средств не может вносить назначенный ст. 24 устава ОРРИП членский взнос. «Между тем своим личным трудом он оказывает содействие достижению намеченных тем же Уставом целей Общества. Так в минувшем 1899 году благодаря его личному участию Бежецкому отделу удалось устроить чествование памяти Великого монарха в день 26 февраля, а ныне он по назначению Совета Общества и с утверждения Губернского духовного начальства состоит заведующим постоянными чтениями 26 февраля, 12 марта, 13 апреля и 14 мая»²⁹³.

²⁹⁰ Там же. Л. 103.

²⁹¹ Там же. Л. 154.

²⁹² Там же. Л. 139.

²⁹³ Там же. Л. 101.

В другом случае освободили от уплаты взноса настоятеля краснохолмского Антоньева монастыря иеромонаха Павла, также ссылаясь на ст. 24 Устава²⁹⁴. Таким образом, поступали прошения об освобождении от уплаты членских взносов от духовенства, поскольку многие священники принимали самое активное участие в мероприятиях, устраиваемых местным отделом.

На одном из собраний действительный член общества Н. В. Шатенев предложил снизить членский взнос до 3 руб. Для провинциального города сумма членских взносов была довольно солидная, поэтому многие были не готовы к большим тратам²⁹⁵.

Собранные взносы передавались в Петербург, в казну Совета ОРРИП, который ими и распоряжался. В 1900 г. Казначеев сделал предложение оставлять 20% от собранных средств в распоряжении местного отделения на делопроизводственные, канцелярские, типографские расходы. «Отделы не имеют права облагать своих членов сборами, а потому не предвидится источника, из которого могли бы быть добыты необходимые средства. Денежными суммами Общества по Уставу распоряжается Совет, вследствие чего надлежит обратиться в оный с ходатайством о выдаче Отделу ста рублей пособия на его расходы. Желательно чтобы на будущее время такого рода пособия были бы определены для каждого отдела Общества в размере 20% со всех взносов, поступающих от приписанных к сему отделу членов». В результате обсуждения этого сообщения собрание постановило просить Совет выдать отделу на его расходы в настоящем году 100 рублей, а затем установить в виде общего правила, чтобы такие пособия выдавались каждому отделу в размере 20% всех поступивших в истекшем году от приписанных к отделу членов Общества взносов»²⁹⁶.

Финансовая сторона деятельности местного отдела была довольно уязвимой. Желających платить солидные взносы было не так много, несмотря на высокий

²⁹⁴ Там же. Л. 160.

²⁹⁵ Там же. Л. 41.

²⁹⁶ Там же. Л. 135 об.

статус ОРРИП. Бывали случаи, когда местному отделу жертвовались суммы от новых членов. Так в 1898 г. от протоиерея кронштадтского Андреевского собора Иоанна Сергиева поступили сто рублей на нужды отдела. Из присланных денег 15 рублей оставили в распоряжении председателя отдела на канцелярские расходы, а остальная сумма была передана для внесения в Сберегательную кассу Государственного банка на имя отдела²⁹⁷. Аналогичная история произошла в 1899 г, когда местному отделу граф А. П. Игнатъев пожертвовал 100 рублей.

Все вопросы, касавшиеся деятельности местного отдела ОРРИП, рассматривались на собраниях. По архивным документам известно о 18 заседаниях Бежецкого местного отдела с 1897 по 1901 г. В действительности их было больше, поскольку отдел просуществовал до 1907 г. Собрания членов местного отдела были нерегулярными, однако в год устраивались 3–4 заседания. После каждого собрания составлялся журнал заседания, который затем пересылался в Совет ОРРИП в Петербург.

1-е заседание Бежецкого местного отдела состоялось 22 июня 1897 г. на квартире К. В. Родзевича для выбора должностных лиц. На собрание прибыли из числа подписавших заявление от 22 января 1897 г. действительные члены: П. М. Казначеев, М. Л. Дорошкевич, С. А. Коровкин, Н. В. Шатенев, Ф. А. Иванов, К. В. Родзевич и И. Б. Вельяминов-Зернов. В результате выбранными большинством голосов стали: председатель – П. М. Казначеев, товарищ председателя – С. А. Коровкин и казначей – Н. В. Шатенев²⁹⁸.

2-е собрание Бежецкого местного отдела состоялось 2 августа 1897 г. На этом собрании по предложению председателя отдела был избран действительный член ОРРИП отец Иоанн Сергиев. По сообщению Казначеева, «сей высокочтимый пастырь во время своего последнего пребывания в городе Бежецке согласился быть членом еще только предположенного тогда местного отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения и дал на

²⁹⁷ Там же. Л. 49 об.

²⁹⁸ Там же. Л. 12–12 об.

учреждение оного свое благословение»²⁹⁹. Председатель также сообщил, что он, И. В. Вельяминов-Зернов и Н. А. Дивов послали председательствующему в исполнительном отделении Общества А. С. Стишинскому заявления о своем желании принять на себя заведование книгохранилищами Общества, если Совет признает нужным учредить таковые в городе Бежецке, селе Орлове-городке и сельце Стречкове Бежецкого уезда. Земский начальник В. Н. Мальковский предложил устроить в селе Рыбинском читальню, а помещики этого села помогут снабдить читальню книгами, указанными в разосланном членами Общества каталоге. Товарищ председателя С. А. Коровкин и член Ф. А. Иванов высказали пожелание о расширении просветительской деятельности Общества путем устройства при читальнях также и чтений с туманными картинами³⁰⁰.

На этом собрании Казначеев обратил внимание на то, что при учреждении отдела было предположено заняться исследованиями памятников доисторической древности, которыми богат Бежецкий уезд. Совет Общества в своем определении от 13 мая признал, что археологические исследования не указаны прямо в Уставе как входящие в сферу деятельности Общества, а подлежат ведению специальных ученых обществ. Однако, по словам председателя отдела, «как местные жители, коим хорошо известны курганы, городища и т. п., могут помочь этим специальным обществам в разыскании и исследовании этих памятников старины. Поэтому желательно было бы, чтобы какое-нибудь специальное общество командировало в Бежецкий уезд одного из своих членов для производства при содействии членов Отдела археологических исследований»³⁰¹.

Собрание, соглашаясь с этими соображениями и принимая во внимание, что это может быть «лучше всего достигнуто посредством личных переговоров с лицами, стоящими во главе специальных обществ», постановило просить члена отдела Н. А. Дивова выяснить «путем личного сношения с правлением

²⁹⁹ Там же. Л. 14 об.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Там же. Л. 15.

Московского археологического общества те условия, при которых может быть произведено обстоятельное археологическое исследование уезда»³⁰².

На собраниях Бежецкого отдела рассматривались вопросы, связанные с вступлением в состав членов местного отдела, составлением и утверждением отчетов. Эти вопросы всегда рассматривались в начале заседания. Потом переходили к рассмотрению организационных вопросов. На 3-ем собрании Бежецкого местного отдела (18 сентября 1897 г.) Казначеев обратился к присутствующим с инициативой определить сферу деятельности Отдела: «Собранию Отдела надлежит определить сферу своей деятельности и свои соображения по этому поводу представить на усмотрение Совета». Он указал, что представляется желательным, чтобы район деятельности «не ограничивался одним Бежецким уездом, но включал бы в себя и связанные с ним удобствами путей сообщения уезды Кашинский и Весьегонский, в которых, как ему известно, есть лица, не только желающие примкнуть к Обществу, но и заведывать библиотеками и читальнями, устраиваемыми Обществом ревнителей»³⁰³.

Это предложение было поддержано собранием, на основании чего было принято решение: «просить Совет о включении в район Бежецкого местного отдела уездов Бежецкого, Кашинского и Весьегонского с тем, чтобы собрания Отдела могли происходить не только в городе Бежецке, но и в других местах этого района, причем конечно для действительности собрания необходимо: 1. Чтобы все члены Отдела были о времени и месте оного предварительно извещены. 2. Чтобы на оное прибыли кроме председателя или товарища председателя еще четыре действительных члена»³⁰⁴.

Расширение географических пределов деятельности отдела было связано во многом с научной деятельностью археологов-любителей, которые входили в

³⁰² Там же. Л. 15 об.

³⁰³ Там же. Л. 19.

³⁰⁴ Там же. Л. 19 об.

состав Совета местного отдела. Археологические изыскания в Тверской губернии не прекращались.

Примечательно, что на собрании местного отдела от 22 августа 1898 г. Бежецкий уездный предводитель дворянства, доктор медицины Николай Иванович Хрущов заявил, что хочет составить научный труд «Археологического исследования Бежецкого уезда». С этой целью Хрущов просил местный отдел обратиться с ходатайством в Императорскую археологическую комиссию для получения разрешения на раскопку курганов³⁰⁵.

Наряду с научными задачами просветительской деятельности уделялось главное внимание. На собрании 1897 г. было анонсировано о подготовке в городе народных чтений с туманными картинами. 18 марта 1898 г. председатель Казначеев написал С. Д. Шереметеву письмо, в котором обосновал необходимость этого мероприятия. «Местная городская Дума, как видно из приложенной при сем выписки, ассигновала на этот предмет 150 рублей в год, и Городская управа»³⁰⁶, исполняя ее постановление, обратилась к отделу с просьбой о содействии в этом деле. Он отметил, что Обществу нельзя «отталкивать от себя общественное учреждение, обращающееся к нам за помощью тем более, что, если мы устранимся от этого предприятия, то оно может попасть в другие руки, которые поведут его в направлении совершенно противоположном тем началам, во имя которых учреждено наше Общество. Правда, в Уставе его не говорится прямо о чтениях с туманными картинами, но согласно §18 ему предоставляется «устройство чтений, собеседований и публичных собраний с соблюдением узаконенного по сим предметам порядка, туманные картины, подобно чертежам к пояснению читаемого, не составляют сами по себе такой принадлежности чтений, которая давно была бы именно указана в Уставе. Без всякого сомнения, если Отделу разрешено будет принять

³⁰⁵ Там же. Л. 52 об.–53.

³⁰⁶ Там же. Л. 34.

на себя заведывание чтениями в городе Бежецке, то список назначенных к прочтению статей будет представлен на утверждение Совета»³⁰⁷.

В 1898 г. были избраны: священник церкви бежецкого Благовещенского женского монастыря Иван Хильтов заведующим народными чтениями и Н. А. Дивов заведующим народными театральными представлениями³⁰⁸. Городская дума ассигновала 150 рублей на первоначальные расходы по устройству этих чтений и доверила отделу заведывание народными чтениями в городе Бежецке.

На собрании местного отдела 21 января 1899 г. протоиерей Иоанн Хильтов заявил о желании в годовщину рождения императора Александра III 26 февраля публично прочесть статью протоиерея Петра Смирнова «Завет Царя Миротворца», напечатанную в первом выпуске «Издания Общества ревнителей русского исторического просвещения»³⁰⁹. На собрании эту инициативу поддержали и обратились к тверскому губернатору за разрешением, чтобы чтение состоялось 26 февраля в 12 часов дня в большой зале Бежецкого общественного собрания после панихиды³¹⁰. Просьба была поддержана на губернском уровне, также были выделены средства на подготовку зала к чтениям и публикацию объявлений. 26 февраля 1899 г. состоялись первые народные чтения исторического содержания в годовщину памяти императора Александра III. В отчете Бежецкого отдела сообщалось: «Чтение это было встречено местным населением очень сочувственно; обширная зала земского дома, могущая вместить более тысячи слушателей, оказалась настолько переполненной, что многие желающие даже не могли проникнуть в нее. Такое начало дает основания для уверенности в том, что и последующие чтения, которые имеют быть устроены Отделом на средства, отпущенные Бежецкой городской думой, найдут для себя многочисленных слушателей»³¹¹. Успех

³⁰⁷ Там же. Л. 34 об.

³⁰⁸ Там же. Л. 49 об.–50.

³⁰⁹ Издания Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Вып. 1: Завет царя миротворца: Речь прот. П. А. Смирнова, произнес. 26 февр. 1897 г. в торжеств. собр. СПб.: О-во ревнителей рус. ист. прос., 1897. 16 с.

³¹⁰ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 79. Л. 65 об.

³¹¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 79. Л. 79.

первых чтений был поддержан, и было объявлено о проведении постоянных чтений, а городской управой были приобретены для этих целей фонарь и книги.

Накануне 100-летнего Пушкинского юбилея Казначеев предложил устроить 26 мая 1899 г. в Бежецке торжества в честь столетней годовщины рождения поэта, который «известен не только как один из величайших поэтов, но и как гениальный историк». Для чего необходимо было составить программу празднования и провести переговоры с общественными учреждениями Бежецка и руководством учебных заведений³¹². Инициатива Казначеева была поддержана собранием местного отдела, но дальнейшего развития так и не получила.

В начале 1900 г. на собрании местного отдела 18 января была утверждена программа чествования памяти Императора Александра III в наступающем году, которая была составлена о. Иоанном Хильтовым. Собрание утвердило программу чтений на 26 февраля 1900 г., и было принято решение о выделении 25 руб. из хранящихся в Сберегательной кассе сумм Общества на организацию мероприятия³¹³. Программа включала совершение панихиды и чтение протоиереем Иоанном Хильтовым статьи И. Петрова «Царь-Миротворец Александр III». Во время перерыва чтений устраивался духовный концерт: «Воспойте, люди, боголепно в Сионе ...», музыка Бортнянского. По завершении чтений исполнялся народный гимн. Народные чтения были бесплатными и проходили в Бежецком земском доме. Несомненно, зрителей поражала демонстрация «световых картин», включающих парадные портреты императоров, картины священного коронования, достижения в области железнодорожного строительства и военно-морского флота.

В том же году были запланированы народные чтения памяти полководца, князя Италийского, графа А. В. Суворова-Рымникского. 18 апреля 1900 г. на собрании Бежецкого отдела П. М. Казначеев сообщил, что «в мае вся Россия собирается чествовать память знаменитого полководца, князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, скончавшегося 6 мая

³¹² РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 79. Л. 55 об.

³¹³ Там же. Л. 77.

1800 года. Желательно было бы напомнить и населению города Бежецка заслуги этого великого человека»³¹⁴. Протоиерей Иоанн Хильтов заявил, что готов составить программу чтений, которые наметили на 7 мая в Бежецком земском доме. Чтения начинались с панихиды, потом протоиерей Иоанн прочел статью С. Рождественского «Чтение для народа о Суворове», а в завершение хор певчих исполнил «Слався» и народный гимн³¹⁵. Во время чтения статьи демонстрировались 22 «световые картины», посвященные военным подвигам и походной жизни Суворова

В течение 1900 г. деятельность отдела проявлялась исключительно в устройстве народных чтений исторического содержания. Состоялось 4 мероприятия: 26 марта – чтения об императоре Александре III; 13 апреля – «о церкви Христовой со времен Апостолов до Константина Великого»; 7 мая – «о Суворове» и 14 мая – «о священном короновании Их Величеств». Читал протоиерей Иоанн Хильтов. Как отмечалось в отчетах, чтения вызвали столь большой интерес у жителей Бежецка, что далеко не все могли попасть в залу из-за отсутствия мест. При несомненном успехе народных чтений финансовая сторона дела была очень уязвимой. Чтения проходили на пожертвования протоиерея кронштадтского Андреевского собора Иоанна Сергиева.

По мнению Казначеева, «народные чтения, учрежденные отделом в течение весны этого года, привлекли большое число слушателей»³¹⁶. Он предлагал регулярно устраивать народные чтения, «желательно придать им более систематический характер», чтобы они удовлетворили «живому стремлению местного общества к приобретению исторических знаний».

В 1901 г. в Бежецке была проведена серия народных чтений, которая была посвящена императорскому Дому Романовых и Русской Православной Церкви. Темы чтений: 18 февраля – «О жизни и деянии Императора Александра II»; 25 февраля – «О благочестивейшем в Бозе почившем Императора Александре III»;

³¹⁴ Там же. Л. 107.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же. Л. 141.

5 апреля – «Церковь Христова со времен Апостолов»; 15 апреля – «Царствование Императора Александра I Благословенного»; 29 апреля – «Путешествие Его Императорского Величества Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича (ныне благополучно царствующего Государя Императора), на Восток в 1890-1891 гг.»; 6 мая – «Жизнь святого Николая Чудотворца»; 14 мая – «Царствование Михаила Федоровича»³¹⁷. Протоиерей Иоанн Хильтов читал по соответствующим темам брошюры, рекомендованные Комиссией народных чтений.

В 1902 г. председатель Бежецкого отдела Казначеев представил в Совет очередную программу чествования памяти императора Александра III, которая включала чтение стихотворения А. Н. Майкова «В том Царская Его заслуга пред Россией» и статьи о. Владимира Востокова «Заря земли русской»³¹⁸. Намеченное мероприятие состоялось 24 февраля в 12 часов в доме земства.

Другим важным направлением деятельности местного отдела стала организация бесплатных народных библиотек. В первый год работы местного отдела были поданы три заявления (от Казначеева, Н. А. Дивова и Г. Е. Вельяминова-Зернова) в Совет Общества об открытии библиотек. Заявления были рассмотрены положительно в 1898 г. Заведующим библиотекой в Бежецке стал Казначеев, в сельце Стречкове – Дивов, в селе Орлове-городке – Вельяминов-Зернов³¹⁹. В 1899 г. открылась четвертая библиотека в селе Михайловском Прудове, заведывание которой принял на себя протоиерей Алексей Гроздов.

В 1902 г. в деятельности местного отдела произошли перемены: председатель Казначеев перевелся на службу во Владимир, не стало его заместителя Коровкина, который занимал должность городского головы. Найти преемника оказалось довольно сложно. В письме к Шереметеву Казначеев с грустью отмечал: «Перед отъездом я сделал попытку обеспечить будущность

³¹⁷ Там же. Л. 152–152 об.

³¹⁸ Там же. Л. 167.

³¹⁹ Там же. Л. 40 об.–41.

Бежецкого отдела Общества ревнителей русского просвещения и созывалось собрание для избрания товарища председателя, так как занимавший эту должность городской голова Коровкин умер. Собрание это, однако, не состоялось, так как вследствие весеннего отсутствия сообщений местные помещики, составляющие большинство членов Отдела, на оное не прибыли. Не прибыл также и намеченный в товарищи председателя, ныне Бежецкий городской голова, действительный член Общества – Неворотин. Я предполагаю осенью настоящего года съездить в Бежецк и устроить там собрание отдела для избрания председателя и его товарища»³²⁰.

Только в 1904 г. была найдена кандидатура председателя Бежецкого отдела. Им стал Александр Степанович Паскин, предводитель дворянства Бежецкого уезда. Он с нескрываемой радостью писал Шереметеву: «Приношу почтительную благодарность за возлагаемое на меня поручение, от которого не считаю возможным отказаться», «члены Бежецкого отдела состоят из лиц самых благонамеренных», «наш девиз: Вера и верность»³²¹.

Деятельность местного отдела с назначением нового председателя не получила дальнейшего развития. Только в Памятных книгах Тверской губернии до 1907 г. указывалось местное отделение ОРРИП.

Местный отдел в Бежецке просуществовал почти десятилетие, срок немалый для провинции. Пик активной деятельности отдела был связан с личностью его председателя П. М. Казначеева. Инициатива создания местного отдела, возникшая в кругу любителей-археологов, была поддержана губернатором Ахлестышевым. Однако реальное участие Ахлестышева было минимальным, он не посетил ни одного собрания и даже не интересовался судьбой местного отдела, к созданию которого приложил руку. Намеченные Казначеевым в программе основные направления деятельности местного отдела так и не были полностью реализованы. Научные археологические изыскания не были поддержаны Советом ОРРИП, не удалось развернуть сотрудничество с

³²⁰ Там же. Л. 173.

³²¹ Там же. Л. 184.

ведущими историческими обществами: Тверской археологической комиссией и Императорским археологическим обществом. Не удалось реализовать предложение о составлении исторического обзора Бежецкого уезда в царствование Александра III по той причине, что профессиональных историков или интересующихся и пишущих на исторические темы среди членов местного отдела не было. Из заявленного в программе удалось открыть четыре бесплатные народные библиотеки. Однако просветительская деятельность отдела ярко проявилась в проведении народных чтений, посвященных императору Александру III и другим императорам, правившим в XIX в. Чтения сопровождалась демонстрацией световых картин, что, конечно, производило сильное впечатление на жителей провинциального города.

Виленский отдел

12 декабря 1899 г. Совет ОРРИП постановил открыть местный отдел в г. Вильно Северо-Западного края. Спустя месяц, 21 января 1900 г. состоялось первое собрание, на котором были избраны: председатель – генерал-адъютант Виталий Николаевич Троцкий, виленский ковенский и гродненский генерал-губернатор; товарищ председателя – генерал-лейтенант А. П. Скугаревский; казначей – П. Г. Бывалькевич. Таким образом, местный отдел ОРРИП возглавил глава Северо-Западного края, военный с блестящей репутацией, отличившийся в крымской кампании и покорении Средней Азии. Программы деятельности местного отдела Виталий Николаевич не представил, однако сразу предложил несколько практических мер, которые должны были привлечь новых членов. Надо отметить совершенно иной сценарий взаимоотношений с Советом в Петербурге.

Первые решения собрания местного отдела были связаны с финансированием и уплатой членских взносов. Было принято ходатайство об уменьшении вдвое членских взносов для действительных членов (10 руб.) и для членов-сотрудников (5 руб.) «с тем, чтобы члены действительные и сотрудники в уважительных случаях совершенно освобождались от членских взносов». Этот

вопрос был очень болезненным: для петербургской бюрократии и аристократии эта сумма была приемлемой, но в провинции и национальных окраинах она представлялась чересчур завышенной. Кроме этого, Виленский отдел запросил сумму в 150 руб. на надобности канцелярии и такую же сумму на открытие в Вильне двух народных библиотек ОРРИП³²².

Последние два ходатайства были поддержаны Советом. Что же касается взносов, то это предложение представлялось из разряда нереализуемых, поскольку необходимо было пересматривать Устав Общества и вносить соответствующие изменения. В одностороннем порядке разрешить местному отделу уменьшать сумму взносов было нецелесообразно.

В течение года в составе местного отдела были сформированы совещательная и исполнительная комиссии, куда вошли В. К. Боас, П. М. Дублянский, Ф. А. Иванов, А. И. Миловидов, П. Н. Сергеевский, К. В. Чернцов.

Развернуть деятельность в полную меру местный отдел не смог: в 1901 г. умер его председатель В. Н. Троцкий. В 1900–1902 гг. отдел не присылал отчетов, что свидетельствовало «о его во многом номинальном существовании и низкой степени активности в это время»³²³. Из предпринятых мер стала записка А. И. Миловидова об открытии народной библиотеки при Новосветской церквешколе, выстроенной в память императора Александра III. На общем собрании 3 февраля 1901 г. Миловидову было разрешено прочитать лекцию со световыми картинками на тему «Царь-Миротворец и его заветы русскому народу»³²⁴. Лекция была разрешена и прочитана 21 марта в городском театре, а затем повторена для военного ведомства.

После смерти Троцкого на должность председателя был избран виленский губернатор В. В. фон Валь. Выборы председателя состоялись 14 марта 1902 г. На

³²² Там же. Д. 4. Л. 33-34.

³²³ *Крот М. Н.* «Северо-Западный край... особенно нуждается в русском историческом просвещении»: отчет Виленского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III за 1903 год // *Новое прошлое.* 2022. № 3. С. 179.

³²⁴ Там же. С. 183.

том же собрании были зачитаны А. Г. Скугаревским выдержки из его личных воспоминаний об императоре Александре III в бытность его наследником. В 1902 г. фон Валь отбыл из Вильно в связи с назначением на должность товарища министра внутренних дел В. К. Плеве.

На должность виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский, который являлся дальним родственником С. Д. Шереметева³²⁵. Избрание Святополк-Мирского председателем местного отдела состоялось на собрании 7 марта 1903 г. Товарищем председателя стал В. П. Попов, педагог, попечитель Виленского учебного округа. В делопроизводители выбрали А. И. Миловидова³²⁶. По замечанию современного исследователя, генерал-губернатор «проявлял большое внимание к его нуждам, осуществляя действительное, а не номинальное руководство обществом, в полном объеме используя для решения стоящих перед ним проблем свой административный вес и личное влияние»³²⁷. Однако срок руководства Святополком-Мирским местным отделом был недолгим, уже 26 августа 1904 г. он был назначен министром внутренних дел и отбыл в Петербург.

В течение 1903 г. было проведено четыре общих собрания, из которых одно торжественное и одно годовое³²⁸. 26 февраля 1904 г. в Виленском дворце состоялось торжественное собрание отдела. В дворцовой церкви была отслужена панихида по императору Александру III, на которой присутствовали представители гражданских и военных ведомств и местного общества. После панихиды все приглашенные и члены отдела перешли в большой зал дворца, где прошли чтения: читались воспоминания о императоре Александре III. Священник Капитон Петров поделился воспоминаниями о пребывании

³²⁵ Белоусова О. В. «Вот где главное наше горе». Граф Сергей Шереметев и его высокопоставленные родственники // Родина. 2012. № 7. С. 108–111.

³²⁶ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

³²⁷ Крот М. Н. «Северо-Западный край... особенно нуждается в русском историческом просвещении»: отчет Виленского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III за 1903 год // Новое прошлое. 2022. № 3. С. 174–188.

³²⁸ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 7. Л. 68 об.

Александра III в Белостокском дворце в конце августа 1894 г. Флавиан Николаевич Добрянский, преподаватель Виленского учительского института, рассказал о посещении императором Александром III города Вильно 26 августа 1884 года. В этот день он провел смотр войскам и посетил виленские учебные заведения. После выступлений было прочитано стихотворение В. Л. Величко /на 26 февраля³²⁹. Пред началом собрания и между выступлениями соединенный хор Виленского отделения императорского русского музыкального общества и воспитанников Литовской духовной семинарии (всего до 100 человек) исполнил похоронный концерт Бортнянского и величественную кантату Георгия Конюса, посвященную памяти императора Александра III. Собрание закончилось народным гимном, исполненным 3 раза и «покрытым восторженными кликами “Ура”»³³⁰.

На собрании 16 января 1904 г. по предложению Святополка-Мирского была сформирована ревизионная комиссия для проверки денежных сумм и приходо-расходной ведомости за истекший 1903 год. В комиссию вошли В. Г. Никольский, А. А. Виноградов и И. П. Зилитинкевич. На заседании 26 апреля 1904 г. комиссией было просмотрено делопроизводство, и указаны более упрощенные способы ведения приходо-расходной книги: в ней по письменному отзыву Комиссии найдено, что «с 1 марта 1903 года по 1 марта 1904 года (казначейский год) расхода произведено 170 руб. 69 коп.; все означенные в книге расходы произведены согласно уставу Обществу и все статьи расхода оправданы надлежащими документами». Такой же отзыв дан и об отдельной ведомости расхода пожертвованных 50 руб. На счету местного отдела имелась сумма 228 руб. 88 коп.³³¹.

На годичном собрании 1903 г. была учреждена издательская комиссия. В нее вошли следующие лица: А. В. Белецкий (председатель), Ф. Н. Добрянский (заместитель председателя), А. О. Турцевич, И. А. Глебов, А. И. Миловидов, Д.

³²⁹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 7. Л. 69 об.

³³⁰ Там же.

³³¹ Там же. Л. 74.

И. Довгялло, Ф. А. Кудринский, И. П. Зилитинкевич и В. К. Голуб³³². Комиссия должна была заниматься изданием материалов и трудов, относящихся к жизни и деятельности императора Александра III (особенно о его отношениях к Северо-Западному краю), а также материалов и сочинений о видных государственных деятелях.

Одним из таких деятелей в Северо-Западном крае был граф М. Н. Муравьев. Поэтому в комиссии было принято решение издать архив виленского Муравьевского музея; эта инициатива была поддержана Советом ОРРИП, и выделена сумма 400 руб. ежегодно в течение 10 лет³³³. На заседании комиссии 7 декабря 1903 г. была представлена программа издания материалов Муравьевского музея: I т. – документы о положении Северо-Западного края России в 1861–1863 гг., до назначения на должность генерал-губернатора; II и III тт. – польское восстание и распоряжения Муравьева; IV т. – деятельность следственных и военно-судных комиссий; V т. – документы по устройству быта крестьян в Северо-Западном крае; VI и VII тт. – документы о состоянии Православной и Римско-Католической Церкви в Северо-Западном крае в 1861–1865 гг.; VIII т. – документы об учебных заведениях в крае; IX и X тт. – распоряжения Муравьева по упорядочению администрации края, устройству публичной библиотеки в Вильне, устройству города Вильны и других городов, по проведению телеграфа, а также всеподданнейшие записки Муравьева по некоторым вопросам устройства Северо-Западного края и т.п.³³⁴.

Работа над подготовкой к публикации Муравьевского архива велась интенсивно, уже к 1904 г. первый том материалов с предисловием А. В. Белецкого был почти готов³³⁵. Однако осуществить издание местному отделу не удалось.

³³² Там же. Л. 70 об.

³³³ Там же.

³³⁴ Там же. Л. 71.

³³⁵ Там же.

Членом комиссии В. К. Голубом был издан обстоятельный биографический очерк жизни действительного члена Виленского отдела, историка и педагога Ю. Ф. Крачковского.

Исполнительно-совещательная комиссия Виленского местного отдела занималась организацией народных чтений и открытием народных библиотек. Известно, что в 1903 г. комиссия состояла из председателя Н. Е. Агапеева и членов: Ф. А. Иванов (заместитель председателя), Г. И. Оношко, Л. М. Слезкин, М. И. Трескин, А. И. Миловидов, А. М. Билецкий и А. А. Виноградов³³⁶. Комиссия занималась подготовкой и организацией торжественного собрания 26 февраля 1904 г.

Святополк-Мирский добился уменьшения членских взносов. 20 апреля 1903 г. на Совете ОРРИП в виде исключения было разрешено уменьшить взнос до 10 руб. – для действительных членов и до 5 руб. – для членов-сотрудников.

13 августа 1903 г. была торжественно открыта первая бесплатная народная библиотека при Новосветской церкви-школе. Как говорилось в отчете местного отдела, «Новосветская библиотека, первая от Общества Ревнителей в Северо-Западном крае, помещается в чистенькой, светлой комнате, очень прилично обставленной. Выдача книг происходит 3 раза в неделю»³³⁷.

На заседании 5 марта 1904 г. комиссия обсуждала вопрос об открытии второй бесплатной народной библиотеки при снпипшской церкви-школе. Комиссия по поводу своих предположений обратилась к епархиальному начальству, а также к Совету Общества; в результате открытие библиотеки состоялось 9 сентября 1904 г.³³⁸ На торжественное открытие прибыли: товарищ председателя Виленского отдела ОРРИП, попечитель Виленского учебного округа В. А. Попов и члены общества А. В. Билецкий, Ф. А. Иванов, П. А. Изенфлям, В. К. Голуб и другие. Перед молебном настоятель церкви (он же и наблюдатель за библиотекой) священник Модестов сказал краткое слово о пользе чтения книг. После молебна

³³⁶ Там же.

³³⁷ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 80. Л. 82 об.

³³⁸ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 7. Л. 71 об.

и освящения библиотечной комнаты попечитель учебного округа объявил библиотеку открытой. Настоятель церкви выразил от лица своей паствы глубокую благодарность Обществу ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III, которое учреждением библиотеки приходит на помощь просветительной деятельности его церкви-школы.

А. И. Миловидов, занимавшийся подборкой книг для народных библиотек, в своей речи раскрыл замысел учреждения: «... все книги подобраны так, чтобы способствовать воспитанию и образованию русского гражданина, верующего и проникнутого любовью к нашему Отечеству и его славной истории. В состав нашей библиотеки входят прежде всего книги религиозно-нравственного содержания: Св. Писание, проповеди, жития святых. Последние представляют всегда интересные и поучительные рассказы, имеющие глубокое воспитательное значение. В жизни святых проявилось столько разнообразных сторон христианского благочестия, столько добродетелей, что люди различных возрастов и положений могут найти примеры для доступного подражания, примеры живые, понятные без сухих рассуждений. Второй отдел составляют книги по истории русской церкви и русского государства. Знать прошлое своего отечества и черпать из него уроки для современной жизни – это обязанность каждого гражданина, и такое знание простолюдином приобретается более путем чтения, нежели школьного обучения. Третий отдел составляют отдельные сочинения и полные собрания русских писателей. Есть также книги по естественным наукам и сельскому хозяйству. Всех отделов семь. Уже из сказанного можно видеть, что своим содержанием библиотека может удовлетворить читателей всех возрастов. Для вышедшего из школы она будет ее продолжением, так как грамотность без чтения может быть потеряна в 2–3 года. Это относится также и к людям более взрослым, для которых библиотека – высшая школа приобретения новых знаний. Наконец, кроме умственного развития и практического значения чтения, не надо упускать из вида, что оно создает для простого человека разумный отдых от его будничной трудовой

жизни, благочестивое праздничное развлечение, отвлекающее от развлечений низменных»³³⁹.

В местном отделе анализировалась посещаемость и выдача книг. Отмечался успех первой народной библиотеке в Новосветском, в которой, помимо утвержденного комплекта книг, предлагались газеты и журналы «Виленский вестник», «Западный вестник», «Литовские епархиальные ведомости» и т.п.: ежедневно на столе читальни лежали 12 периодических изданий с 4-мя приложениями. Социальный состав читателей был самый пестрый: мещане, крестьяне, учащиеся, служащие железной дороги, ремесленники, прислуга, солдаты. Читальня была открыта ежедневно с 5 до 8 часов вечера. По воскресеньям библиотека была открыта также после обычного народного чтения в 3 часа. За полгода существования библиотеки в ней побывало 2310 читателей, приблизительное число выдач книг и журналов составило 8480³⁴⁰.

В снпишской библиотеке за 3 месяца посетителей было 269, выдано на дом 1259 книг. В отчете современник отмечал положительное влияние библиотек на русификацию края: «Предоставляя на 3 часа простолюдину светлую и теплую комнату, наши библиотеки еще более света и тепла вносят в его духовную природу. Просветительное их значение на западной окраине значительно больше, чем в центре России. Здесь библиотека-читальня не только культурный очаг, распространяющий кругом свет и теплоту, но вместе и миссионерский пункт: она примиряет, сближает лиц разных вероисповеданий и национальностей. Русские, поляки, литовцы, православные, католики, старообрядцы, часто враждебные друг другу в житейских своих отношениях, сходятся за книгой, их примиряет и сближает общее тяготение к просвещению, общий интерес к политической, общественной жизни России. Употребляя в обыденной жизни свой родной язык, они в библиотеке даже между собою говорят исключительно по-русски и делают это не вследствие каких-нибудь предписаний или предупреждений, а прямо признают неподходящим разговор

³³⁹ Там же. Л. 72–72 об.

³⁴⁰ Там же. Л. 73.

на другом, кроме русского, языке в комнате, где вся атмосфера пропитана русским духом: русская книга, газета, портреты русских царей, картины из русской истории»³⁴¹.

В сентябре 1904 г. на собрании отдела было принято решение об открытии еще двух библиотек в м. Молодечне и г. Лиде.

Численность местного отдела постоянно росла, во многом это объяснялось высоким положением председателя: за 1903–1904 гг. вступило 35 новых членов, что с прежним составом составило 72.

С назначением Святополка-Мирского министром внутренних дел было принято решение на собрании от 10 октября 1904 г. утвердить его в звании почетного председателя Виленского отдела и разместить его портреты в помещениях народных библиотек³⁴².

На чрезвычайном собрании 16 сентября 1904 г. был зачитан адрес на имя князя, в котором перечислялись его заслуги как руководителя Виленским отделом: «Виленский Отдел Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III существует почти уже шесть лет, но свою жизнедеятельность проявил только со времени вступления Вашего Сиятельства в управление Северо-Западным краем. Приняв на себя после единогласного избрания звание председателя Виленского отдела, вы вдохнули в него жизнь и в короткое время дали ему возможность начать и проявить свою научно-просветительную деятельность. Уменьшение благодаря Вашему ходатайству членских взносов, общие и торжественные собрания Общества в Виленском дворце с чтением интересных рефератов быстро привлекли новых членов, увеличили средства отдела и дали ему возможность при содействии Вашем открыть и содержать в Вильне две бесплатные народные библиотеки-читальни. Затем учреждение Вами издательской, исполнительно-совещательной

³⁴¹ Там же. Л. 73–74.

³⁴² Там же. Л. 55.

и ревизионной комиссий отдела помогло ему шире выполнить свои функции и применить принцип экономического разделения труда»³⁴³.

С уходом Святополка-Мирского делами местного отдела стал заниматься его заместитель В. А. Попов, который вел административную и научную работу. 29 ноября 1904 г. на собрании отдела был заслушан и одобрен прочитанный делопроизводителем А. И. Миловидовым отчет за 1904 год, после чего Миловидов предложил доклад о преобразовании учебно-воспитательного дела в Северо-Западном крае при графе М. Н. Муравьеве. Составленный преимущественно по архивным неизданным материалам (в связи с работой отдела по изданию Муравьевского архива) доклад вызвал общее одобрение присутствующих.

Деятельность Виленского отдела после 1904 г. стала постепенно ужиматься. По замечанию исследователя, «только народные библиотеки «стали наиболее удачным и долговременным проектом Виленского отдела»³⁴⁴.

История деятельности Виленского отдела продемонстрировала другой опыт организации и функционирования местного отдела ОРРИП. Изначально установился высокий статус председателя, который возглавлял Северо-Западный край, был виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором. С назначением Святополка-Мирским председателем отдела происходят значительные перемены, вызванные не только ростом численного состава, открытием народных библиотек, сокращением взносов, но и качественными структурными переменами, которые были связаны с формированием трех комиссий: ревизионной, издательской, исполнительно-совещательной. Четкое распределение направлений в деятельности отдела должно было улучшить его работу.

Владимирский отдел

Открытие местного отдела во Владимире связано с деятельностью П. М. Казначеева, который был известен как бывший председатель Бежецкого отдела.

³⁴³ Там же. Л. 70.

³⁴⁴ Кром М. Н. Указ. соч. С. 178.

С переходом на службу во Владимир в 1902 г. он стал активно заниматься вопросом учреждения местного отдела³⁴⁵.

В письме от 20 апреля 1903 г. Шереметев обратился к владимирскому губернатору Ивану Михайловичу Леонтьеву по поводу возможности учреждения местного отдела во Владимире. В ответном письме губернатор, «вполне сочувствуя образованию в городе Владимире отдела Общества Ревнителей Русского Исторического Просвещения»³⁴⁶, пообещал меры к учреждению отдела. При этом губернатор отправил 10 рублей с просьбой зачислить его членом ОРРИП. Для распространения сведений по Обществу он просил выслать ему 50 экземпляров устава общества и его журнала «Известия», что и было выполнено 4 мая. 8 мая 1903 г. С. Д. Шереметев в письме Леонтьеву написал, что Совет ОРРИП с вниманием отнесся к просьбе, постановил переслать во Владимир 50 экземпляров устава общества и 5 экземпляров «Очерка главных оснований деятельности местных отделов»³⁴⁷.

Инициировав идею организации местного отдела во Владимире, Казначеев начал подбирать кадры. Уже 17 января 1904 г. он представил в Совет ОРРИП заявления от 12 членов общества, желающих учредить местный отдел во Владимире. Были указаны: высокопреосвященный Сергей, архиепископ Владимирский и Суздальский; Алексей Васильевич Селиванов, управляющий государственными имуществами Владимирской и Рязанской губернии; Александр Дмитриевич Способин; Павел Александрович Акифьев, директор Покровской мануфактуры; Николай Александрович Бубнов (владелец лесов); Карл Федорович Кнорре (управляющий именем графа С. Д. Шереметева); Иван Ксенофонтович Невский (нотариус); о. Серафим, архимандрит Спасо-Евфимьевского монастыря; Иван Михайлович Леонтьев, владимирский губернатор; Мария Евгеньевна Леонтьева. После получения согласия от владимирского губернатора Совет ОРРИП на заседании 25 января 1904 г.

³⁴⁵ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–1 об.

³⁴⁶ Там же. Л. 4.

³⁴⁷ Там же. Л. 7.

постановил: 1) открыть Владимирский отдел ОРРИП; 2) поручить действительному члену ОРРИП И. М. Леонтьеву созвать первое собрание членов Владимирского отдела в составе лиц, подписавших 17 января 1904 г. заявления, для выбора должностных лиц отдела³⁴⁸.

В соответствии с этим постановлением «14 марта 1904 г. последовало открытие Владимирского отдела Общества, и на первом собрании были избраны председатель отдела И. М. Леонтьев, владимирский губернатор, и товарищ председателя П. М. Казначеев, одновременно совмещавший обязанности казначея»³⁴⁹. На собрании приняли решение о ходатайстве перед Советом ОРРИП о выделении 100 руб. на канцелярские расходы, почтовую переписку, устройство народных чтений и открытие бесплатных библиотек. На этом собрании П. А. Неронов и Казначеев заявили о желании открыть народные библиотеки в городе Вязники и во Владимире³⁵⁰. Все предложения были поддержаны Советом ОРРИП и утверждены.

В письме к Шереметеву Леонтьев представил краткую программу деятельности отдела, где отметил, что первоочередными задачами являются открытие библиотек и проведение народных чтений. Он писал: «Библиотеки и эти чтения представляются в высшей степени желательными не только вообще, ввиду ожидаемой от них для населения пользы, но и в частном для возбуждения в местном обществе сочувствия к нашему Обществу и привлечения в составе его новых членов»³⁵¹.

Обращает на себя внимание активность Казначеева по привлечению новых членов. 25 октября 1904 г. в письме Шереметеву он объяснял, что заинтересован в создании местного отделения. «Я такой же, каким был 8 лет тому назад, когда вступил в это Общество: убеждения мои не изменялись, не изменились и мои стремления, но изменились обстоятельства места и времени, при которых мне приходится действовать. Из Бежецкого уезда, в котором я знал всех и каждого, я

³⁴⁸ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 8. Л. 41 об., 54 об.

³⁴⁹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 7. Л. 54–54 об.

³⁵⁰ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 81. Л. 20 об.

³⁵¹ Там же. Л. 19 об.

переехал во Владимир, где являюсь человеком новым, принужденным внимательно всматриваться в окружающих людей, прежде чем привлекать к нашему Обществу. Время теперь также иное: это время Русско-японской войны. Вступление в Общество соединено с денежными пожертвованиями, а такие пожертвования текут теперь в кассы Красного Креста и добровольного флота. Тем не менее, было сделано кое-что: лучшие люди губернии приобщены к нашему делу, и решено: как в Бежецке, откроются народные чтения. Если в должности товарища председателя Окружного суда мне придется с сессиями разъезжать по всей губернии, то хотелось бы, разъезжу круги свои знакомые, привлечь к Обществу ревнителей еще большее число лиц. Сам Владимир – город чиновников, и уезд его мал (вдвое меньше Бежецкого) и почти не имеет помещиков, живущих в своих усадьбах»³⁵². Владимирский отдел фигурировал в переписке ОРРИП, однако отчеты не пересылались в Петербург, сведения о проведении народных чтений или мероприятий, посвященных императору Александру III, не известны.

Вятский отдел

На заседании 4 апреля 1904 г. Совет рассмотрел письмо вятского губернатора Павла Федоровича Хомутова и заявление от лица 15 действительных членов – местных жителей – об учреждении в Вятке местного отдела ОРРИП. Совет поддержал инициативу и принял решение: «1) открыть вятский отдел Общества с учетом, а) чтобы он в точности руководствовался постановлениями ст. 92 Устава, б) чтобы, согласно ст. 101 Устава, журналы заседаний отдела представлялись на утверждение Совета; 2) поручить действительному члену Общества П. Ф. Хомутову созвать первое собрание членов вятского отдела в составе поименованных в представленном им списке лиц для выбора, на основании п. (ст. 103) Устава, должностных лиц отдела и представления их, согласно ст. 96 Устава, на утверждение Совета»³⁵³. Однако из-за отставки

³⁵² Там же. Л. 27 об.–28.

³⁵³ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 7. Л. 54 об.

Хомутова в конце декабря 1904 г. и назначения его на должность казанского губернатора осуществить замысел по учреждению местного отдела в Вятке не удалось.

Киевский отдел

Киевский отдел был открыт 14 марта 1902 г.³⁵⁴. До этого подготовительными работами учреждения занимался Василий Тимофеевич Георгиевский³⁵⁵, известный специалист в области древнерусского искусства. Он состоял членом Комитета попечительства о русской иконописи, а в Киеве служил инспектором церковно-приходских школ. 19 февраля 1901 г. из Киева он писал Шереметеву: «Люди, сочувствующие идеям Общества, подбираются, и число членов в Киеве будет достаточно, но является препятствие к открытию отдела в отсутствии пока подходящего и удобного помещения для библиотеки-читальни и чтений, которые весьма желательно здесь организовать в целях распространения в Киеве идей Общества»³⁵⁶. Однако он с сожалением отмечал, что «никак не ожидал в Киеве, этой “матери городов русских” – колыбели православия – встретить так мало людей, беззаветно преданных идеалам незабвенного Великого Государя-Миротворца, хранимым и проводимым в жизнь членами Общества ревнителей Его имени»³⁵⁷.

Георгиевский считал крайней необходимостью открытие местного отдела ОРРИП, но действовать, опираясь на администрацию генерал-губернатора, он не хотел. Деятельность М. И. Драгомирова он критиковал. «При таких обстоятельствах, – замечал Георгиевский, – открытие в Киеве отдела Общества ревнителей <...> в память императора Александра III с целью распространения и выяснения великих заслуг незабвенного Государя и тех великих благодеяний,

³⁵⁴ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 83. Л. 10, 15.

³⁵⁵ Аксенова Г. В. «Знарок русской старины»: О выдающемся исследователе древнерусского искусства, педагоге, просветителе Василии Тимофеевиче Георгиевском (1861–1923) // Московский журнал. 2017. № 9. С. 78–96.

³⁵⁶ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.

³⁵⁷ Там же.

какие дарованы русскому народу в виде института церковных школ и учреждений многочисленных и многообразных к поддержанию и утверждению исконных русских православных начал в русском народе, чистоты веры православной и преданности всему родному, истинно русскому, православному, – необходимо!!! И это дело недалекого будущего»³⁵⁸.

22 апреля 1901 г. в Совет ОРРИП была представлена записка, в которой излагалась инициатива по учреждению Киевского отдела, который мог бы разместиться в музее при Киевской духовой академии. На место председателя был рекомендован Димитрий, епископ Чигиринский и викарий Киевский. «Участие его могло бы выразиться принятием им на себя председательства Киевского отдела, если бы Совет Общества признал возможным указать на желательность особой деятельности отдела в отношении к научной разработке исторического движения церковной жизни при Государе Александре III, а равно оживления при нем церковно-просветительной деятельности, в связи с оживлением церковного искусства и изучения “старины” в духе возрождения “русских начал”. При наличности ученых сил, сплоченных под руководством Преосвященного Димитрия, возможно ожидать значительного оживления подобных исследований, вполне соответствующих духу нашего Общества, имеющего возможность поощрять таковые труды как изданием их, с согласия Совета, под своею печатью, так быть может и выдачею премий»³⁵⁹.

Однако 25 февраля 1902 г. епископ Уманский Сергей отправил из Киева телеграмму графу Шереметеву, сообщив: «Приветствуя Общество ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III в знаменательный день Его рождения», готов содействовать открытию местного отделения общества в Киеве, членами которого выразили желание быть «киевский губернатор с супругою, вице-губернатор, наместник Лавры Антоний, ректор семинарии Феодосий, профессора академии: Голубев, Дмитриевский, наблюдатель Георгиевский, преподаватель семинарии Гневашев, инженер

³⁵⁸ Там же. Л. 3–3об.

³⁵⁹ Там же. Л. 4.

Ермаков»³⁶⁰. В ответном письме председатель поблагодарил епископа за проявленную инициативу в деле создания местного отдела, однако, ссылаясь на требования Устава, указал, что необходимы заявления десяти действительных членов ОРРИП. Указанные в письма лица были членами-сотрудниками Общества³⁶¹.

Несмотря на имеющиеся сложности, Киевский отдел открылся 14 марта 1902 г. В его состав вошли 18 человек. В списке указаны действительные члены и члены сотрудники:

1. Киевский губернатор генерал-лейтенант Федор Федорович Трепов
2. Елизавета Сергеевна Трепов
3. Борис Михайлович Юзефович (член Совета ОРРИП)
4. Анатолий Викторович Гудим-Левкович
5. Юлия Николаевна Гудим-Левкович
6. Петр Петрович Извольский
7. Барон Виктор Викторович Унгерн-Штернберг
8. Павел Михайлович Гудим-Левкович
9. Профессор Алексей Афанасьевич Дмитриевский
10. Профессор Степан Тимофеевич Голубев
11. Киевский вице-губернатор барон Флор Александрович Штакельберг
12. Ректор семинарии архимандрит Феодосий
13. Преподаватель семинарии Михаил Васильевич Гневушев
14. Киевский епархиальный архитектор Евгений Федорович Ермаков
15. Настоятель Выдубицкого монастыря архимандрит Евлогий
16. Действительный статский советник Клавдий Семенович Немешаев
17. Киевский епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ
Василий Тимофеевич Георгиевский
18. Священник Климент Антонович Чемена

³⁶⁰ Там же. Л. 5.

³⁶¹ Там же. Л. 13.

Председателем был выбран епископ Сергей, товарищем председателя – киевский городской голова Василий Николаевич Прощенко, казначеем – протоиерей Павел Преображенский. Кроме избрания должностных лиц, на первом заседании местного отдела была заслушала речь М. В. Гневушева «Заповедь о мире»³⁶².

Вскоре место председателя отдела стало вакантным. Епископа Сергея перевели на Псковскую кафедру. 2 марта 1903 г. киевский отдел избрал нового председателя, ректора Киевской духовной академии Платона, епископа Чигиринского, и почетного председателя отдела – митрополита Киевского Флавиана.

В. Т. Георгиевский, поддерживавший тесные отношения с Шереметевым (их связывало сотрудничество в Комитете поощрения русской иконописи), написал председателю: «Мы избрали председателя отдела преосвященного Платона, епископа Чигиринского, ректора Киевской академии, – но так как новоприбывший митрополит Киевский Флавиан также был председателем Тифлисского отдела, то мы избрали его “почетным” председателем в Киеве. Этим мы устранили неожиданно встретившуюся коллизию с председательством, которое долго не было никем замещено после ухода в Псков пр. Сергея». О новом председателе Георгиевский написал: «Новый председатель ректор Академии преосвященный Платон человек молодой, но энергичный, и одушевлен искренним желанием быть полезным Обществу. Убеждая его принять на себя председательство в Киевском отделе, я, согласно инструкции, данной Вашим Сиятельством, ставил на вид прежде всего ту пользу, какую может принести Обществу академическая профессорская корпорация, взявшись за разработку научную сферы вопросов, какие наметило Общество ревнителей. О. ректор вполне сочувственно отнесся к этому предложению, и в недалеком будущем мы наметим пока прочесть несколько лекций, посвященных разъяснению основных идей царствования незабвенного Царя-Миротворца. Эти

³⁶² Там же. Л. 15.

чтения для интеллигентной публики предложат лучшие профессора Киев. Дух. Академии. Для того, чтобы легче привлечь их к участию в деятельности Общества, о. ректор предложил ходатайствовать об освобождении всех ближайших тружеников Общества от денежных взносов, которые иногда пугают профессоров, людей в общем нуждающихся и небогатых. В настоящее время в Академии отремонтирован обширный старинный, так называемый, Конгрегационный зал, где происходят академические ученые диспуты, – здесь же удобно могут быть предложены профессорами и лекции от имени Киевского отдела Общества ревнителей истор. просв. в память Александра III. Таким образом давнее желание Вашего Сиятельства близко ко своему осуществлению»³⁶³.

В Уставе не была предусмотрена должность почетного председателя, но ввиду исключительного случая Совет разрешил ввести эту должность.

Самый сложный вопрос касался членских взносов и освобождения от них некоторых членов ОРРИП. В Петербурге постоянно подчеркивали, что на основании ст. 24 Устава от ежегодных взносов могут в уважительных случаях быть освобождаемы члены-сотрудники. Учитывая неоднократные заявления об уменьшении размера членских взносов, Совет поддержал это пожелание³⁶⁴. Таким образом, Совет постановил: «1) состоявшееся избрание Платона, епископа Чигиринского, председателем Киевского отдела утвердить; 2) сообщить отделу, что Советом, в порядке ст. 53 Устава, будут внесены на рассмотрение чрезвычайного Общего собрания Общества соответствующие предложения об изменении и дополнении Устава в смысле уменьшения установленного размера членских взносов и предоставления местным отделам права избрания почетных председателей»³⁶⁵.

5 ноября 1903 г. Георгиевский написал председателю письмо, в котором изложил план деятельности Киевского отдела. Так, в ноябре отдел открывал

³⁶³ Там же. Л. 17 об.

³⁶⁴ Там же. Л. 20 об.

³⁶⁵ Там же. Л. 20 об.– 21.

серию публичных чтений, посвященных царствованию Александра III³⁶⁶. Первое чтение было намечено на 14 ноября в зале Киевского религиозно-просветительного общества.

В следующем письме Шереметеву он писал: «14 числа состоялось первое публичное чтение памяти Александра Третьего, привлекшее громадное стечение публики – более 1000 человек. Мне удалось привлечь на первый раз талантливейшего лектора из академической молодежи. Коротенький отчет прилагаю в виде вырезки из “Киевлянина”. Подробный отчет, а также и сведения о дальнейших предложениях Отдела мною будут представлены в Совет Общества»³⁶⁷.

В газете «Киевлянин» была напечатана новостная статья, в которой содержалось описание торжественного мероприятия. «14 ноября в зале нового дома Киевского религиозно-просветительного общества в 6 ½ часов вечера, под почетным председательством высокопреосвященного митрополита Киевского и Галицкого Флавиана состоялось заседание Киевского отдела Общества ревнителей исторического просвещения в духе Императора III. Собрание открылось речью профессорского стипендиата В. Родникова. В своей речи лектор в краткой характеристике представил величественный образ Императора Александра III и его колоссальное значение в политической жизни Европы и, в частности, России, как Государя, который положил начало новой эпохе строго национального направления государственной жизни России, могучею рукою выдвинув на первое место оставшиеся раньше в некоторой тени принципы – самодержавия, православия и народности. После речи Родникова и следовавшего за нею, прекрасно исполненного хором студентов Киевской академии, концерта Веделя “Боже, законопреступницы восташа на мя” на кафедру взошел председатель общества преосвященный Платон и предложил вниманию собрания “несколько слов” в выяснение того типа просвещения, насадителем которого был покойный Император; просвещения древне-русского,

³⁶⁶ Там же. Л. 23.

³⁶⁷ Там же. Л. 27.

начатого при Владимире св. и его “ученом” сыне Ярославле, но под влиянием сперва татарского погрома, а потом и других неблагоприятных для русской государственной жизни обстоятельств, в связи с подражанием иноземным образцам утратившего свою былую жизненную силу просвещения истинного, состоящего не в одном умственном формальном образовании, а в образовании нравственно-религиозном, коренящемся на незыблемом основании христианской веры. Такое просвещение имел в виду Император Александр III, как залог несокрушимой мощи и силы русского народа и государства. В конце своей речи преосв. Платон пригласил студенческий хор пропеть “вечную память” покойному Императору и заключил свои слова пожеланием многих лет вдовствующей Государыне со всею Ее Августейшею Семьею, представителем которой является ныне царствующий возлюбленный монарх наш Николай II, на что академический хор пропел народный гимн “Боже, Царя храни”»³⁶⁸.

На собрании присутствовали представители губернской и городской администрации, а также высшее духовенство: губернатор, городской голова, попечитель учебного округа с супругой, начальница института граф. Муравьева, управляющий палатой государственных имуществ, управляющий удельной конторы, ректор университета, помощник попечителя учебного округа, профессора духовной академии, университета и политехнического института, наставники семинарии, представители киевского духовенства, студенты. Зал был заполнен публикой, насчитывалось около 800 человек.

26 февраля 1904 г. состоялось торжественное собрание Киевского отдела в память императора Александра III, на котором выступили епископ Платон, профессор академии В. З. Завитневич, студент академии Державин. Среди присутствующих гостей был генерал-губернатор, командующий военным округом.

По этому случаю Георгиевский написал подробное письмо председателю. «Только что вернулся с торжественного собрания Киевского отдела

³⁶⁸ Киевлянин. 1903. 16 ноября. С. 3.

исторического Общества в память императора Александра III... Внезапное объявление войны так сильно всколыхнуло наш город, что Киев сделался неузнаваем. Все истинно русское, хорошее, высокоидеальное, что было заглушено шумом мелочной обыденной жизни, меркантильными интересами, преступной агитацией врагов нашего уклада, людей без родины, – все это, досель малодушно скрываемое, вдруг бурно всколыхнулось, взломало кору постыдного равнодушия и потекло широкой безбрежной рекой... В виду такого настроения Общества Киевский отдел решил 26 февраля особо торжественно почтить память незабвенного Царя Миротворца, дух которого на небесах, без сомнения, един со всей дорогой для него Россией».

«После вечерни в 7 ч. совершена была торжественная панихида по Государе Александре III, к ней присоединены были молитвы и о всех воинах, на поле брани убиенных. Затем студент Киевской академии Н. Державин произнес речь: “Национальный вопрос с христианской точки зрения”, в которой прекрасно выяснил законность особенной любви к отечеству, не противоречащей христианской любви к ближнему. Но в особенности громадный успех имела блестящая речь-импровизация проф. Академии Завитневича: “Основные начала русской народности, как культурно-исторического типа”. Начав с выяснения высокой важности переживаемого нами исторического момента, лектор блестяще закончил речь вещим стихотворением о величии будущности России и ее мировом назначении. Эта речь вывала бурный взрыв патриотического воодушевления... если угодно будет Обществу разрешить напечатать эту речь, отдел не замедлит сделать это на свой счет и выслать в Общество»³⁶⁹.

17 октября 1904 г. Георгиевский написал Шереметеву и представил план Киевского отдела по проведению чтений в ноябре: «О разрешении предстоящих публичных чтений исторического характера в духе Общества, которые будут предприняты профессорами Киевской духовной академии в текущем году по почину Общества и его Председателя, ректора Киевской духовной академии»³⁷⁰.

³⁶⁹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 83. Л. 33 об.

³⁷⁰ Там же. Л. 42.

22 октября 1904 г. на заседании Киевского отдела была прочитана лекция профессора Киевской академии А. А. Дмитриевского «В честь какой иконы Казанской Божией Матери установлен праздник 22 октября?»

Георгиевский представлял отчеты в Петербург, в которых были перечислены мероприятия, устроенные местным отделом. Совет обращался к руководству отдела прикреплять к отчету и тексты устных выступлений с той целью, чтобы опубликовать их в «Известиях» ОРРИП.

В переписке между Советом и местным отделом упоминаются публичные мероприятия ОРРИП. Протоколы заседаний местного отдела не пересылались в Петербург. Более того, информирование Совета осуществлялось в переписке митрополита Платона или в письмах Георгиевского. 14 ноября 1906 г., в день рождения императрицы Марии Федоровны, отдел устроил чтения. «При многочисленном собрании публики состоялось торжественное заседание, посвященное памяти Царя Миротворца. В ораторских речах членов отдела Гневушева и Родникова, произведших глубокое впечатление, прекрасно воспроизведен великий образ незабвенного Монарха, в особенности в его заботах о просвещении России»³⁷¹.

26 февраля 1907 г в Софийском кафедральном соборе было совершено «молитвенное поминовение незабвенному Великому Царю Миротворцу».

В архивных бумагах содержится фрагментарная переписка между Советом и местным отделом, где упоминается избрание новых членов.

Московский отдел

Московский отдел заслуживает особого рассмотрения. Делопроизводственные документы, касающиеся его функционирования, сохранились в фонде ОРРИП. Вместе с тем протоколы общих собраний и официальная переписка не позволяют в полной мере реконструировать деятельность этого отдела. Решить эту задачу помогает личная переписка

³⁷¹ Там же. Л. 52.

председателя ОРРИП графа С. Д. Шереметева и главы московского отдела И. Ф. Тютчева.

Сын известного поэта, Иван Федорович связал свою жизнь с юриспруденцией и много лет служил в судебных учреждениях, а также у московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. Пиком его карьеры стало членство в Государственном совете. По всей видимости, дружба Шереметева и Тютчева окрепла, когда граф состоял предводителем московского дворянства. Только И. Ф. Тютчеву Шереметев мог доверить создание московского отдела ОРРИП. Шереметев предложил Тютчеву вступить в Общество вскоре после его создания, потому что в ответном письме от 11 декабря 1895 г. Иван Федорович благодарил графа за то, что тот прислал устав ОРРИП, и отмечал: «Не могу не сочувствовать прекрасной мысли, руководившей учредителями Общества, и думаю, что умножение и распространение знаний по отечественной истории в духе русских начал есть лучшая дань благодарности, которую истинно русские люди могут оказать памяти царя, примером своим пробудившего в нас русское национальное чувство, много лет гложнувшее под давлением начал чуждых нашему Отечеству и нашему народу». Тютчев подчеркивал, что деятельность ОРРИП может быть исключительно полезна для воспитания детей и юношества, но при этом сетовал, что не знает, чем он в состоянии помочь начинанию, так как не располагает необходимыми для того навыками и знаниями.

По-видимому, тогда же Тютчев и вошел в состав ОРРИП, по поводу чего он с благодарностью писал Шереметеву 12 февраля 1896 г. и добавлял в конце своего послания: «Готов служить Обществу и его симпатичным целям по мере моих сил и умения, но просил бы Вас не оставлять меня Вашими указаниями и руководством».

Судя по всему, Шереметев изначально видел в Тютчеве не рядового члена ОРРИП, а лицо, занимающее в Обществе значимые позиции. Летом 1896 г. граф предложил Ивану Федоровичу вступить в совет ОРРИП, и тот с благодарностью согласился.

С конца 1896 г. Тютчев занялся созданием московского отдела. Возникавшие на этой его новой должности вопросы он обсуждал с Шереметевым. Например, через год после получения задания от Совета Общества организовать отдел в Первопрестольной он писал графу о своих текущих заботах: о том, как информировать лиц, предполагаемых к включению в московский отдел, об организации библиотек ОРРИП в Москве (по этому вопросу он считал, что такое «дело не представляет будущности здесь и, во всяком случае, потребует больших расходов для конкуренции с городскими и частными библиотеками», поэтому правильнее будет «заняться устройством от Общества библиотек при народных училищах – церковных и земских»), о курсировавших слухах о якобы «политических целях» Общества и его неблагонадежности³⁷².

Похоже, подготовительная работа по открытию московского отдела шла неторопливо. В начале 1898 г. Тютчев сообщал Шереметеву, что «подписка членов, желающих открыть отдел в Москве, идет довольно успешно», но тут же просил графа разъяснить ему слова из постановления Совета Общества, в которых говорилось о выполнении тех или иных задач, которые возлагаются на местные отделы. «По уставу права и обязанности отделов весьма ограничены и таковы, что отдел является скорее исполнительным органом совета, не могущим решать ничего самостоятельно. Что же следует понимать под выяснением способов к выполнению задач, на местные отделы возлагаемых?» – спрашивал Тютчев. И разъяснял свое недоумение: «Если отдел будет держаться в пределах устава, то связь его с советом, т[о] е[сть] с центральным учреждением Общества, будет нарушима»³⁷³.

Москвичи явно не торопились с открытием отдела ОРРИП. Примерно через три недели после отправления предыдущего письма Тютчев повторно просил Шереметева разъяснить ему непонятное для него положение из постановления Совета и одновременно сетовал на неторопливость своих земляков: «Огромное

³⁷² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1754. Л. 19–20 об.

³⁷³ Там же. Л. 21–22 об.

число членов Общества, живущих в Москве, значительно затрудняет и замедляет собирание подписей под заявлением о желании открыть отдел в Москве. К некоторым лицам, особенно подвижным, приходится посылать по десяти и более раз». При этом сам Иван Федорович признавался и в собственной занятости другими делами³⁷⁴.

Скорее всего, сразу после отправки этого письма Тютчев получил ожидавшийся им ответ от Шереметева и в самом конце января 1898 г. обратился к графу уже с новой просьбой: договориться с московским гражданским губернатором А. Г. Булыгиным, чтобы тот разрешил провести первое организационное собрание отдела у него, а также «разослать от своего имени приглашения всем наличным членам Общества в Москве». Иван Федорович также советовался с Шереметевым о кандидатуре секретаря отдела и заключал: «Вообще крайне важно, чтобы с самого начала организация местного отдела была бы сплочена с тем, чтобы недоброжелатели наши не могли бы применить к нам древнего изречения *divide et impera* (разделяй и властвуй, *лат.* — Ю.Ц.)»³⁷⁵.

Еще через несколько дней Тютчев уточнял, что Булыгин выразил готовность провести у себя учредительное собрание московского отдела. Но, чтобы не стеснять губернатора, Иван Федорович предложил провести мероприятие в помещении Училища живописи, ваяния и зодчества, совет которого он возглавлял. Также Тютчев подробно выспрашивал у графа, что именно должно произойти на этом собрании, так как некоторое непонимание действий, которые следовало совершить, у него сохранялось. Еще корреспондент председателя ОРРИП сообщал, что некоторые опрашиваемые им лица отказались подписывать ходатайство об открытии отдела, а кого-то попросту нет в Москве. Тютчев называл графу и предлагаемые им кандидатуры на должности товарища председателя отдела, а также казначея³⁷⁶.

³⁷⁴ Там же. Л. 23–24.

³⁷⁵ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–1 об.

³⁷⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1754. Л. 26–27 об.

Официальное письмо Шереметеву как председателю ОРРИП с вопросом о необходимых действиях по открытию московского отдела Тютчев послал 12 февраля 1898 г. В письме приводилась статистика по подписавшим: сколько всего, кто отказался подписать, какое число из предполагавшихся в качестве подписантов отсутствовало в Москве. Тютчев задавал графу и другие вопросы по процедуре предстоявшего собрания, снова выпрашивал своего корреспондента по поводу сохранявшихся неясностей в документах Общества³⁷⁷.

Официальное открытие московского отдела состоялось 22 марта 1898 г. На нем Тютчев был избран его председателем, товарищем председателя стал граф К. А. Бутенев, а казначеем – П. А. Янов³⁷⁸.

На следующий день Тютчев послал Шереметеву обстоятельное письмо с описанием того, как прошло первое заседание отдела. Его новоизбранный председатель сообщал, что из 63 лиц, приглашенных на мероприятие, присутствовали только 22. Он объяснял это тем, что учреждение московского отдела ОРРИП совпало с некоторыми другими собраниями в Первопрестольной; некоторые не пришли по болезни, но причиной игнорирования данного события явилось также и «равнодушие к делу, неизбежное в массе членов, принявших на себя это звание без ясного понимания целей Общества и даже без интереса к ним». Тютчев подчеркивал: «На содействие таких членов Обществу рассчитывать нечего, и на них следует смотреть лишь как на платежную силу. Не рассчитываю я в особенности на дамский элемент, весьма способный в делах чистой благотворительности, но едва ли пригодный для дела подобного нашему!»

Но самое любопытное в этом письме – это история о том, как Тютчев едва не лишился председательского места. Оказывается, присутствовавшие на заседании редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут, его сотрудник Л. А. Тихомиров и о. Иосиф Фудель предложили избрать председателем отдела

³⁷⁷ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–4, 5–6 об.

³⁷⁸ Там же. Л. 15.

управляющего канцелярией московского генерал-губернатора В. К. Истомина. При этом редактор «Московских ведомостей» вообще исключил Тютчева из числа баллотировавшихся, а остальные двое видели его в качестве товарища председателя отдела. Но в итоге голосование сложилось благополучно для Тютчева. При этом опубликованный в «Московских ведомостях» отчет о собрании был, по словам Ивана Федоровича, «суховат»³⁷⁹.

Жизнь отдела входила в обычную колею. В конце года Тютчев писал Шереметеву, что права московского отдела непременно «должны быть расширены, иначе мы рискуем иметь дело с мертворожденным учреждением». Также Иван Федорович просил графа дать характеристику «в нравственном отношении» члену ОРРИП литератору Ф. Н. Бергу: «Он был у меня два раза и мне не понравился; а прожектер он большой и, сдается мне, не без желания извлечь личные для себя выгоды», – сообщал Тютчев. И тут же добавлял: «К сожалению, Берг не единственный пример»³⁸⁰.

Через год глава московского отдела ОРРИП жаловался своему корреспонденту на раздававшиеся в его подразделении Общества призывы привнести в деятельность организации политику и однозначно утверждал, что «на такую соблазнительную приманку можно поймать многих». Далее Иван Федорович высказывал Шереметеву целый набор мыслей по поводу того, какой должна быть кадровая политика ОРРИП: «Вообще надо бы, мне кажется, принимать членов поосторожнее и только тех, которые действительно сочувствуют целям Общества, а не видят в нем исключительно средство к достижению чего-то, ничего общего с этими целями не имеющего. Боюсь, что, открыв отдел в Москве, до ясного определения характера деятельности Общества, нами сделана ошибка. Многие из членов находят узкими те средства, которыми Общество может по уставу стремиться к достижению цели. Будут несомненные попытки расширить программу, придется препятствовать этому, не имея, однако, в руках осязательных доказательств возможности достигнуть

³⁷⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1754. Л. 30–32.

³⁸⁰ Там же. Л. 38–38 об.

благоприятных результатов намеченным в уставе путем. Возникнут неудовольствия, а с ними и охлаждение к делу. Уверяю Вас, что во многих умах крепко засела мысль, что наше Общество есть крайняя правая, долженствующая вести борьбу с крайней левой! Одним словом, чувствуется наличность какого-то крупного недоразумения, и было бы весьма полезно, если бы совет выработал для всеобщего сведения программу, точно определяющую характер и направление деятельности Общества; тогда бы и поступление в члены Общества делалось бы сознательно»³⁸¹.

Состав Московского отдела с каждым годом расширялся. В апреле 1898 г. в него вошли 13 новых действительных членов. В январе 1899 г. еще 10 новых действительных членов и 6 членов-сотрудников присоединились к Московскому отделу; через немного времени, 19 февраля еще 4 действительных членов и 2 члена-сотрудника были избраны³⁸². В ноябре 1900 г. в состав Московского отдела вошли 7 новых действительных членов, среди которых значился Александр Аркадьевич Столыпин (через посредство А. М. Каткова) в качестве действительного члена и 5 членов-сотрудников. В мае 1901 г. в Московский отдел вошли 4 новых действительных членов и 1 член-сотрудник³⁸³. Ввиду многочисленности состава Шереметев предложил сформировать правление отдела. Тютчев предложил включить в правление следующих кандидатов: «Н. А. Агапов, протоиерей Иоанн Григорьевич Виноградов, А. А. Майков, Н. А. Чаев, а за отказом кого-либо из намеченных: А. С. Федоров, Л. А. Тихомиров, А. П. Новицкий, свящ. Розанов».

14 мая 1900 г. И. Ф. Тютчев написал в Совет Общества, что тульский губернатор В. К. Шлиппе заявил о желании открыть в своем имении, селе Лобанове Вереяского уезда бесплатную народную библиотеку на следующих условиях: 1) Шлиппе принимает на себя все расходы по содержанию библиотеки, кроме снабжения библиотеки книгами, которое «должно быть

³⁸¹ Там же. Л. 45 об.–44.

³⁸² РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 84. Л. 27–28.

³⁸³ Там же. Л. 55.

отнесено на счет Общества»; 2) Шлиппе принимает на себя ответственность за библиотеку, возлагает непосредственное заведывание ею на своего старшего сына Карла, земского начальника в Верейском уезде. В случае получения от Совета согласия И. Ф. Тютчев был готов ходатайствовать об открытии библиотеки³⁸⁴.

К сожалению, о работе Московского отдела мало что известно. Более того, на имя Шереметева поступило анонимное письмо, в котором обращалось внимание на бездействие председателя местного отдела. «Около двух лет существует в Москве отдел Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III <...> до сих пор отдел этот ни разу не собирался. <...> бездействие Московского отдела представляется крайне прискорбным и тем более в Москве – в сердце России столь любимой незабвенным Государем. Бездействие это однако же искусственное и порожденное недоразумением. Благоразумная осторожность председателя отдела оградила Общество от нежелательных случайностей». Далее автор видит выход из создавшегося положения, если московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович окажет внимание и поддержку отделу, что сплотило бы членов отдела и мобилизовало бы их деятельность³⁸⁵.

В переписке Тютчева и Шереметева обсуждались трудности в работе Московского отдела. Настойчиво просился включить его в состав отдела историк Д. И. Иловайский и напрямую написал об этом председателю. Тютчев не скрывал раздражения: «Если историк Иловайский желает быть полезным Обществу, то никто ему в этом не мешает, лишь бы только он делал свое дело без задних мыслей и без самообожания. Меня он знает, но ко мне не обращался. – Что касается его желания принимать ближайшее участие в отделе, то скажу Вам откровенно, что я именно и боюсь Иловайских со всей компанией пишущей братии, т.к. они-то и одержимы самомнением, духом нетерпимости и другими столь же нелюбезными качествами, которые делают общение с ними крайне

³⁸⁴ Там же. Л. 40.

³⁸⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4120. Л. 1.

трудным и опасным»³⁸⁶. Тютчев видел опасность в приглашении работать в отделе людей, подобных Иловайскому, поскольку это может привести к расколу общества ввиду их пререканий и требований. Тютчев понимал, но ничего не мог сделать с затянувшейся паузой в работе отдела, «Должен признаться однако в своем бессилии предотвратить возможные осложнения и глубоко убежден в необходимости уступить председательствование в отделе лицу преданному задачам Общества столь же как и я, но пользующемуся авторитетом среди пишущей братии и могущему держать их в руках»³⁸⁷.

23 марта 1901 г. состоялось первое заседание московского отдела. Тютчев подробно рассказал Шереметеву, как проходило заседание и какие вопросы были подняты. «Я воспользовался случаем, чтобы подробно ознакомить присутствовавших с деятельностью Общества и с теми записками, которые были получены в разное время от Совета. – Обсуждались вопросы по всем отраслям деятельности Общества и особенно подробно вопрос о каталогах для народных читален, – вопрос весьма существенный ввиду открывающихся в Москве и в Московской губ<ернии> Попечительств о трезвости. – Может быть было бы полезно и возможно войти в соглашение с этими Попечительствами и пользуясь их средствами открывать народные читальни под руководством и надзором Общества. Что Вы об этом думаете? <...> Мои сочлены по Отделу весьма заинтересовались также вопросом об создании чего-либо вроде журнала для народного чтения, причем была выражена уверенность, что сотрудники для такого издания найдутся, особенно если для выхода его в свет не будет заранее установлено определенных сроков. – Вообще, интерес к делу кажется имеется, но дорожа теперешними членами в смысле лиц компетентных во многих вопросах, я не могу рассчитывать на них как на работников. Для этого придется обратиться к членам-сотрудникам. В состав Комиссии сочлены мои пожелали пригласить Иловайского, Трутовского и Кожевникова. – О двух последних, не зная их, ничего сказать не могу. Иловайского же боюсь как человека крайне

³⁸⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1754. Л. 54–55.

³⁸⁷ Там же. Л. 55 об.

самолюбивого и тяжелого. С другой стороны, среди членов Общества, живущих в Москве, он один историк, и трудно будет отклонить его кандидатуру»³⁸⁸.

Структура местного отдела прорабатывалась, вместо правления были учреждены совещательная и исполнительная комиссии, куда вошли П. И. Бартнев, А. А. Майков, Н. А. Чаев и о. Виноградов. Секретарские обязанности исполнял В. А. Кожевников³⁸⁹.

Такого строгого учета взносов, как, например, в Бежецком отделе, не было. Председатель напомнил о взимании членских взносов за прошедшие годы. Тютчев отправил сведения в канцелярию Совета: поступили членские взносы от кн. М. Н. Оболенской 20 руб. за 1898 г.; П. В. Жуковского 40 руб. за 1897 и 1898 гг. Он попросил выделить ему сумму на почтовые и канцелярские расходы³⁹⁰. Его просьба была удовлетворена: была выделена сумма 100 руб.

Серпуховский отдел

11 сентября 1898 г. в канцелярию Общества поступило заявление от уездного предводителя дворянства Петра Михайловича Рюмина, подписанное десятью членами ОРРИП, проживавших в Серпуховском уезде Московской губернии, о желании открыть в Серпухове местный отдел. В списке значились 10 заявителей: кроме П.Н. Рюмина, земский начальник городской управы А. К. Тарновский, граф А. А. Орлов-Давыдов, священник Симеон Поспелов, С. П. Каткова, кн. В. Шаховская, А. Д. Свиблов, А. Д. Хутарев³⁹¹. Это заявление было поддержано в Совете Общества. Затем завязалась переписка между Шереметевым и московским генерал-губернатором в. к. Сергеем Александровичем о разрешении учредить местный отдел в Серпухове.

Первое заседание Серпуховского отдела состоялось 22 мая 1900 г. На нем были избраны председатель П. М. Рюмина, товарищ председателя В.Е. Чельцов и казначей А. К. Тарновский. На этом собрании также были утверждены:

³⁸⁸ Там же. Л. 78 об.–79 об.

³⁸⁹ Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. 1902. 26 февраля. № 4. С. 9.

³⁹⁰ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 84. Л. 31.

³⁹¹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.

действительным членом архимандрит Высотского монастыря Тихон, в звании членов-сотрудников Федор Алексеевич Ульянин и Дмитрий Васильевич Карпов. Священник Симеон Поспелов предложил устроить в своем доме библиотеку на средства Общества³⁹².

На следующем собрании, 19 ноября 1900 г. обсуждалась программа торжественного заседания 26 февраля, в день рождения императора Александра III. Собрание обсудило брошюру Шереметева «Очерк о главных основаниях деятельности местных отделов Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III». Собрание выслушало предложение члена-сотрудника А. К. Тарновского и постановило: по поводу открытия Серпуховским отделом библиотек при чайных Попечительства о народной трезвости «предложить отделу Попечительства составлять свои библиотеки исключительно из изданий Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III и одобренных таковым, ввиду сего просить Общество о присылке хотя бы одной образцовой библиотеки – бесплатно»³⁹³.

С целью популяризации деятельности ОРРИП священник Симеон Поспелов на заседании Общества любителей изящной словесности, наук естественных и исторических, проведенном при серпуховской Александровской гимназии, прочитал доклад об Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III и о Серпуховском его отделе. Он это сделал для распространения сведений о целях Общества и для привлечения новых членов. Доклад его длился 1 час с четвертью и «был выслушан публикой с живым интересом». По словам Поспелова, «состав слушателей был самые избранные в городе и уезде лица»: предводитель дворянства, духовные лица, члены уездной земской управы, члены уездного окружного суда, земские

³⁹² Там же. Л. 15.

³⁹³ Там же. Л. 19.

начальники, директор гимназии, преподаватели мужской и женской гимназии, представитель Серпуховского уездного учительского совета, офицеры и т.д.³⁹⁴

Протоколы заседаний местного отдела пересылались в Петербург нерегулярно, вследствие чего сложно восстановить ход его деятельности.

Тифлисский отдел

14 мая 1900 г. советом ОРРИП было выражено согласие на учреждение отдела в Тифлисе, согласно заявлению от 20 членов Общества.

25 мая 1900 г., в день рождения императрицы Александры Федоровны, экзархом Грузии, архиепископом Флавианом был открыт Тифлисский отдел. Затем редактор газеты «Кавказ» В.Л. Величко прочитал написанное к этому дню стихотворение «Русская идея». В заключение действительным членом ОРРИП о. Иоанном Восторговым было произнесено слово, поясняющее задачи и просветительное значение открываемого отдела на Кавказе. Затем прошли выборы должностных лиц отдела. Председателем был избран экзарх Грузии Флавиан, товарищем председателя – К. П. Яновский, казначеем – Л. Л. Марков. В делопроизводители был приглашен Б. С. Эсадзе³⁹⁵.

С переводом в 1901 г. архиепископа Флавиана в Харьковскую и Ахтырскую епархию место председателя стало вакантным. Возникла необходимость проведения выборов. На место председателя избрали Л. Г. Лопатинского, товарищем председателя – протоирея Иоанна Восторгова, казначеем – С. А. Голубаева, делопроизводителем – преподавателя семинарии И. А. Кленова³⁹⁶.

В Тифлисском отделе была изначально продумана структура, и сформированы совещательная и распорядительная комиссия, в состав которой были утверждены следующие лица: ректор духовной семинарии архимандрит Никандр; Н. П. Исаев; С. А. Голубаев и В. М. Черданцев.

³⁹⁴ Там же. Л. 25 об.

³⁹⁵ Известия. 1901. 10 июня. № 3. С. 9–10.

³⁹⁶ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 7. Л. 74 об.

К 1904 г. в составе Тифлисского отдела состояли 29 действительных членов и три члена-сотрудника.

Далеко не все отчеты о деятельности пересылались в Петербург, делопроизводственная документация во многом фрагментарна.

Известно, что ежегодно проводились торжественные собрания 26 февраля, в день рождения императора Александра III. В 1901 г. была подготовлена следующая программа: панихида, затем речь протоиерея Иоанна Восторгова, посвященная Александру III, после хор воспитанников гимназии, чтение В. А. Потто «Воспоминание о пребывании императора Александра III в Тифлисе в 1888 году», завершилось собрание исполнением гимна³⁹⁷. В 1902 г. чтения были перенесены на 8 марта по случаю начала великого поста 26 февраля. Сценарий чтений был прежним, панихиду служил экзарх Грузии Алексей, протоиерей Иоанн Восторгов прочитал доклад «Церковная деятельность на Кавказе в царствование императора Александра III»³⁹⁸.

За отчетный 1903 г. деятельность отдела была направлена на привлечение в Общество новых членов. В отчетном году членами ОРРИП стали: инженер путей сообщения Иосиф Александрович Гайдебуров; Григорий Григорьевич Шермеревич, учитель 3-й мужской гимназии; Михаил Алексеевич Миропиев, директор горийской учительской семинарии; Ипполит Николаевич Смирнов, окружной инспектор Кавказского учебного округа; Александр Иванович Славинский, помощник смотрителя Кутаисского духовного училища; Александр Петрович Смердынский³⁹⁹.

Второй вопрос касался открытия библиотеки в Переселенческом пункте: принципиально он был решен отделом и одобрен Советом ОРРИП. С получением разрешения на открытие здесь библиотеки планировалось проведение народных чтений. Преподаватели духовной семинарии В. К. Воскресенский и И. А. Кленов выразили желание вести чтения для народа в

³⁹⁷ Известия. 1902. 26 февраля. № 4. С. 10.

³⁹⁸ Известия. 1904. 26 февраля. № 5. С. 11.

³⁹⁹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 7. Л. 75.

помещении библиотеки как для самих переселенцев, так и для местных обитателей⁴⁰⁰.

Местный отдел занимался подготовкой регулярных (по воскресным дням) «народных религиозно-нравственных чтений»; организационными вопросами ведал ректор семинарии архимандрит Никандр. Чтения проходили в церковной столовой для рабочих железнодорожных мастерских. В отчете отмечалось: «Железнодорожное начальство, сочувственно отнесшись к открытию народных чтений религиозно-нравственного и исторического характера, озабочено теперь приспособлением какого-либо помещения под аудиторию для сих чтений и, в крайнем случае, готово отделить помещение храма от алтаря подвижною перегородкою, чтобы таким образом возможно было не только вести исторические чтения, но и иллюстрировать оные туманными картинами. Когда таковое помещение будет найдено, или алтарь в столовой будет отгорожен подвижною стеною, можно будет начать чтения специально по истории русского государства с иллюстрацией их туманными картинами. Местное население, равно как и сами рабочие в железнодорожных мастерских, довольно охотно уже и теперь посещают чтения, и количество слушателей постепенно увеличивается и разнообразится в своем составе. Чтения же по истории русского государства с иллюстрацией их туманными картинами, несомненно, привлекают большое количество слушателей»⁴⁰¹.

На общих собраниях отдела устраивались публичные чтения с целью знакомить публику с задачами и целями Общества, представлялись рефераты членами ОРРИП.

Первый реферат «Православная миссия в Японии» был прочитан протоиереем Иоанном Восторговым на общем торжественном собрании отдела 26 февраля 1903 г., посвященном императору Александру III⁴⁰². Собрание

⁴⁰⁰ Там же. Л. 75 об.

⁴⁰¹ Известия. 1904. 26 февраля. № 5. С. 27.

⁴⁰² РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 7. Л. 76 об.

завершилось концертной программой, исполненной хором певчих архиепископа Алексия, экзарха Грузии.

Второй реферат «О значении публицистической деятельности В. Л. Величко» был прочитан Н. П. Исаевым на общем собрании членов отдела 7 февраля 1904 г.

20 октября 1904 г. был прочитан третий реферат «Памяти Царя Миротворца» протоиереем Иоанном Восторговым на общем собрании в десятилетнюю годовщину со дня кончины Императора Александра III. В этот день архиепископ Алексей, экзарх Грузии, совершил в Александро-Невском военном соборе заупокойную литургию, а после нее и панихиду «по в Бозе почивающем императоре Александре III». Концертная часть программы общего собрания была исполнена хором певчих экзарха Грузии Алексия.

Четвертый реферат «А. С. Хомяков как выразитель русского миросозерцания» был прочитан А. В. Васильевым.

Все собрания местного отдела проходили в зале 1-ой женской гимназии.

В отличие от других отделов, Тифлисский сотрудничал с православными обществами и Обществом вспомоществования русским переселенцам в Закавказье. Так, члены последнего приглашались на торжественное собрание 26 февраля 1904 г. и на общие собрания членов отдела, посвященные выслушиванию чтений и рефератов⁴⁰³. Как было замечено в отчете, «нравственная связь и сплоченность членов указанных Обществ дает силу, энергию и взаимную поддержку и подкрепление членам их постепенно, но неуклонно совершать в Закавказском крае “истинно русское дело”, составляющее главную задачу и цель того и другого Обществ, только с различных (но не отличных) сторон»⁴⁰⁴. Было установлено взаимодействие с Обществом любителей православного церковного пения (участвовали в концертной программе торжественного собрания 26 февраля 1904 г.), миссионерским духовно-просветительским Братством, Обществом восстановления православия на Кавказе; два последних Общества были готовы

⁴⁰³ Там же. Л. 77.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 77 об.

направлять лекторов в переселенческий пункт, где есть народная библиотека, для ведения религиозно-нравственных и исторических чтений⁴⁰⁵.

Томский отдел

Отдел был образован благодаря активной деятельности томского губернатора А. А. Ломачевского (1848–1921). За пятилетний период (1895–1900) руководства Томской губернией Асинкрит Асинкритович осуществил немало преобразований, касавшихся губернского административного управления, переселенческой политики правительства, строительства железных дорог, народного образования, особенно начального⁴⁰⁶. В существующей биографической литературе о Ломачевском вообще не упоминается факт создания местного отдела ОРРИП. Деловой стиль и вместе с тем дисциплинированность, выработанная в годы военной службы, наложили отпечаток на модель поведения томского губернатора. 18 января 1899 г. он написал Шереметеву письмо, в котором поделился планами создания местного отдела Общества ревнителей, и выразил надежду в марте этого года сделать предложение в Совет Общества об учреждении Томского отдела⁴⁰⁷.

27 апреля 1899 г. Ломачевский отправил Шереметеву две телеграммы с сообщением списка лиц, «изъявивших желание быть членами Общества», среди которых были епископ Томский и Барнаульский Макарий, начальник работ построек железной дороги Меженинов, начальник Средне-Сибирской железной дороги Валуев, начальник Томского жандармского управления полковник Новицкий, управляющий государственными имуществами действительный статский советник Ступишин, управляющий акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области статский советник Баженов, управляющий Томской казенной палатой коллежский асессор Храновский, ректор Томского университета Судаков, помощник начальника Томского округа путей сообщения

⁴⁰⁵ Известия. 1904. 26 февраля. № 5. С. 25.

⁴⁰⁶ Ломачевский Асинкрит Асинкритович // Гахов В. Д., Яковенко А. В. Томские губернаторы. Томск, 2012. С. 145–153.

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.

Чернышов, профессор Томского университета Роговин, редактор-издатель газеты «Сибирская жизнь» Макушин, которые желали быть действительными членами Общества.

11 человек изъявили желание быть избранными в члены-сотрудники, и среди них: ректор Томской духовной семинарии архимандрит Григорий, непременные члены по крестьянским делам Томского губернского управления советники Дуров и Томашинский, губернский инженер, архитектор, ветеринар, крестьянские начальники и директор Томского реального училища Тюменцев.

К этому было добавлено, что «по утверждении поименованных членов будет учреждено Томское отделение Общества»⁴⁰⁸ Получив эту телеграмму, Шереметев ответил, что предложение губернатора будет безотлагательно доложено ближайшему заседанию Совета, и просил отдельным письмом сообщить имена и отчества лиц.

12 мая 1899 г. Шереметев отправил Ломачевскому телеграмму и письмо, сообщив об избрании действительными членами ОРРИП епископа Макария, Н. П. Меженинова, Ф. М. Валуева, Н. Е. Новицкого, В. С. Ступишина, С. М. Баженова, И. Н. Хроновского, А. И. Судакова, М. С. Чернышева и Н. А. Роговича и членами-сотрудниками архимандрита Григория, Дурова и Томашинского, барона Бруннова, Игнатовского, Еремеева, Э. Э. фон Шульман, Хомича, Райского, Барока и Г. К. Тюменцева⁴⁰⁹. Председатель просил губернатора составить программу деятельности местного отдела.

Во исполнение этого поручения А. А. Ломачевский созвал предварительное совещание ОРРИП 22 ноября 1899 г., результатом которого были определены следующие задачи: распространять сведения о целях Общества; привлекать новых членов; принимать меры к увеличению материальных средств. Относительно специфики местного отдела – собирать и разрабатывать материалы, относящиеся к заселению Сибири, в связи с узаконениями и правительственными распоряжениями в правление Александра III; принимать

⁴⁰⁸ Там же. Л. 3–4 об.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 7–8.

меры к распространению народных библиотек Общества⁴¹⁰. В Петербурге с энтузиазмом откликнулись на предложения томского губернатора, разрешили открыть местный отдел и созвать первое заседание.

Уже 9 февраля 1900 г. Ломачевский созвал первое собрание членов Томского отдела, на котором присутствовали епископ Томский и Барнаульский Макарий, граф Н. Л. Муравьев, полковник Н. В. Новицкий, М. С. Чернышев, А. А. Райский, Г. К. Тюменев, А. В. Дуров, А. А. Бруннов, Г. А. Игнатъевский, М. Н. Еремеев. На собрании единогласно избрали председателем отдела томского губернатора Ломачевского, товарищем председателя графа Муравьева, казначеем и заведующим делопроизводством отдела коллежского асессора М. Н. Еремеева⁴¹¹.

Состав Томского отдела заметно отличался от других отделов своей представительностью и многочисленностью. Председательство для томского губернатора не было номинальным: используя административный ресурс, он привлек местное чиновничество и служащих железной дороги. Программа деятельности отдела была выработана им же. Ломачевский предложил учредить премию за лучший учебник для деревенской школы грамоты «в духе русских начал, проявленные в славном царствовании Александра III», заявив, что для указанной цели в его распоряжении имеется 1000 руб. Собрание, «отнесшись вполне сочувственно к высказанному председателем местного отдела предположению, постановило учредить из сведущих лиц, под председательством товарища председателя Томского отдела <...> графа Н. Л. Муравьева, особую комиссию для выработки, с одобрения епископа Томского и Барнаульского, программы упомянутого выше учебника»⁴¹².

В соответствии с решением 1-го заседания Томского отдела была образована особая комиссия под председательством товарища председателя отдела Муравьева для выработки учебника для деревенских школ грамоты. 20

⁴¹⁰ Там же. Л. 12 об.

⁴¹¹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 4. Л. 36; Д. 89. Л. 16.

⁴¹² РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 4. Л. 36; Д. 89. Л. 16 об. Известия. 1902. 20 октября. № 2. С. 3.

февраля 1901 г. Муравьев созвал заседание комиссии, в котором приняли участие ректор Томской духовной семинарии архимандрит Григорий, смотритель Томского духовного училища А. М. Курочкин и инспектор Томской классической гимназии И. М. Курочкин. Председатель комиссии предложил на окончательное обсуждение выработанную программу учебника для деревенских школ грамоты. Комиссия постановила: «Утвердить таковую и передать для дальнейшего направления в местный отдел Общества»⁴¹³.

Большой интерес представляет программа учебника. Вот содержание отделов:

«А. Букварь: желательно силлабический как наиболее легкий для преподавания. Букварь должен быть по возможности кратким; в конце букваря молитвы: во имя Отца, Царю небесный, Святый Боже, Пресвятая Троице, Отче наш, Богородице Дево, Спаси люди Твоя. Молитвы – на церковно-славянском и на гражданском языках; скорописная азбука.

Б. Статьи для чтения: а) Закон Божий. – Самые существенные сведения из Ветхого Завета: сотворение мира, грехопадение, потоп, избрание Авраама, Синайское законодательство, Цари и пророки еврейские; из Нового Завета: двенадцатые праздники, по ним история Нового Завета; апостолы и евангелисты, значение наиболее чтимых святых: Николая чудотворца, трех святителей, Кирилла и Мефодия, Сергия Радонежского; катехизические сведения: заповеди, Символ веры, богослужение, главные молитвы на церковно-славянском языке. б) Родиноведение: географическо-политические сведения: первоначальные понятия о земле; страны и части света; место, занимаемое Россией в географическом отношении, глава государства, состав Российской империи в общих кратких чертах: т.е. центры и окраины, столицы, главные реки и моря, выдающиеся города.

История. Образование государства Российского. Новгород, перенесение столицы в Киев, крещение Руси; монгольское иго, Московская Русь. Избрание

⁴¹³ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 89. Л. 20.

дома Романовых на царство, перечень всех царствовавших из дома Романовых, выдающиеся царствования Петра I, Екатерины II, краткая история от Александра I до настоящего времени в) Литература: пословицы, стихотворения, басни, патриотические рассказы. г) Сведения по медицине, гигиене, прикладным знаниям, необходимым в крестьянском обиходе, а также уяснение различных мер: веса, длины, сыпучих тел и т. д. д) Самые краткие сведения о форме государственного управления и о тех государственных учреждениях, с которыми крестьянам приходится иметь сношения; о крестьянском управлении: волостной суд, староста, старшина, отбытие воинской повинности, льготы, предоставленные по семейному положению, и права, предоставляемые образованием. е) Краткая арифметика: 4 арифметические правила и задачник.

В общем, книга для чтения не должна вмещать больше 5 печатных листов, или 160 страниц печатных в 1/8 листа и должна заключать три шрифта: крупный, средний и обычный. Крупный для букваря, средний для первой половины книги для чтения – до литературы, а с литературы – обычный. Для удобства пользования этим учебником и в видах лучшего его собрания каждый из указанных отделов должен составлять отдельную книжку, а все три книжки могут помещаться в одной папке»⁴¹⁴.

Ломачевский получил назначение в Тургайскую область и отбыл туда в конце февраля 1900 г. Заведовать делами было поручено графу Н. Л. Муравьеву. 2 марта 1901 г. состоялось второе заседание отдела, на котором была одобрена программа учебника, правила присуждения премии за лучший учебник для деревенской школы грамоты в размере 1000 рублей. Очевидно, согласование конкурса на лучший учебник с Советом Общества заняло несколько месяцев.

В апреле 1902 года Общество напечатало объявление в газете «Свет» о конкурсе на премию в 1000 рублей за составление лучшего учебника для начальных народных училищ⁴¹⁵. Фактически была представлена одна заявка от В. А. Тернавцева. Составленный им учебник был предложен Совету Общества,

⁴¹⁴ Там же. Л. 22.

⁴¹⁵ Свет. 1902. 13 апреля.

князю Д. П. Голицыну на рассмотрение⁴¹⁶. По всей видимости, инициатива с проведением конкурса на составление учебника не была реализована.

В 1902 г. последовали изменения в составе Томского отдела: товарищ председателя граф Н. Л. Муравьев оставил Томск и перешел на службу в Вологду. В связи с этим в декабре 1902 г. Шереметев отправил письмо епископу Томскому и Барнаульскому Макарию, в котором писал: «С переездом председателя Томского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III А. А. Ломачевского в Тургай и товарища председателя графа Н. Л. Муравьева в Вологду деятельность Томского отдела прекратилась. Желая сохранить существование сего отдела, позволю себе обратиться к Вашему Преосвященству с покорнейшею просьбою не отказать принять на себя труд созвать Общее собрание гг. членов Томского отдела для избрания председателя и товарища председателя сего отдела»⁴¹⁷.

20 апреля 1903 г. было созвано третье заседание Томского отдела. На нем присутствовали члены-сотрудники – А. А. Райский, А. В. Дуров, С. В. Хомич, М. Н. Еремеев. По приглашению епископа принимали участие лица, изъявившие согласие вступить в члены ОРРИП: «Н. С. Боголюбский, баронесса М. Г. Дельвиг, игуменья Зинаида, архимандрит Иннокентий, архимандрит Иона, А. Я. Яковлев, К. Н. Евтропов, протоиерей Д. Н. Беликов, статский советник А. М. Курочкин, священник С. А. Ивановский, А. П. Смердынский»⁴¹⁸. На должность председателя отдела был избран епископ Томский и Барнаульский Макарий, товарищем председателя – Н. С. Боголюбский, казначеем – А. М. Курочкин, делопроизводителем – А. П. Смердынский. На собрании утвердили задачи, которые были сформулированы предшественниками, и добавили еще одну – устройство народных чтений.

В конце декабря 1903 г. епископ Макарий уведомил Совет об устройстве в Томске народных чтений исторического содержания. Однако начавшаяся

⁴¹⁶ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 89. Л. 29.

⁴¹⁷ Там же. Л. 24.

⁴¹⁸ Там же. Л. 30.

Русско-японская война нарушила планы местного отдела, и народные чтения были отменены.

Тульский отдел

О Тульском отделе сохранились краткие сведения. Председателем был губернский предводитель дворянства А. А. Арсеньев. На собрании 22 октября 1899 г. был избран казначей – М. Т. Яблочков, директор народных училищ. Затем был заслушан доклад П. П. Синегуба об организации передвижных систематических чтений по русской истории. Между отделом и Петербургом велась переписка относительно распоряжения собранными членскими взносами. В отделе деликатно настаивали на финансовой самостоятельности, однако Совет, напротив, считал, что собранные взносы должны быть пересланы в Петербург для решения общих задач деятельности ОРРИП, необходимая сумма на текущие расходы могла быть возвращена⁴¹⁹.

⁴¹⁹ Известия. 1901 10 июня. № 3. С. 8.

Заключение

Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III стало организацией, которая на протяжении примерно двух десятилетий отстаивала и пыталась пропагандировать политические ценности, которые обычно считаются консервативно-охранительными. Однако эти ценности было бы точнее идентифицировать как соответствующие эпохе царствования Александра III, в которую модернизационные преобразования, осуществлявшиеся сверху, просто изменили свое содержательное наполнение. Самодержавная власть продолжала поддерживать и стимулировать развитие реального сектора экономики, прежде всего индустрии, но решительно прекратила любые шаги даже не в направлении каких-либо конституционалистских перемен в духе последних инициатив министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, но и для развития начал самоуправления, введенных земской реформой 1864 г. Обозначились и перемены в управлении общественным мнением: усилился контроль над печатью, либеральные мировоззренческие установки и тем более их трансляция оказались нежелательными. Причем все эти рестриктивные меры объяснялись необходимостью борьбы с «крамолой» после убийства Александра II, но в действительности их предназначение было гораздо глубже: скорректировать модернизационный курс Великих реформ и свести его к сугубо материально-хозяйственной стороне жизни, к промышленному и научно-техническому контуру.

Но в контексте общей логики развития бюрократической и вестернизированной самодержавной государственности, в которой именно служебное начало неизбежно становилось основным модернизатором – проводником классической модели развития, в которой совершенствование материальной сферы жизни немислимо без социально-политической эмансипации, – такая ограниченная, управляемая, селективная модернизация была просто невозможна. Стабилизирующая корректировка курса, которая

произошла в 1881 г., объективно отвечала ценностным запросам представителей самых разных слоев общества – от аристократии до городских обывателей. В ситуации общественного шока от убийства императора подобные представители оказались в лидерах общественного мнения, а их оппоненты, придерживавшиеся ценностей либо проявленной, либо латентной эмансипации, были вынуждены согласиться с такой корректировкой.

Однако, поскольку в 1881–1894 гг. экономическое развитие России не просто продолжалось, но и набирало темпы, и, соответственно, нарастал стимулируемый этим развитием запрос (пусть и латентный) на либерализацию, то после кончины Александра III и во многом в связи с неготовностью его сына к исполнению своего царского служения, адекватного тем представлениям о верховной власти, которые сформировал его отец, искусственная задержка либерализации вызвала взрывной запрос на нее буквально сразу после смены самодержцев.

В общественном мнении страны этот запрос был ощутимым. Поскольку весь опыт реформаторства к тому моменту ассоциировался с Великими реформами, то этот запрос оказался неизбежно ретроспективным, с оглядкой на эпоху до 1881 г. То есть актуально возможные перемены мыслились в историческом формате как повторение или продолжение того, что уже было несколько лет назад. Точно таким же ретроспективным стал и положительный идеал тех сил, которые выступали с апологетикой царствования Александра III. Получалось, что идеологические оппоненты противостоят друг другу прежде всего именно в пространстве памяти. Поэтому нараставший между ними идейный конфликт имел явственный коммеморативный оттенок: положительным идеалом воспринималось либо время до 1881 г., либо время после 1881 г., но в обоих случаях это было прошлое, историческое время. Поэтому в конце 1894 г. в русском обществе четко обозначился подобный конфликт памяти.

С одной стороны, резко активизировались радикальные оппоненты самодержавной системы, проживавшие в эмиграции. Стали появляться

памфлеты, в которых на грани приличия бичевалась самодержавная система, дошедшая до апогея, как считали авторы этих памфлетов, именно при Александре III. В данном случае не важно, что вырисовывавшаяся в этих памфлетах картина была далека от действительности. Главное, что транслировавшийся в них ретроспективный взгляд выполнял мемориализаторскую функцию, в данном случае негативную.

С другой стороны, параллельно с такой негативной мемориализацией предпринимались попытки и внешне объективистской коммеморации. Этим занимались западные авторы и журналисты. Безусловно, и эта коммеморация, как и любая работа с памятью, содержала в себе субъективные искажения, обусловленные хотя бы штампами о России, бытовавшими в западном общественном мнении. Но эти начинания интересны именно тем, что они ориентировались именно на определенное форматирование памяти. Первая посмертная биография Александра III, написанная журналистом из Великобритании Чарльзом Лоу, «Александр III – [император] России», может восприниматься как классический образец конструирования памяти. Автор собрал источники, провел их идеологически обусловленную селекцию, переформатировал содержащуюся в них информацию и создал совершенно новый образ как самого монарха, так и эпохи его правления.

Наконец, с третьей стороны, апологеты прервавшегося в октябре 1894 г. царствования с присущими ему определенными политическими идеалами, обращенными в прошлое России, исходили из представлений о недопустимости адаптации в империи западного конституционализма (но при этом представлений по своему содержанию отнюдь не антизападных, воспринимавших европейскую культуру как неотъемлемую часть культуры христианской). Они ощутили шаткость своего положения и реальную возможность возобладания в среде бюрократии сил, способных развернуть верховную власть в сторону продолжения Великих реформ, и предприняли попытки консолидироваться и выработать собственную идеологическую повестку. Такая повестка также сводилась к работе с прошлым – формированию

его идеологически выверенных истолкований и их трансляции как в пространство власти (императору, его династическому и бюрократическому окружениям), так и в общество, причем в разные его сегменты, в том числе и в среду крестьянского большинства населения. Для этой цели осенью 1895 г. и было создано ОРРИП.

Коммеморативные практики общества имели форму исторического просвещения, то есть создания и распространения продукции двух уровней. Во-первых, сугубо популяризаторской, просветительской, рассчитанной на восполнение пробелов в общественных представлениях об истории – как совсем недавней, относящейся к царствованиям Александра III и Александра II, так и более отдаленной. Во-вторых, более специальной, также популяризаторской, – но в режиме исправления навязанных либеральными историками представлений, ликвидации «белых пятен», распространения сведений об архивных находках, которые существенно уточняют представления о прошлом.

ОРРИП сразу взяло планку очень высокую по своей интенсивности и по широте фронта проводимых работ. В этом смысле оно качественно отличалось от элитарного Императорского Русского исторического общества, работавшего в гораздо менее интенсивном режиме и не ставившего себе столь масштабных пропагандистских задач. Представительная номенклатура наименований печатной продукции ОРРИП, а также его делопроизводственная документация свидетельствуют об интенсивности проводившейся им работы.

Коммеморативная доминанта в работе ОРРИП проявлялась в том числе и в том, что практики мемориализации героев прошлого (в первую очередь – Александра III) распространялись и на современность – на уходивших из жизни видных членов общества. Их памятование становилось во многом отраженным светом от памятования скончавшегося императора.

Энергичная работа ОРРИП по всем заявленным в его уставе направлениям, особенно в период до политического кризиса 1905–1906 гг. и вызванных им реформ, стала возможной во многом благодаря тому, что у его руля находились яркие и одержимые этим предприятием личности. Первым в этом ряду был граф

С. Д. Шереметев. Близкий к Александру III и его семье, он и после его смерти сохранил доверительные отношения с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Будучи исключительно чутким в политическом отношении, Шереметев одним из первых в аристократических кругах империи почувствовал неизбежность именно политических перемен после ухода Александра III и всеми силами противостоял той части политической элиты (как аристократической, так и просто из числа представителей высшей бюрократии), которая стремилась распространить реформы и на политическую сферу. Близким сподвижником Шереметева на первых порах были граф А. А. Голенищев-Кутузов и Д. С. Сипягин. В руководстве ОРРИП состояли и видные деятели науки и культуры.

Однако Обществу, как носителю именно консервативного политического идеала, были присущи все те родовые дефекты, которые в дореволюционной России имелись у представителей этого политического сегмента, а именно – межличностные противостояния, подогреваемые амбициями и нежеланием уступать даже своим единомышленникам, недостаточная квалификация в рутинной работе, конъюнктурность, выражавшаяся в неустрашимом стремлении улавливать посылы, исходившие от престола и тех лиц, которые в тот или иной момент оказывались к этому престолу приближены. Все эти проблемы сполна проявились в истории с подготовкой биографии Александра III и конкуренцией за право ее написания между историками В. Н. Лясковским и С. С. Татищевым.

Заявленным уставным целям организации соответствовала и ее развитая структура, состоявшая как из подразделений по профилям деятельности, так и из вертикали: центральное руководство (Совет) – местные отделы. В функционировании этой структуры проявились как сильные, так и слабые стороны ОРРИП.

Сильные стороны заключались в собственно бюрократической составляющей деятельности организации, в трансляции решений ее руководства и их исполнении профильными отделениями и местными отделами.

Слабые стороны сводились к тому, что любая практическая деятельность ОРРИП – будь то по горизонтали (работа по направлениям) или по вертикали

(исполнение местными отделами распоряжений руководства) – неизбежно наталкивалась на стремительно усиливавшийся разрыв между представлениями руководящих фигур общества о необходимой деятельности и реальными возможностями такую деятельность осуществлять.

Из этого вовсе не следовало, что Шереметев и другие руководящие фигуры ОРРИП были оторваны от реальной жизни. Просто в своем неуклонном отстаивании выбранного ими политического идеала они либо переоценивали реальные возможности организации, либо не желали считаться с реальным положением дел и предъявляли своим подчиненным невыполнимые требования. Так, например, у ОРРИП явно не было возможности выдерживать конкуренцию с другими общественными организациями, которые занимались просветительской деятельностью. Тем более, что эти другие организации успешно вели свою работу в популярном оппозиционном ключе (либеральном или даже революционно-демократическом), а провластные трактовки не находили поддержки.

Местные организации ОРРИП, максимально приближенные к реальной жизни, пытались адаптировать свою работу к тем условиям, в которых они находились, но в таком случае утрачивалась идеологическая гомогенность всего проекта. Если до 1905–1906 гг. эти проблемы хотя и мешали, но не выглядели непреодолимыми, то после наступления эпохи публичной политики несоответствие реальных возможностей организации ее заявленным целям нарастало и приводило к постоянным пробуксовкам в работе.

Таким образом, ОРРИП именно как организация, отстаивавшая политические ценности самодержавия, была обречена на неуспех в ситуации усугублявшегося кризиса этой политической системы, а ее коммеморативные практики становились все более неэффективными.

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 1287 – Шереметевы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1088–Шереметевы

Ф. 747 – Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III

Нормативные акты

1. Правила о бесплатных народных библиотеках Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1897.
2. Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895. 19 с.

Делопроизводственные документы

1. Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1896/7 год. СПб.: Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, 1897. 42 с.
2. Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III за 1897/1898 год. СПб., 1898. 72 с.
3. Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III за 1898/1899 год. СПб.: Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, 1899. 79, 7 с.
4. Протокол общего собрания... / О-во ревнителей рус. ист. просвещения... - 7 апреля 1896 года. СПб.: [Б.и], 1896. - 41 с.

Издания Общества ревнителей русского исторического просвещения

1. Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. № 1. 26 февраля 1900. СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1900. 36 с.
2. Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. № 2. 20 октября 1900. СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1900. 25 с.
3. Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. № 3. 10 июня 1901. СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1901. 43 с.
4. Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. № 4. 26 февраля 1902. СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1902. 36 с.
5. Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. 1902. 26 февраля. № 4. СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1902. 55 с.
6. Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. № 5. 26 февраля 1904. СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1904. 54 с.
7. Издания Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.
Вып. 1: Завет царя миротворца: Речь прот. П.А. Смирнова, произнес. 26 февр. 1897 г. в торжеств. собр. СПб.: О-во ревнителей рус. ист. прос., 1897. 16 с.
8. Вып. 2: 1. Речь гр. С. Д. Шереметева: 2. Стихотворение А. Н. Майкова. 3. Стихотворение гр. А. А. Голенищева-Кутузова : произнесенные 26 февраля 1897 г. в торжественном собрании Общества. 1897. [2], 5 с.
9. Вып. 6: Речь председателя Общества, произнесенная в заседании Совета 21 апреля 1902 г. в двадцатый день по кончине Дмитрия Сергеевича Сипягина. 1902. [2], 3 с.

10. Вып. 7: Речь председателя Общества, произнесенная в заседании Совета 12 мая 1902 г. по поводу кончины Сергея Александровича Рачинского / [С. Д. Шереметев]. 1902. 4 с.
11. Вып. 15: Речь председателя Общества, произнесенная 29 января 1906 г. в заседании Совета Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. - 1906. - [2], 2 с.
12. Император Александр III в русской поэзии, 26 февраля 1845 - 20 октября 1894 г.: сборник стихотворений / Сост. В.М. Бузни. М.: Общество ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III, 1912. [4], IV, 130, [2] с., [1] л. портр.
13. Народные библиотеки Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1899. 45 с.
14. Очерк главных оснований деятельности местных отделов Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1900. 18 с.
15. Старина и новизна. Кн. 1. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. 324 с.
16. Старина и новизна. Кн. 2. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1898. 385 с.
17. Старина и новизна. Кн. 3. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1900. 371 с.
18. Старина и новизна. Кн. 4. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1901. 444 с.
19. Старина и новизна. Кн. 5. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902. 327 с.
20. Старина и новизна. Кн. 6. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1903. 367 с.
21. Старина и новизна. Кн. 10. М.: Синодальная типография, 1905. 592 с.
22. Старина и новизна. Кн. 11. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1906. 298 с.
22. Старина и новизна. Кн. 12. М.: Синодальная типография, 1907. 389 с.
23. Старина и новизна. Кн. 13. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1909. 303 с.
24. Старина и новизна. Кн. 14. М.: Синодальная типография, 1911. 570 с.
25. Старина и новизна. Кн. 15. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1911. 257 с.
26. Старина и новизна. Кн. 16. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1913. V, 185, IV с.
27. Старина и новизна. Кн. 17. М.: Синодальная типография, 1914. 428 с.

28. Старина и новизна. Кн. 18. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1914. 281, 100, 4, 2 с.

29. Старина и новизна. Кн. 19. Пг.: Типография Главного управления уделов, 1915. 330, IX с.

Мемуары, дневники, переписка

1. *Butte С.Ю.* Воспоминания. Т. 1-3. М., 1960.

2. Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1–3 / Сост. К.А. Вах, Л.И. Шохин. М.: Индрик, 2005.

Сочинения разных авторов, посвященные памяти Александра III

1. *Dillon E.J.* Russia Today and Yesterday. An Impartial View of Soviet Russia. New York: Doubleday, Doran & Company, Inc., 1930. 325 p.

2. *Lowe C.* Alexander III of Russia. New York: Macmillan and Co., 1895. XII, 370 p.;

3. *Lowe C.* London: William Heinemann, 1895. XII, 370 p.

Периодика

1. Московские ведомости

2. Киевлянин

3. Свет

The New York Times

The Spectator.

Список литературы

1. «Велик державный труд!» Поэтическое приношение императору Александру III: сборник поэтических произведений / Сост. П.В. Левченко, под общ. ред. Д.А. Андреева. М.: Издательство Московского университета, 2018. 224 с.

2. *Аксенова Г.В.* «Знаток русской старины»: О выдающемся исследователе древнерусского искусства, педагоге, просветителе Василии Тимофеевиче Георгиевском (1861–1923) // Московский журнал. 2017. № 9. С. 78–96.

3. *Андреев Д.А.* Борьба ревнителей: просветительские альтернативы в начале царствования Николая II // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 1 (44). С. 58–74.
4. *Андреев Д.А.* «Несомненно – беда быстро надвигается»: официальная информация и слухи о состоянии здоровья императора Александра III осенью 1894 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 2. С. 35–55.
5. *Андреев Д.А.* Борьба ревнителей: просветительские альтернативы в начале царствования Николая II // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 1 (44). С. 58–74.
6. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
7. *Белоусова О.В.* Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX – начала XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ имени М.В Ломоносова, 2012. 217 с.
8. *Буслаев А.И.* Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ имени М.В Ломоносова, 2010. 305 с.
9. «Велик державный труд!» Поэтическое приношение императору Александру III: сборник поэтических произведений / Сост. П.В. Левченко, под общ. ред. Д.А. Андреева. М.: Издательство Московского университета, 2018. 224 с.
10. *Воронцов А.Р.* Владимир Карлович Лилиенфельд (Hugo Reinhold Woldemar Lilienfeldt): на службе отечеству и обществу // Краеведческие записки. 2016. № 23. С. 58–67.

11. *Данилова О.С.* Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2005. 237 с.
12. *Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К.* Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 280–291.
13. *Дронов И.Е.* В.Н. Лясковский и его книга об императоре Александре III // Русско-Византийский вестник. 2021 № 1 (4). С. 102–124.
14. *Захаров О.И.* Засеивая новое дисциплинарное поле: обзор содержания межвузовского сборника научных трудов «История и историческая память» // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 386–390.
15. *Исхакова О.Д.* К созданию в Приамурском крае отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. Вып. 5 (25). С. 26–29.
16. *Каплан В.* Исторические общества и идея исторического просвещения (конец XIX – XX века) // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 355–382.
17. *Красавченко Т.Н.* Феномен русофилии в английской культуре начала XX в.: Д. Уоллес Маккензи, Бернард Пейрс, Морис Бэринг и Стивен Грэм // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный информационно-аналитический журнал. 2020. № 3. С. 81–93.
18. *Крот М.Н.* «Северо-Западный край... особенно нуждается в русском историческом просвещении»: отчет Виленского отдела Общества

- ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1903 год // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 174–188.
19. *Крот М.Н.* «Мирное завоевание умов и сердец силою просвещения...»: деятельность Виленского отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 2 (112).
20. *Куликова С.Г.* Консерваторы и земство: планы и результаты деятельности 1864–1914 гг. М.: Новый Хронограф, 2019.
21. *Кунгурцева А.Ю.* Л.Н. Толстой в современном англо-американском литературоведении // [Electronic resource]: <https://lit-yaz.ru/literatura/102750/index.html> (date of retrieval: 30.09.2021).
22. *Курилла И.И.* История и память в 2004, 2008 и 2014 годах // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). С. 36–43.
23. *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
24. *Леонтьева О.Б.* Как реформа стала великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 229–245.
25. *Малинова О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 6–22.
26. *Мелентьев Ф.И.* «России царь самодержавный угас во цвете лет и сил»: образ Александра III в стихотворениях на его кончину (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Русско-византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 286–306.

27. Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
28. Мещенина А.А. К вопросу об историческом просвещении русского народа в конце XIX – начале XX века // Петербургские исследования. 2011. № 3. С. 83–91.
29. Мещенина А.А. О бесплатных народных библиотеках Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III // Точка зрения: межвузовский сборник научных трудов / Науч. ред. А. А. Сальникова. Казань: [б. и.], 1999. С. 46–52.
30. Мещенина А.А. С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 260 с.
31. Письма академика П.Г. Виноградова И.В. Шкловскому (Дионео) / Публ. А.В. Антощенко // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001. С. 317.
32. Ретина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 1. С. 82–99.
33. Ретина Л.П. Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти») // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 28–43.
34. Ростовцев В.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. № 2. С. 106–126.
35. Румянцева М.Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 41–54.
36. Русин Д.О. Политика первых лет царствования Николая II на страницах дневника графа Шереметева // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 41–61.

37. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 439 с.
38. *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с.
39. *Селунская Н.Б.* «Спасение от забвения...»: репрезентация прошлого в источниках исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 4. С. 114–131.
40. *Смирнов Я.Е.* Деятели Костромы и Нижнего Новгорода в материалах личного архива А. А. Титова // Сообщения Ростовского музея. Вып. 21. Ростов: [б. и.], 2016. С. 124–142.
41. Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 400 с.
42. *Соколовская О.В.* Эмилий Диллон, англо-русский ученый и его архив в США // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 473–491.
43. *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. М.: Наука, 1975. С. 38–55.
44. Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича. В 2 кн. / Подгот. Текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой; вступ. ст. Н.А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: сборник документов. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова; «Российский Архив»; Российский государственный исторический архив, 2002. С. 5–442.
45. *Токтоңызова Ф.М.* Общественно-политическая и публицистическая деятельность О.А. Новиковой во второй половине XIX – начале XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2017.
46. *Федорова Н.М.* «Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» как историко-

- педагогический источник // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2015. № 3 (44). С. 135–137.
47. *Халявин Н.В.* Историография истории России (дореволюционный период): курс лекций. Изд. 2-е, испр. и доп. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. 260 с.
48. *Цимбаев К.Н.* Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 70–79.
49. *Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.
50. *Stevenson R.S. Morell Mackenzie.* London: William Heinemann, 1946. VIII, 194 p.